C. PETRONII SATIRICON LIBER

ПЕТРОНИЙ АРБИТР. САТИРИКОН

<. . .>

[I] "Num alio genere Furiarum declamatores inquietantur, qui clamant: 'Haec vulnera pro libertate publica excepi; hunc oculum pro vobis impendi: date mihi ducem, qui me ducat ad liberos meos, nam succisi poplites membra non sustinent'? Haec ipsa tolerabilia essent, si ad eloquentiam ituris viam facerent. Nunc et rerum tumore et sententiarum vanissimo strepitu hoc tantum proficiunt ut, cum in forum venerint, putent se in alium orbem terrarum delatos. Et ideo ego adulescentulos existimo in scholis stultissimos fieri, quia nihil ex his, quae in usu habemus, aut audiunt aut vident, sed piratas cum catenis in litore stantes, sed tyrannos edicta scribentes quibus imperent filiis ut patrum suorum capita praecidant, sed responsa in pestilentiam data, ut virgines tres aut plures immolentur, sed mellitos verborum globulos, et omnia dicta factaque quasi papavere et sesamo sparsa.

I. -...Но разве не тем же безумием одержимы декламаторы, вопящие: "Эти раны я получил за свободу отечества, ради вас я потерял этот глаз. Дайте мне вожатого, да отведет он меня к чадам моим, ибо не держат изувеченные стопы тела моего". Впрочем, все это еще было бы терпимо, если бы действительно открывало путь к красноречию. Но пока эти надутые речи, эти кричащие выражения ведут лишь к тому, что пришедшему на форум кажется, будто он попал в другую часть света. Именно потому, я думаю, и выходят дети из школ дураки дураками, что ничего жизненного, обычного они там не видят и не слышат, а только и узнают что россказни про пиратов, торчащих с цепями на морском берегу, про тиранов, подписывающих указы с повелением детям обезглавить собственных отцов, да про дев, приносимых в жертву целыми тройками, а то и больше, по слову оракула, во избавление от чумы, да еще всяческие округленные, медоточивые словоизвержения, в которых и слова, и дела как будто посыпаны маком и кунжутом.

[II] "Qui inter haec nutriuntur, non magis sapere possunt quam bene olere qui in culina habitant. Pace vestra liceat dixisse, primi omnium eloquentiam perdidistis. Levibus enim atque inanibus sonis ludibria quaedam excitando, effecistis ut corpus orationis enervaretur et caderet. Nondum iuvenes declamationibus continebantur, cum Sophocles aut Euripides invenerunt verba quibus deberent loqui. Nondum umbraticus doctor ingenia deleverat, cum Pindarus novemque lyrici Homericis versibus canere timuerunt. Et ne poetas quidem ad testimonium citem, certe neque Platona neque Demosthenen ad hoc genus exercitationis accessisse video. Grandis et, ut ita dicam, pudica oratio non est maculosa nec turgida, sed naturali pulchritudine exsurgit. Nuper ventosa istaec et enormis loquacitas Athenas ex Asia commigravit animosque iuvenum ad magna surgentes veluti pestilenti quodam sidere adflavit, semelque corrupta regula eloquentia stetit et obmutuit. Ad summam, quis postea Thucydidis, quis Hyperidis ad famam processit? Ac ne carmen quidem sani coloris enituit, sed omnia quasi eodem cibo pasta non potuerunt usque ad senectutem canescere. Pictura quoque non alium exitum fecit, postquam Aegyptiorum audacia tam magnae artis

II. Питаясь подобными вещами, так же трудно развить тонкий вкус, как хорошо пахнуть, живя на кухне. О, риторы и схоласты, не во гнев вам будет сказано, именно вы-то и погубили красноречие! Пустословием, игрою в двусмысленность и бессодержательную звонкость вы сделали его предметом насмешек, вы обессилили, омертвили и привели в полный упадок его прекрасное тело. Юноши не упражнялись в "декламациях" в те времена, когда Софокл и Эврипид находили нужные слова. Кабинетный буквоед еще не губил дарований во дни, когда даже Пиндар и девять лириков не дерзали писать омеровым стихом. Да, наконец, оставляя в стороне поэтов, уж, конечно, ни Платон, ни Демосфен не предавались такого рода упражнениям. Истинно возвышенное и, так сказать, девственное красноречие заключается в естественности, а не в вычурностях и напыщенности. Это надутое, пустое многоглаголание прокралось в Афины из Азии. Словно чумоносная звезда, возобладало оно над настроением молодежи, стремящейся к познанию возвышенного, и с тех пор, как основные законы красноречия стали вверх дном, само оно замерло в застое

compendiariam invenit."

и онемело. Кто из позднейших достиг совершенства Фукидида, кто приблизился к славе иперида? (наши дни) не появляется ни одного здравого произведения. се они точно вскормлены одной и той же пищей: ни одно не доживает до седых волос. Живописи суждена та же участь, после того как наглость египтян донельзя упростила это высокое искусство.

[III] Non est passus Agamemnon me diutius declamare in porticu, quam ipse in schola sudaverat, sed: "Adulescens, inquit, quoniam sermonem habes non publici saporis et, quod rarissimum est, amas bonam mentem, non fraudabo te arte secreta. <Nihil> nimirum in his exercitationibus doctores peccant qui necesse habent cum insanientibus furere. Nam nisi dixerint quae adulescentuli probent, ut ait Cicero, 'soli in scolis relinquentur'. Sicut ficti adulatores cum cenas divitum captant, nihil prius meditantur quam id quod putant gratissimum auditoribus fore — nec enim aliter impetrabunt quod petunt, nisi quasdam insidias auribus fecerint — sic eloquentiae magister, nisi tanquam piscator eam imposuerit hamis escam, quam scierit appetituros esse pisciculos, sine spe praedae morabitur in scopulo.

III. Агамемнон не мог потерпеть, чтобы я дольше разглагольствовал под портиком, чем он потел в школе.

- Юноша, - сказал он, - речь твоя идет вразрез со вкусом большинства и полна здравого смысла, что теперь особенно редко встречается. Поэтому я не скрою от тебя тайн нашего искусства. Менее всего виноваты в этом деле учителя, которым поневоле приходится бесноваться среди бесноватых. Ибо, начни учителя преподавать не то, что нравится мальчишкам,- "они остались бы в школах одни-одинешеньки", как сказал Цицерон. этом случае они поступают совершенно как льстецы-притворщики, желающие попасть на обед к богачу: только о том и заботятся, как бы сказать что-либо, по их мнению, приятное, ибо без ловушек лести им никогда не добиться своего. от так и учитель красноречия. Если, подобно рыбаку, не взденет на крючок заведомо привлекательной для рыбешек приманки, то и останется сидеть на скале, без надежды на улов.

[IV] "Quid ergo est? Parentes obiurgatione digni sunt, qui nolunt liberos suos severa lege proficere. Primum enim sic ut omnia, spes quoque suas ambitioni donant. Deinde cum ad vota properant, cruda adhuc studia in forum impellunt, et eloquentiam, qua nihil esse maius confitentur, pueris induunt adhuc nascentibus. Quod si paterentur laborum gradus fieri, ut sapientiae praeceptis animos componerent, ut verba atroci stilo effoderent, ut quod vellent imitari diti audirent, <ut persuaderent> sibi nihil esse magnificum quod pueris placeret: iam illa grandis oratio haberet maiestatis suae pondus. Nunc pueri in scholis ludunt, iuvenes ridentur in foro, et quod utroque turpius est, quod quisque <puer> perperam didicit, in senectute confiteri non vult. Sed ne me putes improbasse schedium Lucilianae humilitatis, quod sentio, et ipse carmine effingam:

IV. Что же следует из этого? Порицания достойны родители, не желающие воспитывать своих детей в строгих правилах. Прежде всего они строят свои надежды, как и все прочее, на честолюбии. Затем, торопясь скорее достичь желаемого, гонят недоучек на форум, и красноречие, которое, по их собственному признанию, стоит выше всего на свете, отдается в руки молокососов. Совсем другое было бы, если бы они допустили, чтобы преподавание велось последовательно и постепенно, чтобы учащиеся юноши приучались читать внимательно и усваивать всей душой правила мудрости, чтобы исчезло с их языка ужасное пустословие убийственного стиля, чтобы они внимательно изучали образцы, назначенные им к подражанию: вот верный путь к тому, чтобы доказать, что нет ровно ничего прекрасного в напыщенности, ныне чарующей

юнцов. Тогда бы то возвышенное красноречие (о котором ты говорил) возымело бы действие, достойное его величия. Теперь же мальчишки дурачатся в школах, а над юношами смеются на форуме, и хуже всего то, что кто смолоду плохо обучен, тот до старости в этом не сознается. Но дабы ты не думал, что я не одобряю непритязательных импровизаций в духе Люцилия, я изложу свою мысль в стихах.

[V] "Artis severae si quis ambit effectus
mentemque magnis applicat, prius mores
frugalitatis lege poliat exacta.
Nec curet alto regiam trucem vultu
cliensve cenas inpotentium captet,
nec perditis addictus obruat vino
mentis calorem; neve plausor in scenam
sedeat redemptus histrioniae addictus.
Sed sive armigerae rident Tritonidis arces,
seu Lacedaemonio tellus habitata colono
Sirenumque domus, det primos versibus annos
Maeoniumque bibat felici pectore fontem.
Mox et Socratico plenus grege mittat habenas
liber, et ingentis quatiat Demosthenis arma.
Hinc Romana manus circumfluat, et modo Graio
exonerata sono mutet suffusa saporem.
Interdum subducta foro det pagina cursum,
et fortuna sonet celeri distincta meatu.
Dent epulas et bella truci memorata canore,
grandiaque indomiti Ciceronis verba minentur.
Hi animum succinge bonis: sic flumine largo
plenus Pierio defundes pectore verba."

V. Науки строгой кто желает плод видеть,
Пускай к высоким мыслям обратит ум свой,
Суровым воздержаньем закалит нравы:
Тщеславно пусть не ищет он палат гордых.
К пирам обжор не льнет, как блюдолиз жалкий,
Пусть пред подмостками он не сидит днями,
С венком в кудрях, рукоплеща игре мимов.
Если ж мил ему град Тритонии оруженосной,
Или по сердцу пришлось поселение лакедемонян[11],
Или постройка Сирен - пусть отдаст он поэзии юность,
Чтобы с веселой душой вкушать от струи Мэонийской.
После, бразды повернув, перекинется к пастве Сократа.
Будет свободно бряцать Демосфеновым мощным оружьем.
Далее римлян толпа пусть обступит его и, изгнавши
Греческий звук из речей, их дух незаметно изменит.
Форум покинув, порой он заполнит страницу стихами,
Лира его пропоет, оживленная быстрой рукою.
Чуть горделивая песнь о пирах и сраженьях расскажет,
Непобедим загремит возвышенный слог Цицерона.
Вот чем тебе надлежит напоить свою грудь, чтоб широким,
Вольным потоком речей изливать пиэрийскую душу.

[VI] Dum hunc diligentius audio, non notavi mihi Ascylti fugam <. . .> Et dum in hoc dictorum aestu in hortis incedo, ingens scolasticorum turba in porticum venit, ut apparebat, ab extemporali declamatione nescio cuius, qui Agamemnonis suasoriam exceperat. Dum ergo iuvenes sententias rident ordinemque totius dictionis infamant, opportune subduxi me et cursim

VI. Я так заслушался этих речей, что не заметил исчезновения Аскилта. Пока я раздумывал над сказанным, портик наполнился громкой толпой молодежи, возвращавшейся, как мне кажется, с импровизированной речи какого-то неизвестного, возражавшего на "суазорию" Агамемнона. Пока эти молодые люди, осуждая

Ascylton persequi coepi. Sed nec viam diligenter tenebam quia <. . .> nec quo loco stabulum esset sciebam. Itaque quocumque ieram, eodem revertabar, donec et cursu fatigatus et sudore iam madens accedo aniculam quandam, quae agreste holus vendebat et:

строй речи, насмехались над ее содержанием, я потихоньку ушел, желая разыскать Аскилта. Но, к несчастью, я ни дороги точно не знал, ни местоположения (нашей) гостиницы не помнил.

В какую бы сторону я ни направлялся - все приходил на прежнее место. Наконец, утомленный беготней и весь обливаясь потом, я обратился к какой-то старушонке, торговавшей овощами.

[VII] "Rogo, inquam, mater, numquid scis ubi ego habitem?" Delectata est illa urbanitate tam stulta et: "Quidni sciam?" inquit, consurrexitque et coepit me praecedere. Divinam ego putabam et subinde ut in locum secretiorem venimus, centonem anus urbana reiecit et: "Hic, inquit, debes habitare." Cum ego negarem me agnoscere domum, video quosdam inter titulos nudasque meretrices furtim spatiantes. Tarde, immo iam sero intellexi me in fornicem esse deductum. Execratus itaque aniculae insidias operui caput et per medium lupanar fugere coepi in alteram partem, cum ecce in ipso aditu occurrit mihi aeque lassus ac moriens Ascyltos: putares ab eadem anicula esse deductum. Itaque ut ridens eum consalutavi, quid in loco tam deformi faceret quaesivi.

VII. - Матушка, - сказал я, - не знаешь ли часом, где я живу?

- Как не знать! - отвечала она, рассмеявшись столь глупой остроте. Встала и пошла впереди (показывая мне дорогу). Я решил в душе, что она ясновидящая. скоре, однако, старуха, заведя меня в глухой переулок, распахнула лоскутную завесу и сказала:

- Вот где ты должен жить.

Пока я уверял ее, что не знаю этого дома, я увидел внутри какие-то надписи и голых потаскушек, пугливо разгуливавших (под ними). Слишком поздно я понял, что попал в трущобу. Проклиная вероломную старуху, я, закрыв плащом голову, бегом бросился через весь лупанар в другой конец. Как вдруг, уже у самого выхода, меня нагнал Аскилт, тоже полумертвый от усталости. Можно было подумать, что его привела сюда та же старушонка. Я отвесил ему насмешливый поклон и осведомился, что, собственно, он делает в столь постыдном учреждении?

[VIII] Sudorem ille manibus detersit et: "Si scires, inquit, quae mihi acciderunt. — Quid novi?" inquam ego. At ille deficiens: "Cum errarem, inquit, per totam civitatem nec invenirem quo loco stabulum reliquissem, accessit ad me pater familiae et ducem se itineris humanissime promisit. Per anfractus deinde obscurissimos egressus in hunc locum me perduxit, prolatoque peculis coepit rogare stuprum. Iam pro cella meretrix assem exegerat, iam ille mihi iniecerat manum et nisi valentior fuissem, dedissem poenas. <. . .> adeo ubique omnes mihi videbantur satureum bibisse <. . .> iunctis viribus molestum contempsimus.
<. . .>

VIII. Он вытер руками пот и сказал:

- Если бы ты только знал, что со мною случилось!

- Почем мне знать, - отвечал я. Он же в изнеможении рассказал следующее:

- Я долго бродил по всему городу и никак не мог найти нашего местожительства. друг ко мне подходит некий почтенный муж и любезно предлагает проводить меня. Какими-то темными закоулками он провел меня сюда и, вытащив кошелек, стал делать мне гнусные предложения. Хозяйка уже получила плату за комнату, он уже вцепился в меня... и, не будь я сильней его, мне пришлось бы плохо...

Все они словно сатирионом опились...

Соединенными силами мы отбились от докучного безобразника...

[IX] Quasi per caliginem vidi Gitona in crepidine semitae stantem et in eundem locum me conieci. Cum quaererem numquid nobis in prandium frater parasset, consedit puer super lectum et

IX. Я, наконец, как в тумане завидел Гитона, стоявшего на приступке переулка, и бросился туда... Когда я обратился к нему с вопросом, приготовил ли нам братец что-нибудь на

manantes lacrumas pollice extersit. Perturbatus ego habitu fratris, quid accidisset quaesivi. Et ille tarde quidem et invitus, sed postquam precibus etiam iracundiam miscui: "Tuus, inquit, ist frater seu comes paulo ante in conductum accucurrit, coepitque mihi velle pudorem extorquere. Cum ego proclamarem, gladium strinxit et 'Si Lucretia es, inquit, Tarquinium invenisti'". Quibus ego auditis intentavi in oculos Ascylti manus et: "Quid dicis, inquam, muliebris patientiae scortum, cuius ne spiritus purus est?" Inhorrescere se finxit Ascyltos, mox sublatis fortius manibus longe maiore nisu clamavit: "Non taces, inquit, gladiator obscene, quem de ruina harena dimisit? Non taces, nocturne percussor, qui ne tum quidem, cum fortiter faceres, cum pura muliere pugnasti, cuius eadem ratione in viridario frater fui, qua nunc in deversorio puer es. — Subduxisti te, inquam, a praeceptoris colloquio.

[X] — Quid ego, homo stultissime, facere debui, cum fame morerer? An videlicet audirem sententias, id est vitrea fracta et somniorum interpretamenta? Multo me turpior es tu hercule, qui ut foris cenares, poetam laudasti". Itaque ex turpissima lite in risum diffusi pacatius ad reliqua secessimus. <. . .>

Rursus in memoriam revocatus iniuriae: "Ascylte, inquam, intellego nobis convenire non posse. Itaque communes sarcinulas partiamur ac paupertatem nostram privatis questibus temptemus expellere. Et tu litteras scis et ego. Ne quaestibus tuis obstem, aliud aliquid promittam; alioqui mille causae quotidie nos collident et per totam urbem rumoribus different."

Non recusavit Ascyltos et: "Hodie, inquit, quia tanquam scholastici ad cenam promisimus, non perdamus noctem. Cras autem, quia hoc libet, et habitationem mihi prospiciam et aliquem fratrem. — Tardum est, inquam, differre quod placet."

Hanc tam praecipitem divisionem libido faciebat; iam dudum enim amoliri cupiebam custodem molestum, ut veterem cum Gitone meo rationem reducerem. <. . .>

[XI] Postquam lustravi oculis totam urbem, in

обед, мальчик сел на кровать и стал большим пальцем вытирать обильные слезы. Взолнованный видом братца, я спросил, что случилось. Он ответил нехотя и нескоро, лишь после того как к моим просьбам примешалось раздражение.

- Этот вот, твой брат или товарищ, прибежал незадолго до тебя и принялся склонять меня на стыдное дело. Когда же я закричал, он обнажил меч, говоря:

- Если ты Лукреция, то я твой Тарквиний. Услыхав это, я едва не выцарапал глаза Аскилту.

- Что скажешь ты, женоподобная шкура, чье самое дыхание нечисто? - кричал я.

Аскилт же, притворяясь страшно разгневанным и размахивая руками, заорал еще пуще меня:

- Замолчишь ли ты, гладиатор поганый, отброс арены! Замолчишь ли, ночной грабитель, никогда не преломивший копья с порядочной женщиной, даже в те времена, когда ты был еще способен к этому! Ведь я точно так же был твоим братцем в цветнике, как этот мальчишка - в гостинице.

- Ты удрал во время моего разговора с наставником! - упрекнул его я.

X. - А что мне оставалось делать, дурак ты этакий? Я умирал с голоду. Неужто же я должен был выслушивать ваши рассуждения о битой посуде и цитаты из сонника. Поистине, ты поступил много гнуснее меня, когда расхваливал поэта, чтобы пообедать в гостях...

Таким образом наша безобразная ссора разошлась смехом, и мы мирно перешли на другие темы...

Снова вспомнив обиды, я сказал:

- Аскилт, я чувствую, что у нас с тобой не будет ладу. Поэтому разделим наши общие пожитки, разойдемся и будем бороться с бедностью каждый порознь. И ты сведущ в науках, и я. Но, чтобы тебе не мешать, я изберу другой род занятий. противном случае нам придется на каждом шагу сталкиваться, и мы скоро станем притчей во языцех.

Аскилт согласился.

- Сегодня,- сказал он,- мы в качестве схоластов приглашены на пир. Не будем попусту терять ночь. Завтра же, если угодно, я подыщу себе и другого товарища, и другое жилище.

- Глупо откладывать до завтра то, что хочешь

cellulam redii, osculisque tandem bona fide exactis alligo artissimis complexibus puerum, fruorque votis usque ad invidiam felicibus. Nec adhuc quidem omnia erant facta, cum Ascyltos furtim se foribus admovit, discussisque fortissime claustris invenit me cum fratre ludentem. Risu itaque plausuque cellulam implevit, opertum me amiculo evoluit et: "Quid agebas, inquit, frater sanctissime? Quid? Vesticontubernium facis?" Nec se solum intra verba continuit, sed lorum de pera soluit et me coepit non perfunctorie verberare, adiectis etiam petulantibus dictis: "Sic dividere cum fratre nolito." <. . .>

сделать сегодня,- возразил я.
(Дело в том, что) страсть торопила меня к скорейшему разрыву. Уже давно жаждал я избавиться от этого несносного стража, чтобы снова взяться с Гитоном за старое...

XI.

Обыскав чуть не весь город, я вернулся в комнату и, всласть нацеловавшись с мальчиком, заключил его в тесные объятия, на зависть счастливый в своих начинаниях. Но еще не все было кончено, когда тайком подкравшийся к двери Аскилт с силой рванул замок и накрыл меня в самый разгар игры с братцем. Хлопая в ладоши, он огласил комнату громким смехом и, сорвав с меня одеяло, воскликнул:

- Что ты делаешь, свят муж? Так вот зачем ты выжил меня с квартиры!

Затем, не довольствуясь насмешками, отвязал от сумки ремень и принялся не шутя стегать меня, приговаривая: "Так-то ты делишься с братом?"

[XII] Veniebamus in forum deficiente iam die, in quo notavimus frequentiam rerum venalium, non quidem pretiosarum sed tamen quarum fidem male ambulantem obscuritas temporis facillime tegeret. Cum ergo et ipsi raptum latrocinio pallium detulissemus, uti occasione opportunissima coepimus atque in quodam angulo laciniam extremam concutere, si quem forte emptorem splendor vestis posset adducere. Nec diu moratus rusticus quidam familiaris oculis meis cum muliercula comite propius accessit ac diligentius considerare pallium coepit. Invicem Ascyltos iniecit contemplationem super umeros rustici emptoris, ac subito exanimatus conticuit. Ac ne ipse quidem sine aliquo motu hominem conspexi, nam videbatur ille mihi esse, qui tunicam in solitudine invenerat. Plane is ipse erat. Sed cum Ascyltos timeret fidem oculorum, ne quid temere faceret, prius tanquam emptor propius accessit detraxitque umeris laciniam et diligentius temptavit.

XII. Уже смеркалось, когда мы пришли на форум, где увидели целые груды недорогих товаров, сомнительную доброкачественность которых, однако, удачно скрывали сумерки. По той же причине и мы притащили с собой украденный плащ. Мы решили воспользоваться удобным случаем и, став на углу, стали потрясать его полами в расчете на то, что роскошная одежда привлечет покупателя. скоре к нам подошел знакомый мне по виду поселянин в сопровождении какой-то бабенки и принялся внимательно рассматривать плащ. Аскилт в свою очередь взглянул на плечи мужика-покупателя и от изумления остолбенел. Я тоже не без волнения посматривал на молодца: мне показалось, что это тот самый, что нашел за городом мою тунику. Но Аскилт боялся верить глазам своим. Чтоб не действовать опрометчиво, он под предлогом, будто желает купить у мужика тунику, стащил ее с его плеч и крепко держал ее.

[XIII] O lusum fortunae mirabilem! Nam adhuc ne suturae quidem attulerat rusticus curiosas manus, sed tanquam mendici spolium etiam fastidiose venditabat. Ascyltos postquam depositum esse inviolatum vidit et personam vendentis contemptam, seduxit me paululum a turba et: "Scis, inquit, frater, rediisse ad nos thesaurum de quo querebar? Illa est tunicula adhuc, ut apparet, intactis aureis plena. Quid

XIII. О, удивительная игра Судьбы! Мужик до сих пор не полюбопытствовал ощупать швы туники и продавал ее как бы нехотя, точно нищенские лохмотья. Аскилт, убедившись, что сокровище неприкосновенно и что продавец - неважная птица, отвел меня в сторонку и сказал:

- Знаешь, братец, к нам вернулось сокровище, о котором я сокрушался. Это та самая милая

ergo facimus, aut quo iure rem nostram vindicamus?" Exhilaratus ego non tantum quia praedam videbam, sed etiam quod fortuna me a turpissima suspicione dimiserat, negavi circuitu agendum sed plane iure civili dimicandum, ut si nollet alienam rem domino reddere, ad interdictum veniret.

туника, видимо, еще полная нетронутых золотых. Но что делать? На каком основании получить обратно нашу вещь?

Я, обрадованный не столько возвращением добычи, сколько тем, что фортуна сняла с меня позорное обвинение (в краже), отверг всяческие увертки и посоветовал действовать на основании гражданского права, а именно: если мужик откажется вернуть чужую собственность законным владельцам, то притянуть его к суду.

[XIV] Contra Ascyltos leges timebat et: "Quis, aiebat, hoc loco nos novit, aut quis habebit dicentibus fidem? Mihi plane placet emere, quamvis nostrum sit, quod agnoscimus, et parvo aere recuperare potius thesaurum, quam in ambiguam litem descendere:

Quid faciant leges, ubi sola pecunia regnat, aut ubi paupertas vincere nulla potest? Ipsi qui Cynica traducunt tempora pera, non numquam nummis vendere vera solent. Ergo iudicium nihil est nisi publica merces, atque eques in causa qui sedet, empta probat."

Sed praeter unum dipondium, quo cicer lupinosque destinaveramus mercari, nihil ad manum erat. Itaque ne interim praeda discederet, vel minoris pallium addicere placuit ut pretium maioris compendii leviorem faceret iacturam. Cum primum ergo explicuimus mercem, mulier operto capite, quae cum rustico steterat, inspectis diligentius signis iniecit utramque laciniae manum magnaque vociferatione latrones tenere clamavit. Contra nos perturbati, ne videremur nihil agere, et ipsi scissam et sordidam tenere coepimus tunicam atque eadem invidia proclamare, nostra esse spolia quae illi possiderent. Sed nullo genere par erat causa, et cociones qui ad clamorem confluxerant, nostram scilicet de more ridebant invidiam, quod pro illa parte vindicabant pretiosissimam vestem, pro hac pannuciam ne centonibus quidem bonis dignam. Hinc Ascyltos bene risum discussit, qui silentio facto:

XIV. Аскилт же, напротив, законов боялся.

- Кто нас здесь знает?-говорил он.- Кто поверит нашим словам? Пусть мы доподлинно уверены, что эта вещь - наша, но все же мне больше улыбается купить (плащ) и вернуть сокровище за небольшую плату, чем впутаться в ненадежный процесс.

Что нам поможет закон, где правят лишь деньги да деньги.

Там, где бедняк никого не одолеет в суде?

Даже и те, что всегда довольны кинической кухней,

Часто готовы за мзду голос пристрастный продать.

Стало быть, наш трибунал есть попросту купля-продажа:

Всадник присяжный в суде платный выносит ответ.

Но в наличности у нас не было ничего, кроме одного дупондия, на который мы собирались купить гороха и волчьих бобов. Поэтому, чтобы добыча от нас не ускользнула, мы решили сбавить цену с плаща и выгодной сделкой возместить небольшую потерю. Когда мы объявили нашу цену, женщина с покрытой головой, стоявшая рядом с крестьянином и пристально присматривавшаяся к рисунку плаща, вдруг обеими руками вцепилась в подол и заголосила во все горло: "Держи воров!".

Мы же, с большого перепугу, ничего лучше не придумали, как в свою очередь ухватиться за грязную, рваную тунику и во всеуслышание объявить, что, дескать, эти люди завладели нашей одеждой. Но слишком неравным было наше положение, и сбежавшиеся на крик торгаши принялись заслуженно издеваться над нашей жадностью; ибо, с одной стороны, требовали драгоценную одежду, с другой - лохмотья, которые и на лоскутки не годились. Но Аскилт живо унял смех и, когда молчание воцарилось, сказал:

[XV] "Videmus, inquit, suam cuique rem esse carissimam; reddant nobis tunicam nostram et pallium suum recipiant." Etsi rustico mulierique placebat permutatio, advocati tamen iam paene nocturni, qui volebant pallium lucri facere, flagitabant uti apud se utraque deponerentur ac postero die iudex querelam inspiceret. Neque enim res tantum, quae viderentur in controversiam esse, sed longe aliud quaeri, <quod> in utraque parte scilicet latrocinii suspicio haberetur. Iam sequestri placebant, et nescio quis ex cocionibus, calvus, tuberosissimae frontis, qui solebat aliquando etiam causas agere, invaserat pallium exhibiturumque crastino die affirmabat. Ceterum apparebat nihil aliud quaeri nisi ut semel deposita vestis inter praedones strangularetur, et nos metu criminis non veniremus ad constitutum. <. . .> Idem plane et nos volebamus. Itaque utriusque partis votum casus adiuvit. Indignatus enim rusticus quod nos centonem exhibendum postularemus, misit in faciem Ascylti tunicam et liberatos querela iussit pallium deponere, quod solum litem faciebat, et recuperato, ut putabamus, thesauro in deversorium praecipites abimus, praeclusisque foribus ridere acumen non minus cocionum quam calumniantium coepimus, quod nobis ingenti calliditate pecuniam reddidissent.

Nolo quod cupio statim tenere,
nec victoria mi placet parata.

XV. - Как видно, каждому дорого свое: поэтому пусть берут свой плащ, а нам отдадут нашу тунику.

Предложение понравилось и крестьянину, и женщине, но какие-то крючкотворы, а вернее сказать - жулики, захотевшие поживиться плащом, громко потребовали, чтобы до завтра, когда судья разберет дело, обе вещи были переданы им на хранение. Дело, по их мнению, было далеко не так просто, как казалось, а гораздо сложнее, ибо на обеих сторонах тяготело подозрение в воровстве.

Толпа одобрила посредников, и один из торгашей, лысый и прыщеватый, который при случае вел тяжбы, заграбастал плащ, уверяя, что вернет его на следующий день. прочем, затея этих мошенников была ясна: просто они хотели присвоить попавший им в руки плащ, думая, что тяжущиеся стороны, боясь обвинения в воровстве, на суд не явятся. Точно того же хотели и мы. Таким образом, случай был выгоден для обеих сторон. Мы потребовали, чтобы мужик предъявил нашу тунику, и он в возмущении швырнул ее в лицо Аскилту. Избавившись таким образом от иска, он велел нам сдать посреднику плащ, который теперь уже являлся единственным предметом спора. удучи в полной уверенности, что наше сокровище снова у нас в руках, мы поспешно вернулись в гостиницу и, заперев двери, вдоволь нахохотались над догадливостью торгашей и кляузников, которые от большого ума отдали нам столько денег.

[XVI] Sed ut primum beneficio Gitonis praeparata nos implevimus cena, ostium satis audaci strepitu impulsum exsonuit. Cum et ipsi ergo pallidi rogaremus quis esset: "Aperi, inquit, iam scies." Dumque loquimur, sera sua sponte delapsa cecidit reclusaeque subito fores admiserunt intrantem. Mulier autem erat operto capite, et: "Me derisisse, inquit, vos putabatis? Ego sum ancilla Quartillae, cuius vos sacrum ante cryptam turbastis. Ecce ipsa venit ad stabulum petitque ut vobiscum loqui liceat. Nolite perturbari. Nec accusat errorem vestrum nec punit, immo potius miratur, quis deus iuvenes tam urbanos in suam regionem detulerit."

XVI. Едва принялись мы за изготовленный стараниями Гитона ужин, как раздался в достаточной мере решительный стук в дверь.

- Кто там? - спросили мы, побледнев от (испуга).

- Открой, - был ответ, - и узнаешь.

Пока мы переговаривались, соскользнувший засов сам по себе упал, и настежь распахнувшиеся двери пропустили гостью.

Это была женщина под покрывалом, без сомнения, та самая, что несколько времени тому назад стояла рядом с мужиком (на рынке).

- Смеяться, что ли, вы надо мною вздумали?- сказала она.-Я рабыня Квартиллы, чье таинство вы осквернили у входа в пещеру. Она сама пришла в гостиницу и просит разрешения побеседовать с вами; вы не смущайтесь: она не осуждает, не винит вас за эту неосторожность, она только удивляется,

какой бог занес в наши края столь изысканных юношей.

[XVII] Tacentibus adhuc nobis et ad neutram partem adsentationem flectentibus intravit ipsa, una comitata virgine, sedensque super torum meum diu flevit. Ac ne tunc quidem nos ullum adiecimus verbum, sed attoniti expectavimus lacrimas ad ostentationem doloris paratas. Vt ergo tam ambitiosus detonuit imber, retexit superbum pallio caput, et manibus inter se usque ad articulorum strepitum constrictis: "Quaenam est, inquit, haec audacia, aut ubi fabulas etiam antecessura latrocinia didicistis? Misereor mediusfidius vestri; neque enim impune quisquam quod non licuit, aspexit. Vtique nostra regio tam praesentibus plena est numinibus, ut facilius possis deum quam hominem invenire. Ac ne me putetis ultionis causa huc venisse; aetate magis vestra commoveor quam iniuria mea. Imprudentes enim, ut adhuc puto, admisistis inexpiabile scelus. Ipsa quidem illa nocte vexata tam periculoso inhorrui frigore, ut tertianae etiam impetum timeam. Et ideo medicinam sommo petii, iussaque sum vos perquirere atque impetum morbi monstrata subtilitate lenire. Sed de remedio non tam valde laboro; maior enim in praecordiis dolor saenit, qui me usque ad necessitatem mortis deducit, ne scilicet iuvenili impulsi licentia quod in sacello Priapi vidistis vulgetis, deorumque consilia proferatis in populum. Protendo igitur ad genua vestra supinas manus, petoque et oro ne nocturnas religiones iocum risumque faciatis, neve traducere velitis tot annorum secreta, quae vix mille homines noverunt."

XVII. Пока мы молчали, не зная, на что решиться, в комнату вошла сама (госпожа) в сопровождении девочки и, рассевшись на моем ложе, принялась плакать. Мы не могли вымолвить ни слова и, остолбенев, глядели на эти слезы, вызванные, должно быть, очень сильным горем. Когда же сей страшный ливень наконец перестал свирепствовать, она обратилась к нам, сорвав с горделивой головы покрывало и так сжав руки, что суставы хрустнули: - Откуда вы набрались такой дерзости? Где научились ломать комедию и даже жульничать? Ей-богу, мне жаль вас, но еще никто безнаказанно не видел того, чего видеть не следует. Наша округа полным-полна богов-покровителей, так что бога здесь легче встретить, чем человека. Но не подумайте, что я для мести сюда явилась: я движима более состраданием к вашей юности, нежели обидой. Думается мне, лишь по легкомыслию совершили вы сей неискупаемый проступок. Я промучилась всю сегодняшнюю ночь, ибо меня охватил опасный озноб, и я испугалась - не приступ ли это третичной лихорадки. Я искала исцеления во сне, и было мне знамение - обратиться к вам и сломить недуг средством, которое вы мне укажете. Но не только об исцелении хлопочу я: большее горе запало мне в сердце и непременно сведет меня в могилу - как бы вы, по юношескому легкомыслию, не разболтали о виденном вами в святилище Приапа и не открыли черни божественных тайн. Посему простираю к коленам вашим молитвенно обращенные длани, прошу и умоляю: не смейтесь, не издевайтесь над ночными богослужениями, не открывайте встречному-поперечному вековых тайн, о которых даже не все посвященные знают.

[XVIII] Secundum hanc deprecationem lacrimas rursus effudit gemitibusque largis concussa tota facie ac pectore torum meum pressit. Ego eodem tempore et misericordia turbatus et metu, bonum animum habere eam iussi et de utroque esse securam: nam neque sacra quemquam vulgaturum, et si quod praeterea aliud remedium ad tertianam deus illi monstrasset, adiuvaturos nos divinam providentiam vel periculo nostro. Hilarior post hanc pollicitationem facta mulier basiavit me spissius, et ex lacrimis in risum mota descendentes ab aure capillos meos lenta manu

XVIII. После этой мольбы она снова залилась слезами и, горько рыдая, прижалась лицом и грудью к моей кровати.

Я, движимый одновременно жалостью и страхом, попросил ее ободриться и не сомневаться в исполнении обоих ее желаний: о таинстве никто не разгласит, и мы готовы, если божество укажет ей еще какое-либо средство против лихорадки, прийти на помощь небесному промыслу, хотя бы с опасностью для жизни. После такого обещания женщина сразу повеселела и,

duxit et: "Facio, inquit, indutias vobiscum, et a constituta lite dimitto. Quod si non adnuissetis de hac medicina quam peto, iam parata erat in crastinum turba, quae et iniuriam meam vindicaret et dignitatem:

Contemni turpe est, legem donare superbum; hoc amo, quod possum qua libet ire via. Nam sane et sapiens contemptus iurgia nectit, et qui non iugulat, victor abire solet.

Complosis deinde manibus in tantum repente risum effusa est, ut timeremus. Idem ex altera parte et ancilla fecit, quae prior venerat, idem virguncula, quae una intraverat.

улыбаясь сквозь слезы, стала целовать меня частыми поцелуями и рукою, как гребнем, зачесывать мне волосы, спадавшие на уши.

- Итак, мир! - сказала она.- Я отказываюсь от иска. Но если бы вы не захотели дать мне требуемое лекарство, то назавтра уже была бы готова целая толпа мстителей за мою обиду и поруганное достоинство.

Стыдно отвергнутой быть; но быть самовластной - прекрасно.

Больше всего я люблю путь свой сама избирать.

Благоразумный мудрец презреньем казнит за обиду.

Тот, кто врага не добьет,- тот победитель вдвойне.

Затем, захлопав в ладоши, она вдруг принялась так хохотать, что нам страшно стало. Смеялась и девчонка, ее сопровождавшая, смеялась и служанка, прежде вошедшая.

[XIX] Omnia mimico risu exsonuerant, cum interim nos quae tam repentina esset mutatio animorum facta ignoraremus, ac modo nosmetipsos, modo mulieres intueremur. <. . .>

"Ideo vetui hodie in hoc deversorio quemquam mortalium admitti, ut remedium tertianae sine ulla interpellatione a vobis acciperem." Vt haec dixit Quartilla, Ascyltos quidem paulisper obstupuit, ego autem frigidior hieme Gallica factus nullum potui verbum emittere. Sed ne quid tristius expectarem, comitatus faciebat. Tres enim erant mulierculae, si quid vellent conari, infirmissimae, scilicet contra nos, <quibus> si nihil aliud, virilis sexus esset. At praecincti certe altius eramus. Immo ego sic iam paria composueram ut, si depugnandum foret, ipse cum Quartilla consisterem, Ascyltos cum ancilla, Giton cum virgine. <. . .> Tunc vero excidit omnis constantia attonitis, et mors non dubia miserorum oculos coepit obducere. <. . .>

XIX. Все они заливались чисто скоморошеским гоготом: мы же, не понимая причины столь быстрой перемены настроения (выпуча глаза), смотрели то на женщин, то друг на друга...

- Я запретила кого бы то ни было из смертных пускать сегодня в эту гостиницу затем, чтобы без долгих проволочек получить от вас лекарство против лихорадки.

При этих словах Квартиллы Аскилт несколько опешил; я сделался холоднее галльского снега и не мог проронить ни слова. Только малочисленность ее свиты немного меня успокаивала. Если бы они захотели на нас покуситься, то против нас, каких ни на есть мужчин, были бы все-таки три слабые бабенки. Мы, несомненно, были боеспособнее, и я уже составил мысленно, на случай если бы пришлось драться, следующее распределение поединков: я справлюсь с Квартиллой, Аскилт - с рабыней, Гитон же - с девочкой...

Тут из нас, онемевших от ужаса, окончательно испарилось всякое мужество и предстала взору неминучая гибель.

[XX] "Rogo, inquam, domina, si quid tristius paras, celerius confice: neque enim tam magnum facinus admisimus, ut debeamus torti perire." Ancilla, quae Psyche vocabatur, lodiculam in pavimento diligenter extendit. Sollicitavit inguina mea mille iam mortibus frigida. Operuerat Ascyltos pallio caput, admonitus scilicet periculosum esse alienis intervenire secretis.

XX. - Умоляю тебя, госпожа, - сказал я, - если ты задумала что недоброе, кончай скорее: не так уж велик наш проступок, чтобы за него погибать под пытками.

Служанка, которую звали Психеей, между тем постлала на полу ковер [и] стала возбуждать мой член, семью смертями умерший. Закрыл Аскилт плащом голову, узнав по опыту, что

Duas institas ancilla protulit de sinu alteraque pedes nostros alligavit, altera manus. <. . .>
Ascyltos, iam deficiente fabularum contextu: "Quid? Ego, inquit, non sum dignus qui bibam?" Ancilla risu meo prodita complosit manus et: "Apposui: quidem adulescens, solus tantum medicamentum ebibisti? — Itane est? inquit Quartilla, quicquid saturei fuit, Encolpius ebibit?" Non indecenti risu latera commovit. Ac ne Giton quidem ultimo risum tenuit, utique postquam virguncula cervicem eius invasit et non repugnanti puero innumerabilia oscula dedit.

опасно подсматривать чужие секреты.
Рабыня вытащила из-за пазухи две тесьмы, коими связала нам руки и ноги...
- Как же так? Значит, я недостоин сатириона?- спросил Аскилт, воспользовавшись минутой, когда болтовня несколько стихла.
Мой смех выдал каверзу служанки.
- Ну и юноша,- вскричала она, всплеснув руками,- один выдул столько сатириона!
- Вот как? - спросила Квартилла.- Энколпий выпил весь запас сатириона?
...Рассмеялась приятным смехом.., и даже Гитон не мог удержаться от хохота, в особенности когда девочка бросилась ему на шею и, не встречая сопротивления, осыпала его бесчисленными поцелуями.

[XXI] Volebamus miseri exclamare, sed nec in auxilio erat quisquam, et hinc Psyche acu comatoria cupienti mihi invocare Quiritum fidem malas pungebat, illinc puella penicillo, quod et ipsum satureo tinxerat, Ascylton opprimebat. <. . .>
Vltimo cinaedus supervenit myrtea subornatus gausapa cinguloque succinctus . . . modo extortis nos clunibus cecidit, modo basiis olidissimis inquinavit, donec Quartilla, ballaenaceam tenens virgam alteque succincta, iussit infelicibus dari missionem. <. . .>
Vterque nostrum religiosissimis iuravit verbis inter duos periturum esse tam horribile secretum. Intraverunt palaestritae quamplures et nos legitimo perfusos oleo refecerunt. Vtcunque ergo lassitudine abiecta cenatoria repetimus et in proximam cellam ducti sumus, in qua tres lecti strati erant et reliquus lautitiarum apparatus splendidissime eitus. Iussi ergo discubuimus, et gustatione mirifica initiati vino etiam Falerno inundamur. Excepti etiam pluribus ferculis cum laberemur in somnum: "Itane est? inquit Quartilla, etiam dormire vobis in mente est, cum sciatis Priapi genio pervigilium deberi?" <. . .>

XXI. Мы попробовали было позвать на помощь, но никто нас выручать не явился, да, кроме того, Психея, каждый раз, когда я собирался закричать "караул", начинала головной шпилькой колоть мне щеки; девчонка же, обмакивая кисточку в сатирион, мазала ею Аскилта. Напоследок явился кинэд в байковой зеленой одежде, подпоясанный кушаком. Он то терся об нас раздвинутыми бедрами, то пятнал нас вонючими поцелуями. Наконец Квартилла, подняв хлыст из китового уса и высоко подпоясав платье, приказала дать нам, несчастным, передышку.
Оба мы поклялись священнейшей клятвой, что эта ужасная тайна умрет с нами.
Затем пришли палестриты и, по всем правилам своего искусства, умастили нас. Забыв про усталость, мы надели пиршественные одежды и были отведены в соседний покой, где стояло три ложа и вся обстановка отличалась роскошью и изяществом. Нас пригласили возлечь, угостили великолепной закуской, просто залили фалерном. После нескольких перемен нас стало клонить ко сну.
- Это что такое? - спросила Квартилла. - Вы собираетесь спать, хотя прекрасно знаете, что подобает чтить гений Приапа всенощным бдением?

[XXII] Cum Ascyltos gravatus tot malis in somnum laberetur, illa quae iniuria depulsa fuerat ancilla totam faciem eius fuligine longa perfricuit, et non sentientis labra umerosque sopitionibus pinxit.
Iam ego etiam tot malis fatigatus minimum veluti gustum hauseram somni; idem et tota intra forisque familia fecerat, atque alii circa pedes

XXII. Когда утомленного столькими бедами Аскилта окончательно сморило, отвергнутая с позором рабыня взяла и намазала ему, сонному, все лицо углем, а плечи и щеки расписала непристойными изображениями. Я, страшно усталый от всех неприятностей, тоже чуть пригубил сна. Заснула и вся челядь в комнате и за дверями: одни валялись

discumbentium sparsi iacebant, alii parietibus appliciti, quidam in ipso limine coniunctis manebant capitibus; lucernae quoque umore defectae tenue et extremum lumen spargebant, cum duo Syri expilaturi lagoenam triclinium intraverunt, dumque inter argentum avidius rixantur, diductam fregerunt lagoenam. Cecidit etiam mensa cum argento, et ancillae super torum marcentis excussum forte altius poculum caput <fere> fregit.

Ad quem ictum exclamavit illa, pariterque et fures prodidit et partem ebriorum excitavit. Syri illi qui venerant ad praedam, postquam deprehensos se intellexerunt, pariter secundum lectum conciderunt, ut putares hoc convenisse, et stertere tanquam olim dormientes coeperunt.

Iam et tricliniarches experrectus lucernis occidentibus oleum infuderat, et pueri detersis paulisper oculis redierant ad ministerium, cum intrans cymbalistria et concrepans aera omnes excitavit.

вперемежку у ног возлежавших, другие дремали, прислонившись к стенам, третьи примостились на пороге - голова к голове. Выгоревшие светильники бросали свет тусклый и слабый. В это время два сирийца прокрались в триклиний с намерением уворовать бутыль вина, но, подравшись из жадности на уставленном серебряной утварью столе, они разбили украденную флягу. Стол с серебром опрокинулся, и упавший с высоты кубок стукнул по голове рабыню, валявшуюся на ложе. Она громко завизжала от боли, так что крик ее и воров выдал, и часть пьяных разбудил. Воры-сирийцы, поняв, что их сейчас поймают, тоже растянулись вдоль ложа, словно они давно уже тут, и принялись храпеть, притворяясь спящими. Распорядитель пира подлил масла в полупотухшие лампы, мальчики, протерев глаза, вернулись к своей службе, и наконец вошедшая музыкантша, ударив в кимвал, пробудила всех.

[XXIII] Refectum igitur est convivium et rursus Quartilla ad bibendum revocavit. Adiuvit hilaritatem comissantis cymbalistria.

Intrat cinaedus, homo omnium insulsissimus et plane illa domo dignus, qui ut infractis manibus congemuit, eiusmodi carmina effudit: Huc huc convenite nunc, spatalocinaedi, pede tendite, cursum addite, convolate planta, femore facili, clune agili et manu procaces, molles, veteres, Deliaci manu recisi.

Consumptis versibus suis immundissimo me basio conspuit. Mox et super lectum venit atque omni vi detexit recusantem. Super inguina mea diu multumque frustra moluit. Profluebant per frontem sudantis acaciae rivi, et inter rugas malarum tantum erat cretae, ut putares detectum parietem nimbo laborare.

XXIII. Пир возобновился, и Квартилла снова призвала всех к усиленному пьянству. Кимвалистка много способствовала веселью пирующих. Снова объявился и кинэд, пошлейший из людей, великолепно подходящий к этому дому. Хлопнув в ладони, он разразился следующей песней:

Эй! Эй! Соберем мальчиколюбцев изощренных!

Все мчитесь сюда быстрой ногой, пятою легкой,

Люд с наглой рукой, с ловким бедром, с вертлявой ляжкой!

Вас, дряблых, давно охолостил делийский мастер.

Он заплевал меня своими грязными поцелуями; после он и на ложе взгромоздился и, несмотря на отчаянное сопротивление, разоблачил меня. Долго и тщетно возился он с моим членом. По потному лбу ручьями стекала краска, а на морщинистых щеках было столько белил, что казалось, будто дождь струится по растрескавшейся стене.

[XXIV] Non tenui ego diutius lacrimas, sed ad ultimam perductus tristitiam: "Quaeso, inquam, domina, certe embasicoetan iusseras dari." Complosit illa tenerius manus et: "O, inquit, hominem acutum atque urbanitatis vernaculae fontem! Quid? Tu non intellexeras cinaedum embasicoetan vocari?" Deinde ne contubernali meo melius succederet: "Per fidem, inquam,

XXIV. Я не мог долее удерживаться от слез и, доведенный до полного отчаяния, обратился к Квартилле:

- Прошу тебя, госпожа, ведь ты повелела дать мне братину.

Она всплеснула руками:

- О умнейший из людей и источник доморощенного остроумия! И ты не

vestram, Ascyltos in hoc triclinio solus ferias agit? — Ita, inquit Quartilla, et Ascylto embasicoetas detur". Ab hac voce equum cinaedus mutavit, transituque ad comitem meum facto clunibus eum basiisque distrivit. Stabat inter haec Giton et risu dissolvebat ilia sua. Itaque conspicata eum Quartilla, cuius esset puer diligentissima sciscitatione quaesivit. Cum ego fratrem meum esse dixissem: "Quare ergo, inquit, me non basiavit?" vocatumque ad se in osculum adplicuit. Mox manum etiam demisit in sinum et pertractato vasculo tam rudi: "Haec, inquit, belle cras in promulside libidinis nostrae militabit; hodie enim post asellum diaria non sumo".

догадался, что кинэд и есть женский род от брата?

Тут я пожелал, чтобы и другу моему пришлось так же сладко, как и мне,- Клянусь вашей честью, Аскилт один-единственный во всем триклинии празднует лентяя, - воскликнул я.

- Правильно! - сказала Квартилла.- Пусть и Аскилту дадут братца.

Сказано - сделано: кинэд переменил коня и, перейдя к моему товарищу, измучил его игрою ляжек и поцелуями. Итон стоял тут же и чуть не вывихнул челюстей от смеха. (Тут только) Квартилла обратила на него внимание и спросила с любопытством:

- Чей это мальчик?

Я сказал, что это мой братец.

- Почему же в таком случае,- осведомилась она,- он меня не поцеловал?

И, подозвав его к себе, подарила поцелуем.

Затем, засунув ему руку за пазуху и найдя на ощупь неиспользованный еще сосуд, сказала:

- Это завтра послужит прекрасной закуской к нашим наслаждениям. Сегодня же "после разносолов не хочу харчей".

[XXV] Cum haec diceret, ad aurem eius Psyche ridens accessit et cum dixisset nescio quid: "Ita, ita, inquit Quartilla, bene admonuisti. Cur non, quia bellissima occasio est, devirginatur Pannychis nostra?" Continuoque producta est puella satis bella et quae non plus quam septem annos habere videbatur, ea ipsa quae primum cum Quartilla in cellam venerat nostram. Plaudentibus ergo universis et postulantibus nuptias, obstupui ego et nec Gitona, verecundissimum puerum, sufficere huic petulantiae adfirmavi, nec puellam eius aetatis esse, ut muliebris patientiae legem posset accipere." Ita, inquit Quartilla, minor est ista quam ego fui, cum primum virum passa sum? Iunonem meam iratam habeam, si unquam me meminerim virginem fuisse. Nam et infans cum paribus inquinata sum, et subinde procedentibus annis maioribus me pueris adplicui, donec ad hanc aetatem perveni. Hinc etiam puto proverbium natum illud, ut dicatur posse taurum tollere, qui vitulum sustulerit." Igitur ne maiorem iniuriam in secreto frater acciperet, consurrexi ad officium nuptiale.

XXV. При этих словах Психея со смехом подошла к ней и что-то неслышно шепнула.

- Вот, вот,- ответила Квартилла,- ты прекрасно надумала: почему бы нам сейчас не лишить девства нашу Паннихис, благо случай выходит?

Немедленно привели девочку, довольно хорошенькую, на вид лет семи, не более; ту самую, что приходила к нам в комнату вместе с Квартиллой. При всеобщих рукоплесканиях, по требованию публики, стали справлять свадьбу. В полном изумлении я принялся уверять, что, во-первых, Гитон, стыдливейший отрок, не подходит для такого безобразия, да и лета девочки не те, чтобы она могла вынести закон женского подчинения.

- Да? - сказала Квартилла.- Она, должно быть, Сейчас моложе, чем я была в то время, когда впервые отдалась мужчине? Да прогневается на меня моя Юнона, если я хоть когда-нибудь помню себя девушкой. В детстве я путалась с ровесниками, потом пошли юноши постарше, и так до сей поры. Отсюда, вероятно, и пошла пословица: "Кто снесет теленка, снесет и быка".

Боясь, как бы без меня с братцем не обошлись еще хуже, я присоединился к свадьбе.

[XXVI] Iam Psyche puellae caput involverat flammeo, iam embasicoetas praeferebat facem,

XXVI. Уже Психея окутала голову девочки венчальной фатой; уже кинэд нес впереди

iam ebriae mulieres longum agmen plaudentes fecerant, thalamumque incesta exornaverant veste. Tum Quartilla quoque iocantium libidine accensa et ipsa surrexit, correptumque Gitona in cubiculum traxit.

Sine dubio non repugnaverat puer, ac ne puella quidem tristis expaverat nuptiarum nomen. Itaque cum inclusi iacerent, consedimus ante limen thalami, et in primis Quartilla per rimam improbe diductam adplicuerat oculum curiosum, lusumque puerilem libidinosa speculabatur diligentia. Me quoque ad idem spectaculum lenta manu traxit, et quia considerantium <co>haeserant vultus, quicquid a spectaculo vacabat, commovebat obiter labra et me tamquam furtivis subinde osculis verberabat. <. . .>

Abiecti in lectis sine metu reliquam exegimus noctem. <. . .>

Venerat iam tertius dies, id est expectatio liberae cenae, sed tot vulneribus confossis fuga magis placebat quam quies. Itaque cum maesti deliberaremus quonam genere praesentem evitaremus procellam, unus servus Agamemnonis interpellavit trepidantes et: "Quid? vos, inquit, nescitis hodie apud quem fiat? Trimalchio, lautissimus homo. Horologium in triclinio et bucinatorem habet subornatum, ut subinde sciat quantum de vita perdiderit!"

Amicimur ergo diligenter obliti omnium malorum et Gitona libentissime servile officium tuentem iubemus in balneum sequi.

факел; пьяные женщины, рукоплеща, составили процессию и постлали ложе покрывалом. Возбужденная этой сладострастной игрой, сама Квартилла встала и, схватив Гитона, потащила его в спальню.

Без сомнения, мальчик не сопротивлялся, да и девчонка вовсе не была испугана словом "свадьба". Пока они лежали за запертыми дверьми, мы уселись на пороге спальни, впереди всех Квартилла, со сладострастным любопытством следившая через бесстыдно проделанную щелку за ребячьей забавой. Дабы и я мог полюбоваться тем же зрелищем, она осторожно привлекла меня к себе, обняв за шею, а так как в этом положении щеки наши почти соприкасались, то она время от времени поворачивала ко мне голову и как бы украдкой целовала меня.

...и остальную часть ночи спокойно проспали в своих кроватях.

Настал третий день, день долгожданного свободного пира у Трималхиона; но нам, раненым, измученным, более улыбалось бегство, чем покойное житье...

Итак, мы мрачно раздумывали, как бы нам отвратить надвигавшуюся грозу, как вдруг один из рабов Агамемнона испугал нас окриком:

- Как, - говорил он, - разве вы не знаете, у кого сегодня пируют? У Трималхиона, изящнейшего из смертных; в триклинии у него стоят часы, и (к ним) приставлен особый трубач, возвещающий, сколько мгновений жизни он потерял.

Мы, позабыв все невзгоды, тщательно оделись и велели Гитону, охотно согласившемуся выдать себя за нашего раба, следовать за нами в бани.

[XXVII] Nos interim vestiti errare coepimus, immo iocari magis et circulis accedere, cum subito videmus senem calvum, tunica vestitum russea, inter pueros capillatos ludentem pila. Nec tam pueri nos, quamquam erat operae pretium, ad spectaculum duxerant, quam ipse pater familiae, qui soleatus pila prasina exercebatur. Nec amplius eam repetebat quae terram contigerat, sed follem plenum habebat servus sufficiebatque ludentibus. Notavimus etiam res novas: nam duo spadones in diversa parte circuli stabant, quorum alter matellam tenebat argenteam, alter numerabat pilas, non quidem eas quae inter manus lusu expellente vibrabant, sed eas quae in terram decidebant.

XXVII. Мы принялись одетые разгуливать по баням просто так, для своего удовольствия, и подходить к кружкам играющих, как вдруг увидели лысого старика в красной тунике, игравшего в мяч с кудрявыми мальчиками. Нас привлекли к этому зрелищу не столько мальчики, - хотя и у них было на что посмотреть, - сколько сам почтенный муж, игравший в сандалиях зелеными мячами: мяч, коснувшийся земли, в игре более не употреблялся, а свой запас игроки пополняли из корзины, которую держал раб. Мы приметили одно нововведение. По обеим сторонам круга стояли два евнуха: один из них держал серебряный горшок, другой

Cum has ergo miraremur lautitias, accurrit Menelaus: "Hic est, inquit, apud quem cubitum ponitis, et quidem iam principium cenae videtis. Et iam non loquebatur Menelaus cum Trimalchio digitos concrepuit, ad quod signum matellam spado ludenti subiecit. Exonerata ille vesica aquam poposcit ad manus, digitosque paululum adspersos in capite pueri tersit.

считал мячи, но не те, которыми во время игры перебрасывались из рук в руки, а те, что падали наземь. Пока мы удивлялись этим роскошествам, к нам подбежал Менелай.

- Вот тот, в чьем доме сегодня предстоит нам возлежать за обедом! Это как бы прелюдия пира.

Во время речи Менелая Трималхион прищелкнул пальцами. Один из евнухов по сему знаку подал ему горшок. Удовлетворив свою надобность, Трималхион потребовал воды на руки и свои слегка обрызганные пальцы вытер о волосы одного из мальчиков.

[XXVIII] Longum erat singula excipere. Itaque intravimus balneum, et sudore calfacti momento temporis ad frigidam eximus. Iam Trimalchio unguento perfusus tergebatur, non linteis, sed palliis ex lana mollissima factis. Tres interim iatraliptae in conspectu eius Falernum potabant, et cum plurimum rixantes effunderent, Trimalchio hoc suum propinasse dicebat. Hinc involutus coccina gausapa lecticae impositus est praecedentibus phaleratis cursoribus quattuor et chiramaxio, in quo deliciae eius vehebantur, puer vetulus, lippus, domino Trimalchione deformior. Cum ergo auferretur, ad caput eius symphoniacus cum minimis tibiis accessit et tanquam in aurem aliquid secreto diceret, toto itinere cantavit.

Sequimur nos admiratione iam saturi et cum Agamemnone ad ianuam pervenimus, in cuius poste libellus erat cum hac inscriptione fixus:

QVISQVIS SERVVS SINE DOMINICO IVSSV FORAS EXIERIT ACCIPIET PLAGAS CENTVM.

In aditu autem ipso stabat ostiarius prasinatus, cerasino succinctus cingulo, atque in lance argentea pisum purgabat. Super limen autem cavea pendebat aurea in qua pica varia intrantes salutabat.

XXVIII. Долго было бы рассказывать все подробности. Словом, мы отправились в баню и, вспотев, поскорее перешли в холодное отделение. Там умащали Трималхиона, причем терли его не полотном, но лоскутком мягчайшей шерсти. Три массажиста пили в его присутствии фалерн: когда они, поссорившись, пролили много вина, Трималхион назвал это свиной здравицей. Затем, надев ярко-алую байковую тунику, он возлег на носилки и (двинулся в путь), предшествуемый четырьмя медно-украшенными скороходами и ручной тележкой, в которой ехал его любимчик: старообразный, подслеповатый мальчик, еще более уродливый, чем его хозяин Трималхион. Пока его несли, над его головой, словно желая что-то шепнуть на ушко, все время склонялся музыкант, всю дорогу игравший на крошечной флейте... Мы, весьма удивленные виденным, следовали за ним и вместе с Агамемноном пришли к дверям, на которых висело объявление, гласившее:

ЕСЛИ КТО БЕЗ ПРИКАЗАНИЯ ГОСПОДСКОГО ВЫЙДЕТ ЗА ВОРОТА, ТО ПОЛУЧИТ СТО УДАРО

У самого входа стоял привратник в зеленом платье, подпоясанный (ярко) вишневым поясом, и чистил на серебряном блюде горох. Над порогом висела золотая клетка, из коей пестрая сорока приветствовала входящих.

[XXIX] Ceterum ego dum omnia stupeo, paene resupinatus crura mea fregi. Ad sinistram enim intrantibus non longe ab ostiarii cella canis ingens, catena vinctus, in pariete erat pictus superque quadrata littera scriptum

CAVE CANEM.

Et collegae quidem mei riserunt. Ego autem collecto spiritu non destiti totum parientem persequi. Erat autem venalicium <cum> titulis pictis, et ipse Trimalchio capillatus caduceum

XXIX. (Об этот порог) я, впрочем, чуть не переломал себе ноги, пока, задрав голову, рассматривал все (диковинки). По левую руку, недалеко от каморки привратника, была нарисована на стене огромная цепная собака, а над нею большими квадратными буквами написано:

БЕРЕГИСЬ СОБАКИ

Товарищи меня обхохотали. Я же, оправившись от падения, не поленился

tenebat Minervamque ducente Romam intrabat. Hinc quemadmodum ratiocinari didicisset, deinque dispensator factus esset, omnia diligenter curiosus pictor cum inscriptione reddiderat. In deficiente vero iam porticu levatum mento in tribunal excelsum Mercurius rapiebat. Praesto erat Fortuna cornu abundanti copiosa et tres Parcae aurea pensa torquentes. Notavi etiam in porticu gregem cursorum cum magistro se exercentem. Praeterea grande armarium in angulo vidi, in cuius aedicula erant Lares argentei positi Venerisque signum marmoreum et pyxis aurea non pusilla, in qua barbam ipsius conditam esse dicebant. Interrogare ergo atriensem coepi, quas in medio picturas haberent." Iliada et Odyssian, inquit, ac Laenatis gladiatorium munus."

пройти вдоль всей стены. На ней был нарисован невольничий рынок с вывесками, и сам Трималхион, еще кудрявый, с кадуцеем в руках, ведомый Минервой, (торжественно) вступал в им. Все передал своей кистью добросовестный художник и объяснил надписями: и как Трималхион учился счетоводству, и как сделался рабом-казначеем. В конце портика Меркурий, подняв Трималхиона за подбородок, возносил его на высокую эстраду. Тут же была и Фортуна с рогом изобилия, и три Парки, прядущие золотую нить. Заметил я в портике и целый отряд скороходов, обучающихся под наблюдением наставника. Кроме того, увидел я в углу большой шкаф, в нише которого стояли серебряные Лары, мраморное изображение Венеры и довольно большая, засмоленная золотая шкатулка, где, как говорили, хранилась первая борода самого хозяина. Я расспросил привратника, что изображает живопись внутри дома.

- Илиаду и Одиссею, -ответил он, - и бой гладиаторов, устроенный Лэнатом.

[XXX] Non licebat <tam multa otiose> considerare. Nos iam ad triclinium perveneramus, in cuius parte prima procurator rationes accipiebat. Et quod praecipue miratus sum, in postibus triclinii fasces erant cum securibus fixi, quorum imam partem quasi embolum navis aeneum finiebat, in quo erat scriptum:

C. POMPEIO TRIMALCHIONI SEVIRO AVGVSTALI CINNAMVS DISPENSATOR.

Sub eodem titulo et lucerna bilychnis de camera pendebat, et duae tabulae in utroque poste defixae, quarum altera, si bene memini, hoc habebat inscriptum:

III

ET PRIDIE KALENDAS IANVARIAS C. NOSTER FORAS CENAT,

altera lunae cursum stellarumque septem imagines pictas; et qui dies boni quique incommodi essent, distinguente bulla notabantur. His repleti voluptatibus cum conaremur in triclinium intrare, exclamavit unus ex pueris, qui super hoc officium erat positus: "Dextro pede!" Sine dubio paulisper trepidavimus, ne contra praeceptum aliquis nostrum limen transiret.

Ceterum ut pariter movimus dextros gressus, servus nobis despoliatus procubuit ad pedes ac rogare coepit, ut se poenae eriperemus: nec magnum esse peccatum suum, propter quod

XXX. Но некогда было все разглядывать. Мы уже достигли триклиния, в передней половине которого домоправитель проверял отчетность. Но что особенно поразило меня в этом триклинии - так это пригвожденные к дверям ликторские связки с топорами, оканчивавшиеся внизу бронзовыми подобиями корабельного носа; а на носу была надпись:

Г. ПОМПЕЮ ТРИМАЛХИОНУ - СЕВИРУ АВГУСТАЛУ -КИННАМ - КАЗНАЧЕЙ

Надпись освещалась спускавшимся с потолка двурогим светильником, а по бокам ее были прибиты две дощечки: на одной из них, помнится, имелась нижеследующая надпись:

III

ЯНВАРСКИХ КАЛЕНД И НАКАНУНЕ НАШ ГАЙ ОБЕДАЕТ НЕ ДОМА

На другой же были изображены фазы луны и ход семи светил и равным образом показывалось, посредством разноцветных шариков, какие дни счастливые и какие несчастные. Достаточно налюбовавшись этим великолепием, мы хотели войти в триклиний, как вдруг мальчик, специально назначенный для этого, крикнул нам:

- Правой ногой!

Мы, конечно, несколько смутились, опасаясь, как бы кто-нибудь из нас не нарушил обычая.

periclitaretur; subducta enim sibi vestimenta dispensatoris in balneo, quae vix fuissent decem sestertiorum. Retulimus ergo dextros pedes, dispensatoremque in atrio aureos numerantem deprecati sumus ut servo remitteret poenam. Superbus ille sustulit vultum et: "Non tam iactura me movet, inquit, quam neglegentia nequissimi servi. Vestimenta mea cubitoria perdidit, quae mihi natali meo cliens quidam donaverat, Tyria sine dubio, sed iam semel lota. Quid ergo est? dono vobis eum."

Наконец, когда все разом мы занесли правую ногу над порогом, неожиданно бросился к ногам нашим уже раздетый для бичевания раб и стал умолять избавить его от казни: не велика вина, за которую его преследуют: он забыл в бане одежду домоуправителя, стоящую не больше десяти сестерциев. Мы отнесли правые ноги обратно за порог и стали просить домоуправителя, пересчитывавшего в триклинии червонцы, простить раба. Он гордо приосанился и сказал:

- Не потеря меня рассердила, но ротозейство этого негодного холопа. Он потерял пиршественную одежду, подаренную мне в день моего рождения одним из клиентов. ыла она, конечно, тирийского пурпура, но уже однажды мытая. Все равно! ради вас прощаю.

[XXXI] Obligati tam grandi beneficio cum intrassemus triclinium, occurrit nobis ille idem servus, pro quo rogaveramus, et stupentibus spississima basia impegit gratias agens humanitati nostrae." Ad summam, statim scietis, ait, cui dederitis beneficium. Vinum dominicum ministratoris gratia est."

Tandem ergo discubuimus, pueris Alexandrinis aquam in manus nivatam infundentibus, aliisque insequentibus ad pedes ac paronychia cum ingenti subtilitate tollentibus. Ac ne in hoc quidem tam molesto tacebant officio, sed obiter cantabant. Ego experiri volui an tota familia cantaret, itaque potionem poposci. Paratissimus puer non minus me acido cantico excepit, et quisquis aliquid rogatus erat ut daret. Pantomimi chorum, non patris familiae triclinium crederes.

Allata est tamen gustatio valde lauta; nam iam omnes discubuerant praeter ipsum Trimachionem, cui locus novo more primus servabatur. Ceterum in promulsidari asellus erat Corinthius cum bisaccio positus, qui habebat olivas in altera parte albas, in altera nigras. Tegebant asellum duae lances, in quarum marginibus nomen Trimalchionis inscriptum erat et argenti pondus. Ponticuli etiam ferruminati sustinebant glires melle ac papavere sparsos. Fuerunt et tomacula supra craticulam argenteam ferventia posita et infra craticulam Syriaca pruna cum granis Punici mali.

XXXI. Едва мы, побежденные таким великодушием, вошли в триклиний, раб, за которого мы просили, подбежал к нам и осыпал нас, просто не знавших куда деваться от конфуза, целым градом поцелуев, благодаря за милосердие.

- О, - говорил он, - вы скоро узнаете, кого облагодетельствовали. Господское вино - признательность раба...

Когда наконец мы возлегли, александрийские мальчики облили нам руки ледяной водой; за ними последовали другие, омывшие наши ноги и старательно остригшие ногти. Причем каждый занимался своим делом не молча, но распевая громкие песни. Я пожелал испробовать, вся ли челядь состоит из поющих? Попросил пить: услужливый мальчик исполнил мою просьбу с тем же завыванием, и так - все, что бы у кого ни попросили. Пантомима с хорами какая-то, а не триклиний почтенного дома!

Между тем подали совсем невредную закуску: все возлегли на ложа, исключая только самого Тримальхиона, которому, по новой моде, оставили высшее место за столом. Посредине закусочного стола находился ослик коринфской бронзы с тюками на спине, в которых лежали с одной стороны черные, с другой - белые оливки. Над ослом возвышались два серебряных блюда, по краям которых были выгравированы имя Трималхиона и вес серебра, а на припаянных к ним перекладинах лежали (жареные) сони, обрызганные маком и медом. Были тут также и кипящие колбаски на серебряной жаровне, а под сковородкой - сирийские сливы и

гранатовые зерна.

[XXXII] In his eramus lautitiis, cum Trimalchio ad symphoniam allatus est, positusque inter cervicalia minutissima expressit imprudentibus risum. Pallio enim coccineo adrasum excluserat caput, circaque oneratas veste cervices laticlaviam immiserat mappam fimbriis hinc atque illinc pendentibus. Habebat etiam in minimo digito sinistrae manus anulum grandem subauratum, extremo vero articulo digiti sequentis minorem, ut mihi videbatur, totum aureum, sed plane ferreis veluti stellis ferruminatum. Et ne has tantum ostenderet divitias, dextrum nudavit lacertum armilla aurea cultum et eboreo circulo lamina splendente conexo.

XXXII. Мы наслаждались этими прелестями, когда появление Трималхиона, которого внесли на малюсеньких подушечках, под звуки музыки, вызвало с нашей стороны несколько неосторожный смех. Его скобленая голова высовывалась из ярко-красного плаща, а шею он обмотал шарфом с пурпуровой оторочкой и свисающей там и сям бахромой. На мизинце левой руки красовалось огромное позолоченное кольцо; на последнем же суставе безымянного, как мне показалось, настоящее золотое с припаянными к нему железными звездочками. Но, чтобы выставить напоказ и другие драгоценности, он обнажил до самого плеча правую руку, украшенную золотым запястьем, прикрепленным сверкающей бляхой к браслету из слоновой кости.

[XXXIII] Vt deinde pinna argentea dentes perfodit: "Amici, inquit, nondum mihi suave erat in triclinium venire, sed ne diutius absentivos morae vobis essem, omnem voluptatem mihi negavi. Permittetis tamen finiri lusum." Sequebatur puer cum tabula terebinthina et crystallinis tesseris, notavique rem omnium delicatissimam. Pro calculis enim albis ac nigris aureos argenteosque habebat denarios.
Interim dum ille omnium textorum dicta inter lusum consumit, gustantibus adhuc nobis repositorium allatum est cum corbe, in quo gallina erat lignea patentibus in orbem alis, quales esse solent quae incubant ova. Accessere continuo duo servi et symphonia strepente scrutari paleam coeperunt, erutaque subinde pavonina ova divisere convivis. Convertit ad hanc scenam Trimalchio vultum et: "Amici, ait, pavonis ova gallinae iussi supponi. Et mehercules timeo ne iam concepti sint. Temptemus tamen, si adhuc sorbilia sunt." Accipimus nos cochlearia non minus selibras pendentia, ovaque ex farina pingui figurata pertundimus. Ego quidem paene proieci partem meam, nam videbatur mihi iam in pullum coisse. Deinde ut audivi veterem convivam: "Hic nescio quid boni debet esse", persecutus putamen manu, pinguissimam ficedulam inveni piperato vitello circumdatam.

XXXIII. - Друзья, - сказал он, - ковыряя в зубах серебряной зубочисткой, - не было еще моего желания выходить в триклиний, но, чтобы не задерживать вас дольше, я пренебрег всеми удовольствиями. Но позвольте мне окончить игру.
Следовавший за ним мальчик принес столик терпентинового дерева и хрустальные кости; я заметил нечто весьма (изящное и) утонченное: вместо белых и черных камешков здесь были золотые и серебряные динарии.
Пока он за игрой исчерпал все рыночные прибаутки, нам, еще во время закуски, подали первое блюдо с корзиной, в которой, расставив крылья, как наседка на яйцах, сидела деревянная курица. Сейчас же подбежали два раба и, под звуки неизменной музыки, принялись шарить в соломе; вытащив оттуда павлиньи яйца, они роздали их пирующим. Тут Трималхион обратил внимание на это зрелище и сказал:
- Друзья, я велел подложить под курицу павлиньи яйца. И, ей-богу, боюсь, что в них уже цыплята вывелись. Попробуемте-ка, съедобны ли они.
Мы взяли по ложке, весившей не менее селибра каждая, и вытащили яйца, сработанные из крутого теста. Я едва не бросил своего яйца, заметив в нем нечто вроде цыпленка. Но затем я услыхал, как какой-то старый сотрапезник крикнул:
- Э, да тут что-то вкусное!
И я вытащил из скорлупы жирного винноягодника, приготовленного под соусом

из перца и яичного желтка.

[XXXIV] Iam Trimalchio eadem omnia lusu intermisso poposcerat feceratque potestatem clara voce, siquis nostrum iterum vellet mulsum sumere, cum subito signum symphonia datur et gustatoria pariter a choro cantante rapiuntur. Ceterum inter tumultum cum forte paropsis excidisset et puer iacentem sustulisset, animadvertit Trimalchio colaphisque obiurgari puerum ac proicere rursus paropsidem iussit. Insecutus est supellecticarius argentumque inter reliqua purgamenta scopis coepit everrere. Subinde intraverunt duo Aethiopes capillati cum pusillis utribus, quales solent esse qui harenam in amphitheatro spargunt, vinumque dederunt in manus; aquam enim nemo porrexit.

Laudatus propter elegantias dominus: "Aequum, inquit, Mars amat. Itaque iussi suam cuique mensam assignari. Obiter et putidissimi servi minorem nobis aestum frequentia sua facient."

Statim allatae sunt amphorae vitreae diligenter gypsatae, quarum in cervicibus pittacia erant affixa cum hoc titulo:

FALERNVM OPIMIANVM ANNORVM CENTVM.

Dum titulos perlegimus, complosit Trimalchio manus et: "Eheu, inquit, ergo diutius vivit vinum quam homuncio. Quare tangomenas faciamus. Vita vinum est. Verum Opimianum praesto. Heri non tam bonum posui, et multo honestiores cenabant." Potantibus ergo nobis et accuratissime lautitias mirantibus larvam argenteam attulit servus sic aptatam ut articuli eius vertebraeque laxatae in omnem partem flecterentur. Hanc cum super mensam semel iterumque abiecisset, et catenatio mobilis aliquot figuras exprimeret, Trimalchio adiecit:

Eheu nos miseros, quam totus homuncio nil est!
Sic erimus cuncti, postquam nos auferet Orcus.
Ergo vivamus, dum licet esse bene.

XXXIV. Тримальхион, кончив игру, потребовал себе всего, что перед тем ели мы, и громким голосом дал разрешение всем, кто хочет, требовать еще медового вина. В это время по данному знаку грянула музыка, и поющий хор убрал подносы с закусками. В суматохе (со стола) упало большое (серебряное) блюдо; один из отроков его поднял, но заметивший это Тримальхион велел надавать рабу затрещин, а блюдо бросить обратно на пол. Явившийся раб стал выметать серебро вместе с прочим сором за дверь. Затем пришли два молодых эфиопа, оба с маленькими бурдюками вроде тех, из которых рассыпают песок в амфитеатрах, и омыли нам руки вином. Воды никому не подали. Восхваляемый за такую утонченность, хозяин сказал:

- Марс любит равенство. Потому я велел поставить каждому особый столик.

- Таким образом, нам не будет так жарко от множества вонючих рабов.

В это время принесли старательно засмоленные стеклянные амфоры, на горлышках коих имелись ярлыки с надписью:

ОПИМИАНСКИЙ ФАЛЕРН. СТОЛЕТНИЙ

Когда надпись была прочтена, Тримальхион всплеснул руками и воскликнул:

- Увы! Увы нам! Так, значит, вино живет дольше, чем людишки. Посему давайте пить, ибо в вине жизнь. Я вас угощаю настоящим Опимианским; вчера я не такое хорошее выставил, а обедали люди много почище.

Мы пили и удивлялись столь изысканной роскоши. это время раб притащил серебряный скелет, так устроенный, что его сгибы и позвонки свободно двигались во все стороны. Когда его несколько раз бросили на стол и он, благодаря подвижному сцеплению, принимал разнообразные позы, Тримальхион воскликнул:

- Горе нам, беднякам! О, сколь человечишко жалок!
Станем мы все таковы, едва только Орк нас похитит,
Будем же жить хорошо, други, покуда живем.

[XXXV] Laudationem ferculum est insecutum plane non pro expectatione magnum, novitas tamen omnium convertit oculos. Rotundum enim repositorium duodecim habebat signa in orbe disposita, super quae proprium convenientemque materiae structor imposuerat cibum: super arietem cicer arietinum, super taurum bubulae frustum, super geminos testiculos ac rienes,

XXXV. Возгласы одобрения были прерваны появлением блюда, по величине не совсем оправдавшего наши ожидания. Однако его необычность обратила к нему взоры всех. На круглом блюде были изображены кольцом 12 знаков Зодиака, причем на каждом кухонный архитектор разместил соответствующие яства. Над Овном - овечий горох, над Тельцом -

super cancrum coronam, super leonem ficum Africanam, super virginem steriliculam, super libram stateram in cuius altera parte scriblita erat, in altera placenta, super scorpionem pisciculum marinum, super sagittarium oclopetam, super capricornum locustam marinam, super aquarium anserem, super pisces duos mullos. In medio autem caespes cum herbis excisus favum sustinebat. Circumferebat Aegyptius puer clibano argenteo panem. <. . .> Atque ipse etiam taeterrima voce de Laserpiciario mimo canticum extorsit. Nos ut tristiores ad tam viles accessimus cibos: "Suadeo, inquit Trimalchio, cenemus; hoc est ius cenae".

говядину кусочками, над лизнецами - почки и тестикулы, над аком - венок, над Львом - африканские фиги, над Девой -матку неопоросившейся свиньи, над есами - настоящие весы с горячей лепешкой на одной чаше и пирогом на другой, над Скорпионом - морскую рыбку, над Стрельцом - лупоглаза, над Козерогом - морского рака, над одолеем - гуся, над ыбами:-двух краснобородок. Посередке, на дернине с подстриженной травой, возвышался медовый сот. Египетский мальчик обнес нас хлебом на серебряном противне, причем паскуднейшим голосом выл что-то из мима "Ласерпиция".

(Видя), что мы довольно кисло приняли эти убогие кушанья, Трималхион сказал: "Прошу приступить к обеду". (Это - начало).

[XXXVI] Haec ut dixit, ad symphoniam quattuor tripudiantes procurrerunt superioremque partem repositorii abstulerunt. Quo facto, videmus infra altitia et sumina leporemque in medio pinnis subornatum, ut Pegasus videretur. Notavimus etiam circa angulos repositorii Marsyas quattuor, ex quorum utriculis garum piperatum currebat super pisces, qui <tamquam> in euripo natabant. Damus omnes plausum a familia inceptum et res electissimas ridentes aggredimur. Non minus et Trimalchio eiusmodi methodio laetus: "Carpe!", inquit. Processit statim scissor et ad symphoniam gesticulatus ita laceravit obsonium, ut putares essedarium hydraule cantante pugnare. Ingerebat nihilo minus Trimalchio lentissima voce: "Carpe! Carpe!" Ego suspicatus ad aliquam urbanitatem totiens iteratam vocem pertinere, non erubui eum qui supra me accumbebat, hoc ipsum interrogare. At ille, qui saepius eiusmodi ludos spectaverat: "Vides illum, inquit, qui obsonium carpit: Carpus vocatur. Ita quotiescumque dicit 'Carpe', eodem verbo et vocat et imperat".

XXXVI. При этих словах четыре раба, приплясывая под музыку, подбежали и сняли с блюда его крышку. И мы увидели другой прибор, и на нем птиц и свиное вымя, а посредине зайца, всего в перьях, как бы в виде Пегаса. На четырех углах блюда мы заметили четырех Марсиев, из мехов которых вытекала обильно поперченная подливка прямо на рыб, плававших точно в канале. Мы разразились рукоплесканиями, начало коим положила фамилия, и весело принялись за изысканные кушанья.

- Режь! - воскликнул Трималхион, не менее всех восхищенный удачной шуткой.

Сейчас же выступил вперед резник и принялся в такт музыки резать кушанье с таким грозным видом, что казалось, будто эсседарий сражается под звуки органа. Между тем Трималхион все время разнеженным голосом повторял:

- Режь! Режь!

Заподозрив, что в этом бесконечном повторении заключается какая-нибудь острота, я не постеснялся спросить о том соседа, возлежавшего выше меня,

Тот, часто видавший подобные шутки, ответил:

- Видишь раба, который режет кушанье? Его зовут Режь. Итак, восклицая: "Режь!" (Трималхион) одновременно и зовет, и приказывает.

[XXXVII] Non potui amplius quicquam gustare, sed conversus ad eum, ut quam plurima exciperem, longe accersere fabulas coepi sciscitarique, quae esset mulier illa quae huc atque illuc discurreret." Vxor, inquit,

XXXVII. Наевшись до отвалу, я обратился к своему соседу, чтобы как можно больше разузнать. Начав издалека, я осведомился, что за женщина мечется взад и вперед по триклинию?

Trimalchionis, Fortunata appellatur, quae nummos modio metitur. Et modo, modo quid fuit? Ignoscet mihi genius tuus, noluisses de manu illius panem accipere. Nunc, nec quid nec quare, in caelum abiit et Trimalchionis topanta est. Ad summam, mero meridie si dixerit illi tenebras esse, credet. Ipse nescit quid habeat, adeo saplutus est; sed haec lupatria providet omnia, et ubi non putes. Est sicca, sobria, bonorum consiliorum: tantum auri vides. Est tamen malae linguae, pica pulvinaris. Quem amat, amat; quem non amat, non amat. Ipse Trimalchio fundos habet, quantum milvi volant, nummorum nummos. Argentum in ostiarii illius cella plus iacet, quam quisquam in fortunis habet. Familia vero — babae babae! — non mehercules puto decumam partem esse quae dominum suum noverit. Ad summam, quemvis ex istis babaecalis in rutae folium coniciet.

[XXXVIII] " Nec est quod putes illum quicquam emere. Omnia domi nascuntur: lana, credrae, piper; lacte gallinaceum si quaesieris, invenies. Ad summam, parum illi bona lana nascebatur; arietes a Tarento emit, et eos culavit in gregem. Mel Atticum ut domi nasceretur, apes ab Athenis iussit afferri; obiter et vernaculae quae sunt, meliusculae a Graeculis fient. Ecce intra hos dies scripsit, ut illi ex India semen boletorum mitteretur. Nam mulam quidem nullam habet, quae non ex onagro nata sit. Vides tot culcitras: nulla non aut conchyliatum aut coccineum tomentum habet. Tanta est animi beatitudo! Reliquos autem collibertos eius cave contemnas. Valde sucossi sunt. Vides illum qui in imo imus recumbit: hodie sua octingenta possidet. De nihilo crevit. Modo solebat collo suo ligna portare. Sed quomodo dicunt — ego nihil scio, sed audivi — quom Incuboni pilleum rapuisset, et thesaurum invenit. Ego nemini invideo, si quid deus dedit. Est tamen sub alapa et non vult sibi male. Itaque proxime cum hoc titulo proscripsit:
C. POMPEIVS DIOGENES EX KALENDIS IVLIIS CENACVLVM LOCAT; IPSE ENIM DOMVM EMIT.
Quid ille qui libertini loco iacet? Quam bene se habuit! Non impropero illi. Sestertium suum vidit decies, sed male vacillavit. Non puto illum capillos liberos habere. Nec mehercules sua culpa; ipso enim homo melior non est; sed liberti scelerati, qui omnia ad se fecerunt. Scito autem: sociorum olla male fervet, et ubi semel res inclinata est, amici de medio. Et quam honestam negotiationem exercuit, quod illum sic vides!

- Жена Трималхиона,- ответил сосед, - по имени Фортуната. Ковшами деньги считает. А недавно кем была? С позволения сказать, ты бы из ее рук куска хлеба не принял. А теперь, ни с того ни с сего, вознесена до небес. Все и вся - у Тримaлхиона! Скажи она ему в самый полдень, что сейчас тьма ночная - поверит! Сам он толком не знает, сколько чего у него имеется. Такой богатей! А эта волчица все видит (насквозь), где и не ждешь. Трезвее трезвого. Совет подать - золото, но зла на язык: на перине сорока. Кого полюбит - так полюбит, кого невзлюбит - так уж невзлюбит! Земли у Трималхиона - соколу не облететь, денег - тьма-тьмущая: здесь в каморке привратника больше серебра валяется, чем у иного за душой есть. А рабов-то, рабов-то сколько! Честное слово, едва ли десятая часть знает хозяина (в лицо). В общем, он любого из здешних балбесов в рутовый лист свернет.

XXXVIII. И думать не моги, чтобы он что-нибудь покупал на стороне: шерсть, померанцы, перец - все дома растет; птичьего молока захочется - и то найдешь. Показалось ему, что домашняя шерсть недостаточно добротна, так он в Таренте баранов купил и пустил их в стадо. Чтобы дома производить аттический мед, велел привезти из Афин пчел, - кстати и доморощенные пчелки станут лучше благодаря гречаночкам. Да вот только на днях он написал в Индию, чтобы ему прислали семян шампиньонов. Если есть у него мул, то непременно от онагра. идишь, сколько подушек? Ведь все до единой набиты пурпурной или багряной шерстью.
Вот какое ему счастье выпало! Но и его товарищей-вольноотпущенников остерегись презирать. И они не без сока. Видишь вон того, что возлежит на нижнем ложе последним? Теперь у него 800.000 сестерциев, а ведь начинал с пустого места: недавно еще бревна на спине таскал. Но говорят - не знаю, правду ли, а только слышал, - что он стащил у Инкубона шапку и клад нашел. Если кому что бог пошлет - я никогда не завидую. Но у него еще щека горит, потому и хочется ему разгуляться. Недавно он вывесил следующее объявление:
Г. ПОМПЕИ ДИОГЕН СДАЕТ КВАРТИРУ ЯНВАРСКИЕ КАЛЕНДЫ ПО СЛУЧАЮ ПОКУПКИ СОБСТВЕННОГО ДОМА
А тот, что возлежит на месте вольноотпущенников! Как здорово пожил! Я

Libitinarius fuit. Solebat sic cenare, quomodo rex: apros gausapatos, opera pistoria, avis, cocos, pistores. Plus vini sub mensa effundebatur, quam aliquis in cella habet. Phantasia, non homo. Inclinatis quoque rebus suis, cum timeret ne creditores illum conturbare existimarent, hoc titulo auctionem proscripsit:
C. IVLIVS PROCVLVS AVCTIONEM FACIET RERVM SVPERVACVARVM."

его не осуждаю. Он уже видел в глаза собственный миллион, но свихнулся. Не знаю, есть ли у него хоть единый свободный от долгов волос! Но, честное слово, вина не его, потому что он сам превосходнейший малый. Все это от подлецов вольноотпущенников, которые все на себя перевели. Сам знаешь: "артельный котел плохо кипит", и "где дело пошатнулось, там друзья - за дверь". А каким почтенным делом занимался он, прежде чем дошел до теперешнего состояния! Он был устроителем похорон. Обедал, словно царь: цельные кабаны, птица, сласти, повара, пекаря....... вина под стол проливали больше, чем у иного в погребе имеется. Не человек, а сказка! Когда же дела его пошатнулись, он, боясь, что кредиторы сочтут его несостоятельным, выпустил следующее объявление:
Г. ЮЛИЙ ПРОКУЛ УСТРАИВАЕТ АУКЦИОН ИЗЛИШНИХ ЕЩЕЙ

[XXXIX] Interpellavit tam dulces fabulas Trimalchio; nam iam sublatum erat ferculum, hilaresque convivae vino sermonibusque publicatis operam coeperant dare. Is ergo reclinatus in cubitum: "Hoc vinum, inquit, vos oportet suave faciatis: pisces natare oportet. Rogo, me putatis illa cena esse contentum, quam in theca repositorii videratis?
Sic notus Vlixes?
Quid ergo est? Oportet etiam inter cenandum philologiam nosse. Patrono meo ossa bene quiescant, qui me hominem inter homines voluit esse. Nam mihi nihil novi potest afferri, sicut ille tericulus ia<m se>mel habuit praxim. Caelus hic, in quo duodecim dii habitant, in totidem se figuras convertit, et modo fit aries. Itaque quisquis nascitur illo signo, multa pecora habet, multum lanae, caput praeterea durum, frontem expudoratam, cornum acutum. Plurimi hoc signo scolastici nascuntur et arietilli." Laudamus urbanitatem mathematici; itaque adiecit: "Deinde totus caelus taurulus fit. Itaque tunc calcitrosi nascuntur et bubulci et qui se ipsi pascunt. In geminis autem nascuntur bigae et boves et colei et qui utrosque parietes linunt. In cancro ego natus sum: ideo multis pedibus sto, et in mari et in terra multa possideo; nam cancer et hoc et illoc quadrat. Et ideo iam dudum nihil super illum posui, ne genesim meam premerem. In leone cataphagae nascuntur et imperiosi. In virgine mulieres et fugitivi et compediti; in libra laniones et unguentarii et quicunque aliquid expendunt; in

XXXIX. Трималхион перебил эти приятные речи. Когда была убрана вторая перемена и повеселевшие гости принялись за вино, а разговор стал общим, Трималхион, облокотившись на локоть, сказал:
- Это вино мы должны скрасить (вашим приятным обществом). Рыба по суху не ходит. Спрашиваю вас, как вы думаете, доволен ли я тем кушаньем, что вы видите на крышке блюда? "Таким ли вы знали Улисса"? Что же это значит? А вот что! И за едой надо быть любомудром. Да почиет в мире прах моего патрона! Это он захотел сделать меня человеком среди людей. Для меня нет ничего неизвестного, как показывает это блюдо. Небо, в котором обитают 12 богов, попеременно принимает 12 видов и прежде всего становится Овном. Кто под этим знаком родится, у тех будет много скота, много шерсти. Голова у них крепчайшая, лоб бесстыдный, рога острые. Под этим знаком родится много схоластов и барашков.
Мы рассыпались в похвалах остроумию (новоявленного) астронома. Он продолжал:
- Затем все небо вступает под знак Тельца. Тогда рождаются такие, что лягнуть могут, и волопасы, и те, что сами себя пасут. Под Близнецами рождаются парные кони, быки и тестикулы, и те, что две стены сразу мажут. Под Раком родился я: поэтому на многих ногах стою, и на суше и на море многим владею. Ибо рак и тут, и там уместен; поэтому

scorpione venenarii et percussores; in sagittario strabones, qui holera spectant, lardum tollunt; in capricorno aerumnosi, quibus prae mala sua cornua nascuntur; in aquario copones et cucurbitae; in piscibus obsonatores et rhetores. Sic orbis vertitur tanquam mola, et semper aliquid mali facit, ut homines aut nascantur aut pereant. Quod autem in medio caespitem videtis et super caespitem favum, nihil sine ratione facio. Terra mater est in medio quasi ovum corrotundata, et omnia bona in se habet tanquam favus."

я давно уже ничего на него не кладу, дабы не отягощать своей судьбы. Подо Львом рождаются обжоры и властолюбцы. Под Девой - женщины, беглые рабы и колодники. Под Весами - мясники, парфюмеры и те, кто что-нибудь отвешивает. Под Скорпионом - отравители и убийцы. Под Стрельцом - косоглазые, что на овощи зарятся, а сало хватают. Под Козерогом - те, у которых от многих бед рога вырастают. Под Водолеем - трактирщики и тыквенные головы. Под Рыбами - повара и риторы. Так и вертится круг, подобно жернову, и каждый миг приносит какую-нибудь пакость, ибо каждый миг кто-нибудь или рождается, или помирает. А то, что посредине вы видите дернину и на ней медовый сот, - так и это не без причины сделано. Мать-земля посредине, кругла как яйцо, и заключает в себе всяческое благо, так же как и сот.

[XL] "Sophos!" universi clamamus, et sublatis manibus ad camaram iuramus Hipparchum Aratumque comparandos illi homines non fuisse, donec advenerunt ministri ac toralia praeposuerunt toris, in quibus retia erant picta subsessoresque cum venabulis et totus venationis apparatus. Necdum sciebamus <quo> mitteremus suspiciones nostras, cum extra triclinium clamor sublatus est ingens, et ecce canes Laconici etiam circa mensam discurrere coeperunt. Secutum est hos repositorium, in quo positus erat primae magnitudinis aper, et quidem pilleatus, e cuius dentibus sportellae dependebant duae palmulis textae, altera caryatis, altera thebaicis repleta. Circa autem minores porcelli ex coptoplacentis facti, quasi uberibus imminerent, scrofam esse positam significabant. Et hi quidem apophoreti fuerunt.
Ceterum ad scindendum aprum non ille Carpus accessit, qui altilia laceraverat, sed barbatus ingens, fasciis cruralibus alligatus et alicula subornatus polymita, strictoque venatorio cultro latus apri vehementer percussit, ex cuius plaga turdi evolaverunt. Parati aucupes cum harundinibus fuerunt, et eos circa triclinium volitantes momento exceperunt. Inde cum suum cuique iussisset referri, Trimalchio adiecit: "Etiam videte, quam porcus ille silvaticus lotam comederit glandem." Statim pueri ad sportellas accesserunt quae pendebant e dentibus, thebaicasque et caryatas ad numerum divisere cenantibus.

XL. - "Премудрость!" - воскликнули мы все в один голос и, воздев руки к потолку, поклялись, что ни иппарх, ни Арат не могли бы равняться с ним; но тут появились рабы, которые постлали перед ложами ковры. На них со всеми подробностями была изображена охота: были тут и охотники с рогатинами, и сети. Мы просто не знали, что и подумать, как вдруг вне триклиния раздался невероятный шум, и вот - лаконские собаки забегали вокруг стола. Вслед за тем было внесено огромное блюдо, на котором лежал изрядной величины вепрь, с шапкой на голове, державший в зубах две корзиночки из пальмовых веток: одну с сирийскими, другую с фиванскими финиками. Вокруг вепря лежали поросята из пирожного теста, будто присосавшись к вымени, что должно было изображать супоросость: поросята предназначались в подарок нам. Рассечь вепря взялся не Карп, резавший ранее птицу, а огромный бородач в тиковом охотничьем плаще, с повязками на ногах. Вытащив охотничий нож, он с силой ударил вепря в бок, и из разреза вылетела стая дроздов. Птицеловы, стоявшие наготове с сетями, скоро переловили разлетевшихся по триклинию птиц. Тогда Трималхион приказал дать каждому гостю по дрозду и сказал:
- Видите, какие отличные желуди сожрала эта дикая свинья?
Между тем рабы взяли из зубов зверя корзиночки и разделили финики поровну

между пирующими.

[XLI] Interim ego, qui privatum habebam secessum, in multas cogitationes diductus sum, quare aper pilleatus intrasset. Postquam itaque omnis bacalusias consumpsi, duravi interrogare illum interpretem meum, quod me torqueret. At ille: "Plane etiam hoc servus tuus indicare potest: non enim aenigma est, sed res aperta. Hic aper, cum heri summa cena eum vindicasset, a conviviis dimissus <est>; itaque hodie tamquam libertus in convivium revertitur." Damnavi ego stuporem meum et nihil amplius interrogavi, ne viderer nunquam inter honestos cenasse.

Dum haec loquimur, puer speciosus, vitibus hederisque redimitus, modo Bromium, interdum Lyaeum Euhiumque confessus, calathisco uvas circumtulit, et poemata domini sui acutissima voce traduxit. Ad quem sonum conversus Trimalchio: "Dionyse, inquit, liber esto." Puer detraxit pilleum apro capitique suo imposuit. Tum Trimalchio rursus adiecit: "Non negabitis me, inquit, habere Liberum patrem." Laudamus dictum Trimalchionis, et circumeuntem puerum sane perbasiamus.

Ab hoc ferculo Trimalchio ad lasanum surrexit. Nos libertatem sine tyranno nacti coepimus invitare convivarum sermones.

Dama itaque primus cum pataracina poposcisset: "Dies, inquit, nihil est. Dum versas te, nox fit. Itaque nihil est melius quam de cubiculo recta in triclinium ire. Et mundum frigus habuimus. Vix me balneus calfecit. Tamen calda potio vestiarius est. Staminatas duxi, et plane matus sum. Vinus mihi in cerebrum abiit."

XLI. Между тем я, лежа на покойном месте, долго ломал голову, стараясь понять, зачем кабана подали в колпаке. Исчерпав все догадки, я обратился к моему прежнему собеседнику за разъяснением мучившего меня вопроса.

- Твой покорный слуга легко объяснит тебе, - ответил он, - никакой загадки тут нет, дело ясное. Вчера этого кабана подали на последнее блюдо, и пирующие его отпустили на волю: итак, сегодня он вернулся на стол уже вольноотпущенником.

Я проклял свою глупость и решил больше его не расспрашивать, дабы не казалось, что я никогда с порядочными людьми не обедал. Пока мы так разговаривали, прекрасный юноша, увенчанный виноградными лозами, обносил нас корзинкой с виноградом и, именуя себя то ромием, то Лиэем, то Эвием, тонким, пронзительным голосом пел стихи своего хозяина. При этих звуках Трималхион обернулся к нему:

- Дионис,- вскричал он,- будь свободным!

Юноша стащил с кабаньей головы колпак и надел его.

- Теперь вы не станете отрицать,- сказал Трималхион,- что в доме у меня живет акх-Отец.

Мы похвалили удачное словцо Трималхиона и расцеловали обошедшего триклиний мальчика.

После этого блюда Трималхион удалился в уборную. Мы же, освобожденные от присутствия тирана, стали вызывать сотрапезников на разговор. Дам первый потребовал большую братину и заговорил:

- Что такое день? Ничто. Не успеешь оглянуться - уже ночь. Поэтому ничего нет лучше, как из спальни прямо переходить в триклиний. Ну и холод же нынче; еле в бане согрелся. Но "глоток горячего вина - лучшая шуба". Я клюкнул и совсем осовел... (Все) вино в голову пошло.

[XLII] Excepit Seleucus fabulae partem et: "Ego, inquit, non cotidie lavor; baliscus enim fullo est: aqua dentes habet, et cor nostrum cotidie liquescit. Sed cum mulsi pultarium obduxi, frigori laecasin dico. Nec sane lavare potui; fui enim hodie in funus. Homo bellus, tam bonus Chrysanthus animam ebulliit. Modo, modo me appellavit. Videor mihi cum illo loqui. Heu, eheu! Vtres inflati ambulamus. Minoris quam muscae

XLII. Селевк уловил отрывок разговора и сказал:

- Я не каждый день моюсь; банщик подобен валяльщику; у воды есть зубы, и жизнь наша ежедневно подтачивается. Но, опрокинув стаканчик медового вина, я плюю на холод. К тому же я и не мог вымыться: я сегодня был на похоронах. Хрисанф, красавец мужчина, (притом) прекрасный малый, испустил дух:

sumus. <Illae> tamen aliquam virtutem habent; nos non pluris sumus quam bullae. Et quid si non abstinax fuisset! Quinque dies aquam in os suum non coniecit, non micam panis. Tamen abiit ad plures. Medici illum perdiderunt, immo magis malus fatus; medicus enim nihil aliud est quam animi consolatio. Tamen bene elatus est, vitali lecto, stragulis bonis. Planctus est optime — manu misit aliquot — etiam si maligne illum ploravit uxor. Quid si non illam optime accepisset? Sed mulier quae mulier milvinum genus. Neminem nihil boni facere oportet; aeque est enim ac si in puteum conicias. Sed antiquus amor cancer est."

так еще недавно окликнул он меня на улице; кажется мне, что я только что с ним разговаривал. Ох, ох! все мы ходим точно раздутые бурдюки; мы меньше мухи: потому что и у мухи есть свои добродетели, - мы же просто-напросто мыльные пузыри. А что было бы, если бы он не был воздержан? Целых пять дней ни крошки хлеба, ни капли воды в рот не взял и все-таки отправился к праотцам. Врачи его погубили, а вернее, злой Рок. Врач ведь не что иное, как самоутешение. Похоронили его прекрасно: чудные ковры, великолепное ложе, причитания отличнейшие - ведь он многих отпустил на волю; зато жена отвратительно мало плакала. А что бы еще было, если бы он с ней не обращался так хорошо? Но женщина есть женщина: Коршуново племя. Никому не надо делать добра: все едино что в колодец бросить. Но старая любовь цепка, как рак...

[XLIII] Molestus fuit, Philerosque proclamavit: "Vivorum meminerimus. Ille habet, quod sibi debebatur: honeste vixit, honeste obiit. Quid habet quod queratur? Ab asse crevit et paratus fuit quadrantem de stercore mordicus tollere. Itaque crevit, quicquid crevit, tanquam favus. Puto mehercules illum reliquisse solida centum, et omnia in nummis habuit. De re tamen ego verum dicam, qui linguam caninam comedi: durae buccae fuit, linguosus, discordia, non homo. Frater eius fortis fuit, amicus amico, manu plena, uncta mensa. Et inter initia malam parram pilavit, sed recorrexit costas illius prima vindemia: vendidit enim vinum quantum ipse voluit. Et quod illius mentum sustulit, hereditatem accepit, ex qua plus involavit quam illi relictum est. Et ille stips, dum fratri suo irascitur, nescio cui terrae filio patrimonium elegavit. Longe fugit, quisquis suos fugit. Habuit autem oracularios servos, qui illum pessum dederunt. Nunquam autem recte faciet, qui cito credit, utique homo negotians. Tamen verum quod frunitus est, quam diu vixit. <Datum est> cui datum est, non cui destinatum. Plane Fortunae filius. In manu illius plumbum aurum fiebat. Facile est autem, ubi omnia quadrata currunt. Et quot putas illum annos secum tulisse? Septuaginta et supra. Sed corneolus fuit, aetatem bene ferebat, niger tanquam corvus. Noveram hominem olim oliorum, et adhuc salax erat. Non mehercules illum puto domo canem reliquisse. Immo etiam puellarius erat, omnis Minervae homo. Nec improbo, hoc solum enim

XLIII. Он всем надоел, и Филерот вскричал:
- Поговорим о живых! Этот свое получил; с почетом жил, с почетом помер. На что ему жаловаться? Начал он с одного асса и готов был из навоза зубами деньги вытаскивать. И так рос, пока не вырос словно сот медовый. Клянусь богами, я уверен, что он оставил тысяч сто, и все деньгами. Однако скажу вам о нем всю правду, потому в этом деле я собаку съел. Был он груб на язык, злоязычен - свара, а не человек. Куда лучше был его брат: друзьям друг, хлебосол, щедрая рука. Поначалу ему не повезло, но первый же сбор винограда поставил его на ноги; продавал вино, почем хотел; а что окончательно заставило его поднять голову, так это наследство, из которого он больше украл, чем ему было завещано. А эта дубина, обозлившись на брата, оставил по завещанию всю вотчину какому-то курицыну сыну. Дорожка от родных далеко заводит! Но были у него слуги-наушники, которые его погубили. Легковерие никогда до добра не доводит, особливо торгового человека. Однако верно, что он сумел попользоваться жизнью... Не важно, кому назначалось; важно, кому досталось. Легко тому, у кого все идет гладко. А как вы думаете, сколько лет унес он с собою в могилу? Семьдесят с лишком. А ведь был крепкий, точно роговой, здорово сохранился, черен, как воронье крыло. Знал я его давным-давно. И до последних дней был распутником, ей-богу! даже собаки в доме не оставлял в

secum tulit."

[XLIV] Haec Phileros dixit, illa Ganymedes: "Narrat is quod nec ad terram pertinet, cum interim nemo curat quid annona mordet. Non mehercules hodie buccam panis invenire potui. Et quomodo siccitas perseverat! Iam annum esuritio fuit. Aediles male eveniat, qui cum pistoribus colludunt: 'Serva me, servabo te.' Itaque populus minutus laborat; nam isti maiores maxillae semper Saturnalia agunt. O si haberemus illos leones, quos ego hic inveni, cum primum ex Asia veni. Illud erat vivere. <Si mila Siciliae si inferior esset> larvas sic istos percolopabant, ut illis Iuppiter iratus esset. Sed memini Safinium; tunc habitabat ad arcum veterem, me puero: piper, non homo. Is quacunque ibat, terram adurebat. Sed rectus, sed certus, amicus amico, cum quo audacter posses in tenebris micare. In curia autem quomodo singulos pilabat. Nec schemas loquebatur sed directum. Cum ageret porro in foro, sic illius vox crescebat tanquam tuba. Nec sudavit unquam nec expuit; puto enim nescio quid Asiadis habuisse. Et quam benignus resalutare, nomina omnium reddere, tanquam unus de nobis! Itaque illo tempore annona pro luto erat. Asse panem quem emisses, non potuisses cum altero devorare. Nunc oculum bublum vidi maiorem. Heu heu, quotidie peius! Haec colonia retroversus crescit tanquam coda vituli. Sed quare nos habemus aedilem trium cauniarum, qui sibi mavult assem quam vitam nostram? Itaque domi gaudet, plus in die nummorum accipit quam alter patrimonium habet. Iam scio unde acceperit denarios mille aureos. Sed si nos coleos haberemus, non tantum sibi placeret. Nunc populus est domi leones, foras vulpes. Quod ad me attinet, iam pannos meos comedi, et si perseverat haec annona, casulas meas vendam. Quid enim futurum est, si nec dii nec homines eius coloniae miserentur? Ita meos fruniscar, ut ego puto omnia illa a diibus fieri. Nemo enim caelum caelum putat, nemo ieiunium servat, nemo Iovem pili facit, sed omnes opertis oculis bona sua computant. Antea stolatae ibant nudis pedibus in clivum, passis capillis, mentibus puris, et Iovem aquam exrabant. Itaque statim urceatim plovebat: aut tunc aut nunquam, et omnes ridebant udi tanquam mures. Itaque dii pedes lanatos habent, quia nos religiosi non

покое. И насчет мальчишек был горазд - вообще на все руки мастер. Я его не осуждаю: это единственное, что он унес с собой в гроб.

XLIV. Так разглагольствовал Филерот, а вот так Ганимед:

- Говорите вы все ни к селу ни к городу; почему никто не побеспокоится, что ныне хлеб кусаться стал? Честное слово, я сегодня хлеба найти не мог. А засуха-то все по-прежнему! Целый год голодаем. Эдилы, - чтоб им пусто было! - с пекарями стакнулись. Да, "ты - мне, я - тебе". А бедный народ страдает, а этим обжорам всякий день сатурналии. Эх, если бы у нас были еще те львы, которых я застал, когда только что приехал из Азии! Вот это была жизнь!.. Так били этих кикимор, что они узнали, как Юпитер сердится. Помню я Сафиния! Жил он (я еще мальчишкой был) вот тут, у старых ворот: перец, а не человек! Когда шел, земля под ним горела! Зато прямой! Зато надежный! И друзьям друг! С таким можно впотьмах в морру играть. А посмотрели бы вы его в курии! Иного, бывало, так отбреет! А говорил без вывертов, напрямик. Когда вел дело на форуме, голос его гремел, как труба, и никогда при этом не потел и не плевался. Думаю, что это ему от богов дано было. А как любезно отвечал на поклон! Всех по именам звал, ну, словно один из нас. В те поры хлеб не дороже грязи был. Купишь его на асс - вдвоем не съесть; теперь же он не больше бычьего глаза. Нет! нет! с каждым днем все хуже; город наш, словно телячий хвост, назад растет! Да кто виноват, что у нас эдил трехгрошовый, которому асс дороже нашей жизни. Он втихомолку над нами подсмеивается. А в день получает больше, чем иной по отцовскому завещанию. Уж я-то знаю, за что он получил тысячу золотых; будь мы настоящими мужчинами, ему бы не так привольно жилось. Нынче народ: дома - львы, на людях - лисицы. Что же до меня, то я проел всю одежонку, и, если дороговизна продлится, придется и домишки мои продать. Что же это будет, если ни боги, ни люди не сжалятся над нашей колонией? Чтобы мне не видать радости от семьи, если я не думаю, что беда ниспослана нам небожителями. Никто небо за небо не считает, никто постов не блюдет, никто Юпитера в грош не ставит. В прежнее время выходили именитые матроны босые, с распущенными волосами, на холм и с чистым

sumus. Agri iacent. . .

[XLV] — Oro te, inquit Echion centonarius, melius loquere. 'Modo sic, modo sic', inquit rusticus: varium porcum perdiderat. Quod hodie non est, cras erit: sic vita truditur. Non mehercules patria melior dici potest, si homines haberet. Sed laborat hoc tempore, nec haec sola. Non debemus delicati esse; ubique medius caelus est. Tu si aliubi fueris, dices hic porcos coctos ambulare. Et ecce habituri sumus munus excellente in triduo die festa; familia non lanisticia, sed plurimi liberti. Et Titus noster magnum animum habet, et est caldicerebrius. Aut hoc aut illud erit, quid utique. Nam illi domesticus sum, non est miscix. Ferrum optimum daturus est, sine fuga, carnarium in medio, ut amphitheater videat. Et habet unde. Relictum est illi sestertium tricenties: decessit illius pater male. Vt quadringenta impendat, non sentiet patrimonium illius, et sempiterno nominabitur. Iam Manios aliquot habet et mulierem essedariam et dispensatorem Glyconis, qui deprehensus est cum dominam suam delectaretur. Videbis populi rixam inter zelot et amasiunculos. Glyco autem, sestertiarius homo, dispensatorem ad bestias dedit. Hoc est se ipsum traducere. Quid servus peccavit, qui coactus est facere? Magis illa matella digna fuit quam taurus iactaret. Sed qui asinum non potest, stratum caedit. Quid autem Glyco putabat Hermogenis filicem unquam bonum exitum facturam? Ille miluo volanti poterat ungues resecare; colubra restem non parit. Glyco, Glyco dedit suas; itaque quamdiu vixerit, habebit stigmam, nec illam nisi Orcus delebit. Sed sibi quisque peccat. Sed subolfacio quia nobis epulum daturus est Mammaea, binos denarios mihi et meis. Quod si hoc fecerit, eripiat Norbano totum favorem. Scias oportet plenis velis hunc vinciturum. Et revera, quid ille nobis boni fecit? Dedit gladiatores sestertiarios iam decrepitos, quos si sufflasses, cecidissent; iam meliores bestiarios vidi. Occidit de lucerna equites; putares eos gallos gallinaceos: alter burdubasta, alter loripes, tertiarius mortuus pro mortuo, qui haberet nervia praecisa. Vnus licuius flaturae fuit Thraex, qui et ipse ad dictata pugnavit. Ad summam, omnes postea secti sunt; adeo de magna turba

сердцем вымаливали воды у Юпитера; и немедленно лил дождь как из ведра. Сразу же или никогда. И все возвращались мокрые как мыши: но такие вещи ныне не в обычае. А теперь у богов ноги не ходят из-за нашего неверия. Поля заброшены...

XLV. - Пожалуйста, - сказал Эхион-лоскутник, - выражайся приличнее. "Раз - так, раз - этак" ,- как сказал мужик, потеряв пегую свинью. Чего нет сегодня, то будет завтра: в том вся жизнь проходит. Ничего лучше нашей родины нельзя было бы найти, если бы жители здесь были людьми. Но не она одна страдает в нынешнее время. Нечего привередничать: все под одним небом живем. Попади только на чужбину, так начнешь уверять, что у нас свиньи жареные разгуливают. Вот, например, будут нас угощать на праздники три дня подряд превосходными гладиаторскими играми; выступит труппа не какого-нибудь ланисты, а несколько настоящих вольноотпущенников. И Тит наш - широкая душа и горячая голова: так или этак, а ублажить сумеет, уж я знаю: я у него свой человек. Он ничего не делает вполсилы; оружие будет дано первостатейное; удирать - ни-ни; сражайся посередке, чтобы всему амфитеатру видно было; средств у него хватит: 30.000.000 сестерциев ему досталось, как отец его помер. Если он и 400.000 выбросит, мошна его даже и не почувствует, а он увековечит свое имя. У него уже есть несколько парней, и женщина-эсседария, и ликонов казначей, которого накрыли, когда он забавлялся со своей госпожой. Увидишь, как народ разделится: одни будут за ревнивца, другие за любезника. Ну и ликон! Грошовый человечишка! Отдает зверям казначея. Это значит выставить себя на посмешище. Разве раб виноват? Делает, что ему велят. Скорей бы следовало посадить быку на рога эту ночную вазу. Но так всегда: кто не может по ослу, тот бьет по седлу. И как мог ликон вообразить, что из Гермогенова отродья выйдет что-нибудь путное? Тот мог бы коршуну на лету когти подстричь. От змеи не родится канат. Гликон, один Гликон внакладе: на всю жизнь пятно на нем останется, и разве смерть его смоет! Но всякий сам себе грешен. Да вот еще: есть у меня предчувствие, что Маммея нам скоро пир задаст, - там-то уж и мне, и моим по два динария (достанется). Если он сделает это, то Норбану уже не

'Adhibete' acceperant: plane fugae merae. 'Munus tamen, inquit, tibi dedi — et ego tibi plodo.' Computa, et tibi plus do quam accepi. Manus manum lavat.

бывать любимцем народа: вот увидите, что он теперь обгонит его на всех парусах. Да и вообще, что хорошего сделал нам Норбан? Дал гладиаторов дешевых, полудохлых, - дунешь на них, и повалятся; и бестиариев видывал я получше; всадники, которых он выставил на убой, - точь-в-точь человечки с ламповой крышки! Сущие цыплята: один - увалень, другой - кривоногий; а тертиарий-то! За мертвеца мертвец с подрезанными жилами. Пожалуй, еще фракиец был ничего себе: дрался по правилам. Словом, всех после секли; а вся публика кричала: "Наддай!" Настоящие зайцы. Он скажет: "Я вам устроил игры", а я ему: "Я мы тебе хлопаем". Посчитай и увидишь, что я тебе больше даю, чем от тебя получаю. Рука руку моет

[XLVI] "Videris mihi, Agamemnon, dicere: 'Quid iste argutat molestus?' Quia tu, qui potes loquere, non loquis. Non es nostrae fasciae, et ideo pauperorum verba derides. Scimus te prae litteras fatuum esse. Quid ergo est? Aliqua die te persuadeam, ut ad villam venias et videas casulas nostras. Inveniemus quod manducemus, pullum, ova: belle erit, etiam si omnia hoc anno tempestas dispare pallavit. Inveniemus ergo unde saturi fiamus. Et iam tibi discipulus crescit cicaro meus. Iam quattuor partis dicit; si vixerit, habebis ad latus servulum. Nam quicquid illi vacat, caput de tabula non tollit. Ingeniosus est et bono filo, etiam si in aves morbosus est. Ego illi iam tres cardeles occidi, et dixi quia mustella comedit. Invenit tamen alias nenias, et libentissime pingit. Ceterum iam Graeculis calcem impingit et Latinas coepit non male appetere, etiam si magister eius sibi placens sit. Nec uno loco consistit, sed venit <raro; scit qui>dem litteras, sed non vult laborare. Est et alter non quidem doctus, sed curiosus, qui plus docet quam scit. Itaque feriatis diebus solet domum venire, et quicquid dederis, contentus est. Emi ergo nunc puero aliquot libra rubricata, quia volo illum ad domusionem aliquid de iure gustare. Habet haec res panem. Nam litteris satis inquinatus est. Quod si resilierit, destinavi illum artificii docere, aut tonstreinum aut praeconem aut certe causidicum, quod illi auferre non possit nisi Orcus. Ideo illi cotidie clamo: "Primigeni, crede mihi, quicquid discis, tibi discis. Vides Phileronem causidicum: si non didicisset, hodie famem a labris non abigeret. Modo, modo, collo suo circumferebat onera venalia; nunc etiam adversus Norbanum se extendit." Litterae

XLVI. - Мне кажется, Агамемнон, ты хочешь сказать: "Чего тараторит этот надоеда?" Но почему же ты, наш записной оратор, ничего не говоришь? Ты не нашего десятка, вот и смеешься над речами бедных людей. Мы-то знаем, что ты от большой учености свихнулся. Но это не беда. Уж когда-нибудь я тебя уговорю приехать ко мне на виллу, посмотреть наш домишко; найдется чем перекусить: яички, курочка. Хорошо будет, хоть в этом году погода и испортила весь урожай. А все-таки разыщем, чем червячка заморить. Потом и ученик тебе растет - мой парнишка. Он уже арифметику знает. Вырастет, к твоим услугам будет. И теперь все свободное время не поднимает головы от таблиц; умненький он у меня и поведения хорошего, только очень уж птицами увлекается. Я уже трем щеглам головы свернул и сказал, что их ласка съела. Но он нашел другие забавы и охотно рисует. Кроме того, начал он уже греческий учить, да и за латынь принялся неплохо, хотя учитель его слишком уж стал самодоволен, не сидит на одном месте. Приходит и просит дать книгу, а сам работать не желает. Есть у него и другой учитель, не из очень ученых, да зато старательный, учит и тому, чего сам знает. Он приходит к нам обыкновенно по праздникам и всем доволен, что ему ни дай. Недавно я купил сыночку несколько книг с красными строками: хочу, чтобы он понюхал немного законы для ведения домашних дел. Занятие это хлебное. В словесности он уже достаточно испачкался. Если ему опротивеет, я его какому-нибудь ремеслу обучу: отдам,

thesaurum est, et artificium nunquam moritur".

например, в цирюльники, в глашатаи или, скажем, в стряпчие. Это у него одна смерть отнять может. Каждый день я ему твержу: "Помни, первенец: все, что учишь, для себя учишь. Посмотри на Филерона, стряпчего: если бы он не учился - давно бы с голоду подох. Не так еще давно кули на спине таскал, теперь с самим Норбаном потягаться может. Наука - это клад, и искусный человек никогда не пропадет".

[XLVII] Eiusmodi tabulae vibrabant, cum Trimalchio intravit et detersa fronte unguento manus lavit; spatioque minimo interposito: "Ignoscite mihi, inquit, amici, multis iam diebus venter mihi non respondit. Nec medici se inveniunt. Profuit mihi tamen maleicorium et taeda ex aceto. Spero tamen, iam veterem pudorem sibi imponet. Alioquin circa stomachum mihi sonat, putes taurum. Itaque si quis vestrum voluerit sua re causa facere, non est quod illum pudeatur. Nemo nostrum solide natus est. Ego nullum puto tam magnum tormentum esse quam continere. Hoc solum vetare ne Iovis potest. Rides, Fortunata, quae soles me nocte desomnem facere? Nec tamen in triclinio ullum vetuo facere quod se iuvet, et medici vetant continere. Vel si quid plus venit, omnia foras parata sunt: aqua, lasani et cetera minutalia. Credite mihi, anathymiasis si in cerebrum it, et in toto corpore fluctum facit. Multos scio periisse, dum nolunt sibi verum dicere." Gratias agimus liberalitati indulgentiaeque eius, et subinde castigamus crebris potiunculis risum.

Nec adhuc sciebamus nos in medio lautitiarum, quod aiunt, clivo laborare. Nam mundatis ad symphoniam mensis tres albi sues in triclinium adducti sunt capistris et tintinnabulis culti, quorum unum bimum nomenculator esse dicebat, alterum trimum, tertium vero iam sexennem. Ego putabam petauristarios intrasse et porcos, sicut in circulis mos est, portenta aliqua facturos. Sed Trimalchio expectatione discussa: "Quem, inquit, ex eis vultis in cenam statim fieri? Gallum enim gallinaceum, Penthiacum et eiusmodi nenias rustici faciunt: mei coci etiam vitulos aeno coctos solent facere." Continuoque cocum vocari iussit, et non expectata electione nostra maximum natu iussit occidi, et clara voce: "Ex quota decuria es?" Cum ille se ex quadragesima respondisset: "Empticius an, inquit, domi natus? — Neutrum, inquit cocus, sed testamento Pansae tibi relictus sum. — Vide ergo, ait, ut diligenter ponas; si non, te iubebo in

XLVII. В таком роде шла болтовня, пока не вернулся Трималхион. Он вытер пот с лица, вымыл в душистой воде руки и сказал после недолгого молчания:

- Извините, друзья, но у меня уже несколько дней нелады с желудком - врачи теряются в догадках. Облегчили меня гранатовая корка и хвойные шишки в уксусе. Надеюсь, теперь мой желудок опять за ум возьмется. А то как забурчит у меня в животе, подумаешь, бык заревел. Если и из вас кто надобность имеет, так пусть не стесняется. Никто из нас не родился запечатанным. Я лично считаю, что нет большей муки, чем удерживаться. Этого одного сам Юпитер запретить не может. Ты смеешься, Фортуната? А кто мне ночью спать не дает? Никому в этом триклинии я не хочу мешать облегчаться; да и врачи запрещают удерживаться, а если кому потребуется что-нибудь посерьезнее, то за дверьми все готово: сосуды, вода и прочие надобности. Поверьте мне, ветры попадают в спинной мозг и производят смятение во всем теле. Я знавал многих, которые умерли оттого, что не решались в этом деле правду говорить.

Мы благодарили его за снисходительность и любезность и усиленной выпивкой старались скрыть душивший нас смех. Но мы не подозревали, что еще не прошли, как говорится, и полпути до вершины всех здешних роскошеств. Когда со стола, под звуки музыки, убрали посуду, в триклиний привели трех белых свиней в намордниках и с колокольчиками на шее. Номенклатор объявил, что это - двухлетка, трехлетка и шестилетка. Я вообразил, что пришли фокусники, и свиньи, как это бывает в цирках, станут выделывать какие-нибудь штуки. Но Трималхион рассеял недоумение:

- Которую из них вы хотите сейчас увидеть на столе? - спросил он, - потому что петухов, Пенфеево рагу прочую дребедень и мужики изготовят; мои же повара привыкли целого

decuriam viatorum conici." Et cocum quidem potentiae admonitum in culinam obsonium duxit.

быка зараз на вертеле жарить.
Далее он велел позвать повара и, не ожидая нашего выбора, приказал заколоть самую старшую.
- Ты из которой декурии? - повысив голос, спросил он.
- Из сороковой, - отвечал повар.
- Тебя купили или же ты родился в доме?
- Ни то, ни другое, - отвечал повар, - я достался тебе по завещанию Пансы.
- Смотри же, хорошо приготовь ее. А не то я тебя в декурию посыльных разжалую.
Повар, познавший таким образом могущество своего господина, повел свою жертву на кухню.

[XLVIII] Trimalchio autem miti ad nos vultu respexit et: "Vinum, inquit, si non placet, mutabo; vos illud oportet bonum faciatis. Deorum beneficio non emo, sed nunc quicquid ad salivam facit, in suburbano nascitur eo, quod ego adhuc non novi. Dicitur confine esse Tarraciniensibus et Tarentinis. Nunc coniungere agellis Siciliam volo, ut cum Africam libuerit ire, per meos fines navigem. Sed narra tu mihi, Agamemnon, quam controversiam hodie declamasti? Ego autem si causas non ago, in domusionem tamen litteras didici. Et ne me putes studia fastiditum, tres bybliothecas habeo, unam Graecam, alteram Latinam. Dic ergo, si me amas, peristasim declamationis tuae."
Cum dixisset Agamemnon: "Pauper et dives inimici erant. . .", ait Trimalchio: "Quid est pauper? — Vrbane", inquit Agamemnon et nescio quam controversiam euit. Statim Trimalchio: "Hoc, inquit, si factum est, controversia non est; si factum non est, nihil est." Haec aliaque cum effusissimis prosequeremur laudationibus: "Rogo, inquit, Agamemnon mihi carissime, numquid duodecim aerumnas Herculis tenes, aut de Vlixe fabulam, quemadmodum illi Cyclops pollicem poricino extorsit? Solebam haec ego puer apud Homerum legere. Nam Sibyllam quidem Cumis ego ipse oculis meis vidi in ampulla pendere, et cum illi pueri dicerent: "Sibilla, ti thelis?", respondebat illa: "apothanin thelo".

XLVIII. Тримальхион же, любезно обратившись к нам, сказал:
- Если вино вам не нравится, я скажу, чтобы переменили; а вас прошу придать ему вкус своей беседой. По милости богов я ничего не покупаю, а все, от чего слюнки текут, произрастает в одном моем пригородном поместье, которого я даже еще и не видел. Говорят, оно граничит с Террациной и Тарентом. Теперь я хочу соединить свою землицу с Сицилией, чтобы, если мне вздумается в Африку проехаться, все время по своим водам плавать. Но расскажи нам, Агамемнон, какую такую речь ты сегодня произнес? Я хотя лично дел и не веду, тем не менее для домашнего употребления красноречию все же обучался: не думай, пожалуйста, что я пренебрегаю учением. Теперь у меня две библиотеки: одна греческая, другая латинская. Скажи поэтому, если любишь меня, сущность твоей речи.
- Богатый и бедняк были врагами, - начал Агамемнон.
- Бедняк? Что это такое? - перебил его Трималхион.
- Остроумно, - похвалил его Агамемнон и изложил затем содержание не помню какой контроверсии.
- Если это уже случилось, - тотчас же заметил Трималхион,- то об этом нечего и спорить. Если же этого не было - тогда и подавно.
Это и многое другое было встречено всеобщим одобрением.
- Дражайший Агамемнон,- продолжал между тем Трималхион,- прошу тебя, расскажи нам лучше о странствованиях Улисса, как ему Полифем палец щипцами вырвал, или о двенадцати подвигах Геркулеса. Я еще в

детстве об этом читал у Гомера. А то еще видал я Кумскую Сивиллу в бутылке. Дети ее спрашивали: "Сивилла, чего тебе надо?", а она в ответ: "Помирать надо".

[XLIX] Nondum efflaverat omnia, cum repositorium cum sue ingenti mensam occupavit. Mirari nos celeritatem coepimus, et iurare ne gallum quidem gallinaceum tam cito percoqui potuisse, tanto quidem magis, quod longe maior nobis porcus videbatur esse, quam paulo ante aper fuerat. Deinde magis magisque Trimalchio intuens eum: "Quid? quid? inquit, porcus hic non est exinteratus? Non mehercules est. Voca, voca cocum in medio." Cum constitisset ad mensam cocus tristis et diceret se oblitum esse exinterare: "Quid, oblitus? Trimalchio exclamat, putes illum piper et cuminum non coniecisse! Despolia!" Non fit mora, despoliatur cocus atque inter duos tortores maestus consistit. Deprecari tamen omnes coeperunt et dicere: "Solet fieri. — Rogamus mittas. — Postea si fecerit, nemo nostrum pro illo rogabit." Ego crudelissimae severitatis, non potui me tenere, sed inclinatus ad aurem Agamemnonis: "Plane, inquam, hic debet servus esse nequissimus: aliquis oblivisceretur porcum exinterare? Non mehercules illi ignoscerem, si piscem praeterisset." At non Trimalchio, qui relaxato in hilaritatem vultu: "Ergo, inquit, quia tam malae memoriae es, palam nobis illum exintera." Recepta cocus tunica cultrum arripuit, porcique ventrem hinc atque illinc timida manu secuit. Nec mora, ex plagis ponderis inclinatione crescentibus tomacula cum botulis effusa sunt.

XLIX. Трималхион все еще разглагольствовал, когда подали блюдо с огромной свиньей, занявшее весь стол. Мы были поражены быстротой и поклялись, что даже куренка в такой небольшой срок вряд ли зажарить, тем более что эта свинья нам показалась по величине превосходившей даже съеденного незадолго перед тем вепря. Но Трималхион все пристальнее присматривался к ней:

- Как? Как? - вскричал он, - свинья не выпотрошена? Честное слово, не выпотрошена! Позвать, позвать сюда повара!

К столу подошел опечаленный повар и заявил, что он забыл выпотрошить свинью.

- Как это так забыл? - заорал Трималхион.- Подумаешь, он забыл подсыпать перцу или тмину! Раздевайся.

Без промедления повара раздели, и он с печальным видом стал между двух истязателей. Все стали просить за него, говоря:

- Это бывает. Пожалуйста, прости его; если он еще раз сделает, никто из нас не станет за него просить.

Один я только поддался порыву неумолимой жестокости и шепнул на ухо Агамемнону:

- Этот раб, вероятно, большой негодяй! Как это забыть выпотрошить свинью? Я бы не простил, если бы он даже с рыбой что-нибудь подобное сделал.

Но Трималхион рассмеялся и сказал:

- Ну, если ты такой беспамятный, вычисти-ка эту свинью сейчас, на наших глазах.

Повар снова надел тунику и, вооружившись ножом, дрожащей рукой полоснул свинью по брюху крест накрест. И сейчас же из прореза, поддаваясь своей тяжести, градом посыпались кровяные и жареные колбасы.

[L] Plausum post hoc automatum familia dedit et "Gaio feliciter!" conclamavit. Nec non cocus potione honoratus est, etiam argentea corona poculumque in lance accepit Corinthia. Quam cum Agamemnon propius consideraret, ait Trimalchio: "Solus sum qui vera Corinthea habeam." Exspectabam ut pro reliqua insolentia diceret sibi vasa Corintho afferri. Sed ille melius: "Et forsitan, inquit, quaeris quare solus Corinthea vera possideam: quia scilicet aerarius, a quo emo, Corinthus vocatur. Quid est autem

L. Вся челядь громкими рукоплесканиями приветствовала эту штуку и единогласно возопила:-На здоровье Гаю! - повара же почтили стаканчиком вина, а также поднесли ему серебряный венок и кубок на блюде коринфской бронзы. (Заметив), что Агамемнон внимательно рассматривает это блюдо, Трималхион сказал:

- Только у меня одного и есть настоящая коринфская бронза.

Я ожидал, что он, по своему обыкновению, из

Corintheum, nisi quis Corinthum habeat? Et ne me putetis nesapium esse, valde bene scio, unde primum Corinthea nata sint. Cum Ilium captum est, Hannibal, homo vafer et magnus stelio, omnes statuas aeneas et aureas et argenteas in unum rogum congessit et eas incendit; factae sunt in unum aera miscellanea. Ita ex hac massa fabri sustulerunt et fecerunt catilla et paropsides <et> statuncula. Sic Corinthea nata sunt, ex omnibus in unum, nec hoc nec illud. Ignoscetis mihi quod dixero: ego malo mihi vitrea, certe non olunt. Quod si non frangerentur, mallem mihi quam aurum; nunc autem vilia sunt.

хвастовства скажет, что ему привозят сосуды прямо из Коринфа. Но вышло еще лучше.
- Вы, возможно, спросите, как это так я один владею коринфской бронзой, - сказал он. - Очень просто: медника, у которого я покупаю, зовут Коринфом, что же еще может быть более коринфского, чем то, что делает Коринф? Но не думайте, что я - невежда необразованный: не знаю, откуда эта самая бронза получилась. Когда Илион был взят, Ганнибал, большой плут и мошенник, свалил в кучу все статуи - и золотые, и серебряные, и медные - и кучу эту поджег. Получился сплав. Ювелиры теперь пользуются им и делают чаши, фигурки и блюда. Так, из многого - одно, и образовалась коринфская бронза - ни то, ни се. Простите меня, но я лично предпочитаю стекло. Оно, по крайности, не пахнет. Но по мне, оно было бы лучше золота, если бы не билось: в теперешнем же виде оно, впрочем, недорого стоит.

[LI] "Fuit tamen faber qui fecit phialam vitream, quae non frangebatur. Admissus ergo Caesarem est cum suo munere, deinde fecit reporrigere Caesari et illam in pavimentum proiecit. Caesar non pote valdius quam expavit. At ille sustulit phialam de terra; collisa erat tamquam vasum aeneum. Deinde martiolum de sinu protulit et phialam otio belle correxit. Hoc facto putabat se coleum Iovis tenere, utique postquam illi dixit: 'Numquid alius scit hanc condituram vitreorum?' Vide modo. Postquam negavit, iussit illum Caesar decollari: quia enim, si scitum esset, aurum pro luto haberemus.

LI. - Однако был такой стекольщик, который сделал небьющийся стеклянный фиал. Он был допущен с даром к Цезарю и, попросив фиал обратно, перед глазами Цезаря бросил его на мраморный пол. Цезарь страшно перепугался. Но стекольщик поднимает фиал, погнувшийся, словно медная ваза, вытаскивает из-за пояса молоток и преспокойно исправляет фиал. Сделав это, он вообразил, что уже схватил Юпитера за бороду, в особенности когда император спросил его: "Знает ли еще кто-нибудь способ изготовления такого стекла?" Стекольщик, видите ли, и говорит, что нет; а Цезарь велел ему отрубить голову; потому что, если бы это искусство стало всем известно, золото ценилось бы не дороже грязи.

[LII] "In argento plane studiosus sum. Habeo scyphos urnales plus minus <C> <. . . videtur> quemadmodum Cassandra occidit filios suos, et pueri mortui iacent sic uti vivere putes. Habeo capidem quam <mi> reliquit patronorum <meorum> unus, ubi Daedalus Niobam in equum Troianum includit. Nam Hermerotis pugnas et Petraitis in poculis habeo, omnia ponderosa; meum enim intelligere nulla pecunia vendo."
Haec dum refert, puer calicem proiecit. Ad quem respiciens Trimalchio: "Cito, inquit, te ipsum caede, quia nugax es." Statim puer demisso labro orare. At ille: "Quid me, inquit, rogas? Tanquam ego tibi molestus sim. Suadeo, a te

LII. - Я теперь большой любитель серебра. У меня одних ведерных сосудов штук около ста. На них вычеканено, как Кассандра своих сыновей убивает; детки мертвенькие просто, как живые, лежат. Потом есть у меня жертвенная чаша, что оставил мне один из моих хозяев; на ней Дедал Ниобею прячет в Троянского коня. А бой Петраита с Гермеротом вычеканен у меня на бокалах, и все они претяжелые. Я знаток в таких вещах, и это мне дороже всего.
Пока он все это рассказывал, один из рабов уронил чашу.
- Живо, - крикнул Трималхион, обернувшись, - отхлестай сам себя, раз ты ротозей.

impetres, ne sis nugax." Tandem ergo exoratus a nobis missionem dedit puero. Ille dimissus circa mensam percucurrit. Et "Aquam foras, vinum intro " clamavit <Trimalchio>. Excipimus urbanitatem iocantis, et ante omnes Agamemnon, qui sciebat quibus meritis revocaretur ad cenam. Ceterum laudatus Trimalchio hilarius bibit et iam ebrio proximus: "Nemo, inquit, vestrum rogat Fortunatam meam, ut saltet? Credite mihi: cordacem nemo melius ducit".

Atque ipse erectis super frontem manibus Syrum histrionem exhibebat concinente tota familia: "madeia perimadeia." Et prodisset in medium, nisi Fortunata ad aurem accessisset; et credo, dixerit non decere gravitatem eius tam humiles ineptias. Nihil autem tam inaequale erat; nam modo Fortunatam suam <verebatur>, revertebat modo ad naturam.

Раб уже разинул рот, чтобы умолять о пощаде, но Трималхион перебил его:

- О чем ты меня просишь? Словно я тебя трогаю? Советую тебе попросить самого себя не быть ротозеем.

Наконец, уступая нашим просьбам, он простил раба. Освобожденный от наказания стал обходить вокруг стола.

- Воду за двери, вино на стол! - крикнул Трималхион.

Мы громко одобрили остроумную шутку, и пуще всех Агамемнон, знавший, как надо держать себя, чтобы удостоиться приглашения и на следующий пир. Довольный нашими восхвалениями, Трималхион стал пить веселей. Скоро он был уже вполпьяна.

- А что, - сказал он, - никто не просит Фортунату поплясать? Поверьте, лучше нее никто кордака не станцует.

Тут сам он, подняв руки над головой, принялся изображать сирийского мима, причем ему подпевала вся челядь: "Пляши, плешивый!". Я думаю, и на середину бы он выбрался, если бы Фортуната не шепнула ему что-то на ухо: должно быть, она сказала, что не подобают его достоинству такие низкие забавы. Никогда еще я не видал подобной нерешительности; он то боялся Фортунаты, то поддавался своей природе.

[LIII] Et plane interpellavit saltationis libidinem actuarius, qui tanquam Vrbis acta recitavit: "VII kalendas Sextiles: in praedio Cumano, quod est Trimalchionis, nati sunt pueri XXX, puellae XL; sublata in horreum ex area tritici milia modium quingenta; boves domiti quingenti. Eodem die: Mithridates servus in crucem actus est, quia Gai nostri genio male dixerat. Eodem die: in arcam relatum est, quod collocari non potuit, sestertium centies. Eodem die: incendium factum est in hortis Pompeianis, ortum ex aedibus Nastae vilici. — Quid, inquit Trimalchio, quando mihi Pompeiani horti empti sunt? — Anno priore, inquit actuarius, et ideo in rationem nondum venerunt." Excanduit Trimalchio et: "Quicunque, inquit, mihi fundi empti fuerint, nisi intra sextum mensem sciero, in rationes meas inferri vetuo." Iam etiam edicta aedilium recitabantur et saltuariorum testamenta, quibus Trimalchio cum elogio exheredabatur; iam nomina vilicorum et repudiata a circumitore liberta in balneatoris contubernio deprehensa, et atriensis Baias relegatus; iam reus factus dispensator, et iudicium inter cubicularios actum.

LIII. Он уже совсем хотел пуститься в пляс, когда его забава была прервана писцом, возгласившим, словно он столичные новости выкрикивал.

- В седьмой день календ секстилия, в поместье Трималхиона, что близ Кум, родилось мальчиков тридцать, девочек - сорок. Свезено на гумно модиев пшеницы - пятьсот тысяч, быков пригнано - пятьсот. В тот же день прибит на крест раб Митридат за непочтительное слово о Гении нашего Гая. В тот же день отосланы в кассу десять миллионов сестерций, которых некуда было деть. В тот же день в Помпеевых садах был пожар, начавшийся во владении Насты-приказчика.

- Как? - сказал Трималхион,- да когда же купили для меня Помпеевы сады?

- В прошлом году, - ответил писец, - и поэтому они еще не внесены в списки.

- Если в течение шести месяцев, - вспылил Трималхион,- я ничего не знаю о поместьях, которые мне покупают, - я раз навсегда запрещаю вносить их в опись.

Petauristarii autem tandem venerunt. Baro insulsissimus cum scalis constitit puerumque iussit per gradus et in summa parte odaria saltare, circulos deinde ardentes transire et dentibus amphoram sustinere. Mirabatur haec solus Trimalchio dicebatque ingratum artificium esse: ceterum duo esse in rebus humanis, quae libentissime spectaret, petauristarios et cornicines; reliqua, animalia, acroemata, tricas meras esse." Nam et comoedos, inquit, emeram, sed malui illos Atella<na>m facere, et choraulen meum iussi Latine cantare".

Затем были прочтены распоряжения эдилов и завещания лесничих, в коих Тrималхион особой статьей лишался наследства, однако с извинительными примечаниями. Потом - список его арендаторов; акт расторжения брака ночного сторожа и вольноотпущенницы, которая была обличена мужем в связи с банщиком; указ о ссылке домоправителя в Байи; о привлечении к ответственности казначея, а также решение тяжбы двух спальников.

Между тем в триклиний явились фокусники: какой-то нелепейший верзила поставил на себя лестницу и велел мальчику лезть по ступеням и на самом верху танцевать: потом заставлял его прыгать через огненные круги и держать зубами урну. Один лишь Трималхион восхищался этими штуками, сожалея только, что это искусство неблагодарное. Только два вида зрелищ он смотрит с удовольствием: фокусников и трубачей. Все же остальное - животные, музыка - просто чепуха.

- Я, - говорил он, - и труппу комедиантов купил, но заставил их разыгрывать мне ателланы и приказал начальнику хора петь по-латыни.

[LIV] Cum maxime haec dicente Gaio puer <in lectum> Trimalchionis delapsus est. Conclamavit familia, nec minus convivae, non propter hominem tam putidum, cuius etiam cervices fractas libenter vidissent, sed propter malum exitum cenae, ne necesse haberent alienum mortuum plorare. Ipse Trimalchio cum graviter ingemuisset superque brachium tanquam laesum incubuisset, concurrere medici, et inter primos Fortunata crinibus passis cum scypho, miseramque se atque infelicem proclamavit. Nam puer quidem, qui ceciderat, circumibat iam dudum pedes nostros et missionem rogabat. Pessime mihi erat, ne his precibus per ridiculum aliquid catastropha quaeretur. Nec enim adhuc exciderat cocus ille, qui oblitus fuerat porcum exinterare. Itaque totum circumspicere triclinium coepi, ne per parietem automatum aliquod exiret, utique postquam servus verberari coepit, qui brachium domini contusum alba potius quam conchyliata involverat lana. Nec longe aberravit suspicio mea; in vicem enim poenae venit decretum Trimalchionis, quo puerum iussit liberum esse, ne quis posset dicere tantum virum esse a servo vulneratum.

LIV. При этих словах Гая мальчишка-фокусник свалился (с лестницы прямо) на Трималхиона. Поднялся громкий вопль: орали и вся челядь, и гости, - не потому что обеспокоились участью этого паршивого человека: каждый из нас был бы очень рад, если б он сломал себе шею, но все перепугались - не закончилось бы наше веселье несчастием, и не пришлось бы нам оплакивать чужого мертвеца. Между тем Трималхион, испуская тяжелые стоны, беспомощно склонился на руки, словно и впрямь его серьезно ранили. Со всех сторон к нему бросились врачи, а впереди всех Фортуната, распустив волосы, с кубком в руке и причитая, что несчастнее ее нет на земле женщины. Свалившийся мальчишка припадал к ногам то одного, то другого из нас, умоляя о пощаде. Мне было не по себе, так как я подозревал, что под этим несчастным случаем крылся какой-нибудь дурацкий сюрприз. У меня из головы еще не выходил повар, позабывший и выпотрошить свинью. Поэтому я принялся внимательно осматривать стены триклиния, ожидая, что вот-вот выйдет оттуда какое-нибудь новое чучело; в особенности когда стали бичевать раба за то, что он обвязал ушибленную руку

хозяина белой, а не красной шерстью. Мое подозрение скоро оправдалось: вышло от Трималхиона решение - мальчишку отпустить на волю, дабы никто не осмелился утверждать, что раб ранил столь великого мужа.

[LV] Comprobamus nos factum et quam in praecipiti res humanae essent, vario sermone garrimus."Ita, inquit Trimalchio, non oportet hunc casum sine inscriptione transire; statimque codicillos poposcit et non diu cogitatione distorta haec recitavit:

"Quod non expectes, ex transverso fit
et supra nos Fortuna negotia curat:
quare da nobis vina Falerna puer."

Ab hoc epigrammate coepit poetarum esse mentio <. . .> diuque summa carminis penes Mopsum Thracem commorata est <. . .> donec Trimalchio: "Rogo, inquit, magister, quid putas inter Ciceronem et Publilium interesse? Ego alterum puto disertiorem fuisse, alterum honestiorem. Quid enim his melius dici potest?

Luxuriae ructu Martis marcent moenia.
Tuo palato clausus pavo pascitur
plumato amictus aureo Babylonico,
gallina tibi Numidica, tibi gallus spado.
Ciconia etiam, grata peregrina hospita
pietaticultrix, gracilipes, crotalistria,
avis exul hiemis, titulus tepidi temporis,
nequitiae nidum in caccabo fecit modo.
Quo margarita cara tibi, bacam Indicam?
An ut matrona ornata phaleris pelagiis
tollat pedes indomita in strato extraneo?
Smaragdum ad quam rem viridem, pretiosum vitrum?
Quo Carchedonios optas ignes lapideos?
Nisi ut scintillet probitas e carbunculis?
Aequum est induere nuptam ventum textilem,
palam prostare nudam in nebula linea?

LV. Мы одобрили его поступок; по этому поводу зашел у нас разговор о том, как играет случай жизнью человека.

- Стойте, - сказал Трималхион, - нельзя, чтобы такое событие не было увековечено. Сейчас же потребовал себе таблички и, не раздумывая долго, прочел нам следующее:

То, чего и не ждешь, иногда наступает внезапно,
Ибо все наши дела вершит своевольно Фортуна.
Вот почему наливай, мальчик, нам в кубки Фалерн.

За разбором эпиграммы разговор перешел на поэзию вообще, и, после долгих прений, пальму первенства присудили Мопсу Фракийскому.

- Скажи мне, учитель, - сказал Трималхион, - какая разница, по-твоему, между Цицероном и Публилием. По-моему, один - красноречивее, другой - добродетельнее. Можно ли сказать что-нибудь лучше этого?

Разрушит скоро роскошь стены римские...
Павлин пасется в клетке для пиров твоих,
Весь в золотистой вавилонской вышивке,
А с ним каплун и куры нумидийские.
И цапля, гостья милая заморская,
Пиэты жрица, стройная танцовщица,
Знак знойных дней и злой зимы изгнанница
 котле обжоры ныне вьет гнездо свое.
Зачем вам дорог жемчуг, бисер Индии?
Иль чтоб жена в жемчужном ожерелий
К чужому ложу шла распутной поступью?
К чему смарагд зеленый, дорогой хрусталь,
Иль Кархедона камни огнецветные?
Ужели честность светится в карбункулах?
Зачем жене, одетой в ветры тканые,
При всех быть голой в полотняном облачке?

[LVI] "Quod autem, inquit, putamus secundum litteras difficillimum esse artificium? Ego puto medicum et nummularium: medicus, qui scit quid homunciones intra praecordia sua habeant et quando febris veniat, etiam si illos odi pessime, quod mihi iubent saepe anatinam parari; nummularius, qui per argentum aes videt. Nam mutae bestiae laboriosissimae boves et oves: boves, quorum beneficio panem manducamus;

LVI. - А чье, по-вашему, - продолжал он, - самое трудное занятие после словесности? По-моему, лекаря и менялы. Лекарь знает, что в нутре у людишек находится и когда будет приступ лихорадки. Я, впрочем, их терпеть не могу, - больно часто они мне анисовую воду прописывают. Меняла же сквозь серебро медь видит. А из тварей бессловесных трудолюбивее всех быки да овцы: быки, ибо

oves, quod lana illae nos gloriosos faciunt. Et facinus indignum, aliquis ovillam est et tunicam habet. Apes enim ego divinas bestias puto, quae mel vomunt, etiam si dicuntur illud a Iove afferre. Ideo autem pungunt, quia ubicunque dulce est, ibi et acidum invenies."
Iam etiam philosophos de negotio deiciehat, cum pittacia in scypho circumferri coeperunt, puerque super hoc positus officium apophoreta recitavit. "Argentum sceleratum": allata est perna, supra quam acetabula erant posita. "Cervical": offla collaris allata est. "Serisapia et contumelia": <xerophagiae ex sale> datae sunt et contus cum malo. "Porri et persica": flagellum et cultrum accepit. "Passeres et muscarium": uvam passam et mel Atticum. "Cenatoria et forensia": offlam et tabulas accepit. "Canale et pedale": lepus et solea est allata. "Muraena et littera": murem cum rana alligatum fascemque betae accepit. Diu risimus. Sexcenta huiusmodi fuerunt, quae iam exciderunt memoriae meae.

по их милости мы хлеб жуем, овцы, потому что их шерсть делает нас франтами. И - о, недостойное злодейство! Иной носит тунику, а ест овцу. Пчел же я считаю животными просто божественными, ибо они плюются медом; хотя и говорят, что они его приносят от самого Юпитера; если же они иной раз и жалят - то ведь где сладко, там и горько.
Трималхион собирался подвергнуть разбору еще и профессию философа, но в это время стали обносить жребии в кубке, а раб, приставленный к этому делу, выкликал выигрыши.
- Свинское серебро! Тут принесли окорок, на котором стояли серебряные уксусницы.
- Подушка! - принесли петлю для удушения.
- Морской морж и колкие слова! - были даны морс и корж и кол со сливой.
- Порей и персики! - выигравший получил кнут (чтоб пороть) и нож (чтоб пересекать).
- Сухари и мухоловка! - изюм и аттический мед.
- Застольная и выходная одежда! - пирожок и дощечки (носимые с собой на улице).
- Собачье и ножное! - были даны заяц и сандалия.
- Мышление и сладкое послание! -мышь с ленивым сурком и пучок свеклы.
Долго мы хохотали. Было еще множество штук в том же роде, но я их не запомнил.

[LVII] Ceterum Ascyltos, intemperantis licentiae, cum omnia sublatis manibus eluderet et usque ad lacrimas rideret, unus ex conlibertis Trimalchionis excanduit, is ipse qui supra me discumbebat, et:
"Quid rides, inquit, berbex? An tibi non placent lautitiae domini mei? Tu enim beatior es et convivare melius soles. Ita Tutelam huius loci habeam propitiam, ut ego si secundum illum discumberem, iam illi balatum clusissem. Bellum pomum, qui rideatur alios; larifuga nescio quis, nocturnus, qui non valet lotium suum. Ad summam, si circumminxero illum, nesciet qua fugiat. Non mehercules soleo cito fervere, sed in molle carne vermes nascuntur. Ridet! Quid habet quod rideat? Numquid pater fetum emit lamna? Eques Romanus es? Et ego regis filius. Quare ergo servivisti? Quia ipse me dedi in servitutem et malui civis Romanus esse quam tributarius. Et nunc spero me sic vivere, ut nemini iocus sim. Homo inter homines sum, capite aperto ambulo; assem aerarium nemini debeo; constitutum habui nunquam; nemo mihi in foro dixit: 'Redde

LVII. Так как Аскилт, в необузданной веселости, хохоча до слез и размахивая руками, издевался надо всем, то соотпущенник Трималхиона, тот самый, что возлежал выше меня, обозлился и заговорил:
- Чего смеешься, баран? Не нравится, видно, тебе роскошь нашего хозяина? Видно, ты привык жить богаче и пировать слаще? Да поможет мне Тутела этого дома! Если бы я возлежал рядом с ним, уж я бы заткнул ему блеялку. Хорош фрукт - еще смеет издеваться над другими! Ах ты, кикимора, бездомовник, собственной мочи не стоящий! Одним словом, если я его кругом обо.., он не будет знать, куда ему деваться. Право, меня нелегко рассердить, но в мягком мясе черви заводятся. Смеется! Ему, видите ли, смешно! Подумаешь, его отец не зачал, а купил во чреве матери на вес серебра. Ты - римский всадник? Ну, так я - царский сын. Ты, пожалуй, спросишь:
"Почему же ты стал рабом?" - Потому что сам добровольно пошел в рабство, предпочитал

quod debes'. Glebulas emi, lamellulas paravi; viginti ventres pasco et canem; contubernalem meam redemi, ne qui in illius capillis manus tergeret; mille denarios pro capite solvi; sevir gratis factus sum; spero, sic moriar, ut mortuus non erubescam. Tu autem tam laboriosus es, ut post te non respicias! In alio peduclum vides, in te ricinum non vides. Tibi soli ridiclei videmur; ecce magister tuus, homo maior natus: placemus illi. Tu lacticulosus, nec 'mu' nec 'ma' argutas, vasus fictilis, immo lorus in aqua: lentior, non melior. Tu beatior es: bis prande, bis cena. Ego fidem meam malo quam thesauros. Ad summam, quisquam me bis poposcit? Annis quadraginta servivi; nemo tamen scit utrum servus essem an liber. Et puer capillatus in hanc coloniam veni; adhuc basilica non erat facta. Dedi tamen operam ut domino satis facerem, homini maiesto et dignitosso, cuius pluris erat unguis quam tu totus es. Et habebam in domo qui mihi pedem opponerent hac illac; tamen — genio illius gratias! — enatavi. Haec sunt vera athla; nam in ingenuum nasci tam facile est quam 'Accede istoc'. Quid nunc stupes tanquam hircus in ervilia?"

со временем сделаться римским гражданином, чем вечно платить подать. А теперь я так живу, что меня никто не засмеет. Человеком стал, не хуже людей. С открытой головой хожу. Никому медного асса не должен; под судом никогда не бывал. Никто мне на форуме не скажет: "Отдай, что должен!" Землицы купил и деньжат накопил, двадцать ртов кормлю, не считая собаки. Сожительницу свою выкупил, чтобы никто у нее за пазухой рук не вытирал. За свой выкуп я тысячу динариев заплатил. Севиром меня даром сделали. Коли помру, так в гробу, надеюсь, мне краснеть будет не от чего. А ты что, так занят, что тебе и на себя оглянуться некогда? На другом вошь видишь, на себе клопа не видишь? Одному тебе мы кажемся смешными. от твой учитель, почтенный человек! Ему мы нравимся. Ах ты, молокосос, ни "бе" ни "ме" ни в чем не смыслящий, ах ты сосуд скудельный, ах ты ремень моченый! "Мягче, но не лучше"! Ты богаче меня? Так завтракай дважды в день, дважды обедай! Мне доброе имя дороже клада. Одним словом, никому не пришлось мне дважды напоминать о долге. Сорок лет я был рабом, но никто не мог узнать, раб я или свободный. Длинноволосым мальчиком прибыл я сюда: тогда базилика еще не была построена. Однако я старался во всем угождать хозяину, человеку почтенному и уважаемому, чей ноготь стоил дороже, чем ты весь. Были в доме такие люди, что мне хотели то тут, то там ножку подставить. Но - спасибо гению моего господина! -я вышел сух из воды. от это настоящая награда за победу! А родиться свободным так же легко, как сказать: "Пойди сюда". Ну, чего ты на меня уставился, как коза на горох?

[LVIII] Post hoc dictum Giton, qui ad pedes stabat, risum iam diu compressum etiam indecenter effudit. Quod cum animadvertisset adversarius Ascylti, flexit convicium in puerum et: "Tu autem, inquit, etiam tu rides, caepa cirrata? O? Saturnalia? rogo, mensis December est? Quando vicesimam numerasti? Quid faciat crucis offla, corvorum cibaria. Curabo iam tibi Iovis iratus sit, et isti qui tibi non imperat. Ita satur pane fiam, ut ego istud conliberto meo dono, alioquin iam tibi depraesentiarum reddidissem. Bene nos habemus, at isti nugae, qui tibi non imperant. Plane qualis dominus, talis et servus. Vix me teneo, nec sum natura caldicerebrius, <sed> cum coepi, matrem meam

LVIII. После этой речи Гитон, стоявший на ногах, разразился давно душившим его неприличным смехом; противник Аскилта, заметив мальчика, обрушил свой гнев теперь на него:

- И ты тоже гогочешь, волосатая луковица? Подумаешь, Сатурналии! Что у нас декабрь месяц сейчас, я тебя спрашиваю? Когда ты двадесятину заплатил? Что ты делаешь, висельник, вороний корм! Разрази гнев Юпитера и тебя, и того, кто не умеет тебя унять! Пусть я хлебом сыт не буду, если я не сдерживаюсь только ради моего соотпущенника Трималхиона, а то бы я тебе сейчас всыпал. Всем нам здесь хорошо, кроме

dupundii non facio. Recte, videbo te in publicum, mus, immo terrae tuber: nec sursum nec deorsum non cresco, nisi dominum tuum in rutae folium non conieci, nec tibi parsero, licet mehercules Iovem Olympium clames. Curabo longe tibi sit comula ista besalis et dominus dupunduarius. Recte, venies sub dentem: aut ego non me novi, aut non deridebis, licet barbam auream habeas. Athana tibi irata sit curabo, et qui te primus deurode fecit. Non didici geometrias, critica et alogas naenias, sed lapidarias litteras scio, partes centum dico ad aes, ad pondus, ad nummum. Ad summam, si quid vis, ego et tu sponsiunculam: exi, defero lamnam. Iam scies patrem tuum mercedes perdidisse, quamvis et rhetoricam scis. Ecce:
'Qui de nobis? longe venio, late venio: solve me'. Dicam tibi, qui de nobis currit et de loco non movetur; qui de nobis crescit et minor fit. Curris, stupes, satagis, tanquam mus in matella. Ergo aut tace aut meliorem noli molestare, qui te natum non putat, nisi si me iudicas anulos buxeos curare, quos amicae tuae involasti. Occuponem propitium! Eamus in forum et pecunias mutuemur: iam scies hoc ferrum fidem habere. Vah, bella res est volpis uda! Ita lucrum faciam et ita bene moriar ut populus per exitum meum iuret, nisi te toga ubique perversa fuero persecutus. Bella res et iste, qui te haec docet: mufrius, non magister. <Nos aliter> didicimus. Dicebat enim magister: 'Sunt vestra salva? Recta domum. Cave circumspicias, cave maiorem maledicas'. At nunc mera mapalia: nemo dupondii evadit. Ego, quod me sic vides, propter artificium meum diis gratias ago."

пустомель, что тебя приструнить не могут. Поистине, каков хозяин, таков и слуга. Я едва сдерживаюсь, потому я человек вспыльчивый и, как разойдусь, - матери родной в грош не поставлю. Ну, все равно, я тебя еще повстречаю, мышь, сморчок этакий! Пусть я не расту ни вверх, ни вниз, если я не сверну твоего господина в рутовый листик! И тебе, ей-ей, пощады не будет! Зови хоть самого Юпитера Олимпийского! Уж я позабочусь об этом. Не помогут тебе ни кудряшки твои грошовые, ни господин двухгрошовый. Попадись только мне на зубок. Или я себя не знаю, или ты потеряешь охоту насмехаться, будь у тебя хоть золотая борода. Уж я постараюсь, чтобы Афина поразила и тебя, и того, кто сделал тебя таким нахалом.
Я не учился ни геометрии, ни критике, вообще никакой чепухе, но умею читать надписи и вычислять проценты в деньгах и в весе. Словом, устроим-ка примерное состязание. Выходи! Ставлю заклад! Увидишь, что твой отец даром тратился, хотя бы ты и риторику даже превзошел. Ну-ка! кто кого? "Далеко иду, широко иду. Угадай, кто я". И еще скажу: "Кто бежит, а с места не двигается? Кто растет и все меньше становится?" Кто? Не знаешь? Суетишься, мечешься, словно мышь в ночном горшке? Поэтому или молчи, или не смей смеяться над почтенными людьми, которые тебя и за человека-то не считают. Или, думаешь, я очень смотрю на твои желтые колечки, которые ты у подружки стащил? Да поможет мне Оккупон! Пойдем на форум и начнем деньги занимать. Увидишь, как велико доверие к моему железному кольцу. Да, хорош ты, лисица намокшая! Пусть у меня не будет барыша и пусть я не умру так, чтобы люди клялись моей кончиной, если я не буду преследовать тебя до последней крайности. Хороша штучка и тот, кто тебя учил! Обезьяна, а не учитель! Мы (другому) учились. Наш учитель говорил бывало: "Все у вас в порядке? Марш по домам; да смотрите, по сторонам не глазеть! Смотрите, старших не задевайте". А теперь - чепуха одна! Ни один учитель гроша ломаного не стоит! Я, каким ты меня видишь, всегда буду богов благодарить за свою науку.

[LIX] Coeperat Ascyltos respondere convicio, sed Trimalchio delectatus colliberti eloquentia: "Agite, inquit, scordalias de medio. Suaviter sit potius, et tu, Hermeros, parce adulescentulo. Sanguen illi

LIX. Аскилт собрался было возразить на эти нападки, как Трималхион, восхищенный красноречием своего соотпущенника, сказал:
- Бросьте вы ссориться; лучше по-хорошему; а

fervet, tu melior esto. Semper in hac re qui vincitur, vincit. Et tu cum esses capo, cocococo, atque cor non habebas. Simus ergo, quod melius est, a primitiis hilares et Homeristas spectemus." Intravit factio statim hastisque scuta concrepuit. Ipse Trimalchio in pulvino consedit, et cum Homeristae Graecis versibus colloquerentur, ut insolenter solent, ille canora voce Latine legebat librum. Mox silentio facto: "Scitis, inquit, quam fabulam agant? Diomedes et Ganymedes duo fratres fuerunt. Horum soror erat Helena. Agamemnon illam rapuit et Dianae cervam subiecit. Ita nunc Homeros dicit, quemadmodum inter se pugnent Troiani et Parentini. Vicit scilicet, et Iphigeniam, filiam suam, Achilli dedit uxorem. Ob eam rem Aiax insanit, et statim argumentum explicabit." Haec ut dixit Trimalchio, clamorem Homeristae sustulerunt, interque familiam discurrentem vitulus in lance ducenaria elixus allatus est, et quidem galeatus. Secutus est Aiax strictoque gladio, tanquam insaniret, concidit, ac modo versa modo supina gesticulatus, mucrone frusta collegit mirantibusque vitulum partitus est.

ты, Гермерот, извини юношу: у него молодая кровь кипит. Ты же должен быть благоразумнее. В таких делах побеждает уступивший. Ведь и ты (небось), когда был молоденьким петушком - ко-ко-ко! - не мог удержать сердца. Лучше будет, если мы все снова развеселимся да гомеристами позабавимся.

В это время, звонко ударяя копьями о щиты, вошла какая-то труппа. Трималхион взгромоздился на подушки и, пока гомеристы произносили, по своему наглому обыкновению, греческие стихи, он нараспев читал по латинской книжке.

- А вы знаете, что они изображают? - спросил он, когда наступило молчание.- Жили-были два брата - Диомед и Ганимед с сестрою Еленой. Агамемнон похитил ее, Диане подсунул лань. Так говорит нам Гомер о войне троянцев с парентийцами. Агамемнон, изволите видеть, победил и дочку свою Ифигению выдал за Ахилла; от этого Аякс помешался, как вам сейчас покажут.

Трималхион кончил, а гомеристы вдруг завопили во все горло, и тотчас же на серебряном блюде, весом в двести фунтов, был внесен вареный теленок со шлемом на голове. За ним следовал Аякс, жонглируя обнаженным мечом, и, изображая сумасшедшего, под музыку разрубил на части теленка и разнес куски изумленным гостям.

[LX] Nec diu mirari licuit tam elegantes strophas; nam repente lacunaria sonare coeperunt totumque triclinium intremuit. Consternatus ego exsurrexi, et timui ne per tectum petauristarius aliquis descenderet. Nec minus reliqui convivae mirantes erexere vultus expectantes quid novi de caelo nuntiaretur. Ecce autem diductis lacunaribus subito circulus ingens, de cupa videlicet grandi excussus, demittitur, cuius per totum orbem coronae aureae cum alabastris unguenti pendebant. Dum haec apophoreta iubemur sumere, respiciens ad mensam <. . .>. Iam illic repositorium cum placentis aliquot erat positum, quod medium Priapus a pistore factus tenebat, gremioque satis amplo omnis generis poma et uvas sustinebat more vulgato. Avidius ad pompam manus porreximus, et repente nova ludorum remissio hilaritatem hic refecit. Omnes enim placentae omniaque poma etiam minima vexatione contacta coeperunt effundere crocum, et usque ad nos molestus umor accedere. Rati ergo sacrum esse fericulum tam religioso

LX. Не успели мы налюбоваться на эту изящную затею, как вдруг потолок затрещал с таким грохотом, что затряслись стены триклиния. Я вскочил, испугавшись, что вот-вот с потолка свалится какой-нибудь фокусник; остальные гости, не менее удивленные, подняли головы, ожидая, какую новость возвестят нам небеса. Потолок разверзся, и огромный обруч, должно быть, содранный с большой бочки, по кругу которого висели золотые венки и баночки с мазями, начал медленно опускаться из отверстия. После того как нас просили принять это в дар, мы взглянули на стол.

Там уже очутилось блюдо с пирожным; посреди него находился Приап из теста, держащий, по обычаю, корзину с яблоками, виноградом и другими плодами. Жадно накинулись мы на плоды, но уже новая забава усилила веселие. Ибо из всех плодов, из всех пирожных при малейшем нажиме забили фонтаны шафрана, противные струи которого

apparatu perfusum, consurreximus altius et "Augusto, patri patriae, feliciter " diximus. Quibusdam tamen etiam post hanc venerationem poma rapientibus, et ipsi mappas implevimus, ego praecipue, qui nullo satis amplo munere putabam me onerare Gitonis sinum.

Inter haec tres pueri candidas succincti tunicas intraverunt, quorum duo Lares bullatos super mensam posuerunt, unus pateram vini circumferens "dii propitii " clamabat.

Aiebat autem unum Cerdonem, alterum Felicionem, tertium Lucronem vocari. Nos etiam veram imaginem ipsius Trimalchionis, cum iam omnes basiarent, erubuimus praeterire.

попадали нам прямо в рот. Полагая, что блюдо, окропленное соком этого употребляющегося лишь при религиозных церемониях растения, должно быть священным, мы встали и громко воскликнули:

- Да здравствует божественный Август, отец отечества!

Когда же и после этой здравицы многие стали хватать плоды, то и мы набрали их полные салфетки. Особенно (старался) я, потому что никакой дар не казался мне достаточным, чтобы наполнить пазуху Гитона.

В это время вошли три мальчика в белых подпоясанных туниках; двое поставили на стол Ларов с шариками на шее; третий же с кубком вина обошел весь стол, восклицая:

- Да будет над вами милость богов!

(Трималхион) сказал, что их зовут Добычником, Счастливчиком и Наживщиком. В это же время из рук в руки передавали портрет Трималхиона, очень похожий; все его целовали, и мы не посмели отказаться.

[LXI] Postquam ergo omnes bonam mentem bonamque valitudinem sibi optarunt, Trimalchio ad Nicerotem respexit et: "Solebas, inquit, suavius esse in convictu; nescio quid nunc taces nec muttis. Oro te, sic felicem me videas, narra illud quod tibi usu venit." Niceros delectatus affabilitate amici: "Omne me, inquit, lucrum transeat, nisi iam dudum gaudimonio dissilio, quod te talem video. Itaque hilaria mera sint, etsi timeo istos scolasticos ne me rideant. Viderint: narrabo tamen, quid enim mihi aufert, qui ridet? satius est rideri quam derideri."

Haec ubi dicta dedit
talem fabulam exorsus est:

"Cum adhuc servirem, habitabamus in vico angusto; nunc Gavillae domus est. Ibi, quomodo dii volunt, amare coepi uxorem Terentii coponis: noveratis Melissam Tarentinam, pulcherrimum bacciballum. Sed ego non mehercules corporaliter aut propter res venerias curavi, sed magis quod benemoria fuit. Si quid ab illa petii, nunquam mihi negatum; fecit assem, semissem habui; in illius sinum demandavi, nec unquam fefellitus sum. Huius contubernalis ad villam supremum diem obiit. Itaque per scutum per ocream egi aginavi, quemadmodum ad illam pervenirem: nam, ut aiunt, in angustiis amici apparent.

LXI. После взаимных пожеланий доброго здоровья и хорошего расположения Трималхион посмотрел на Никерота и сказал:

- А ты ведь бывал веселее на пиру; не знаю, почему ты сегодня сидишь и не пикнешь? Прошу тебя, сделай мне удовольствие, расскажи, что с тобой приключилось?

- Пусть минует меня всякая удача, - отвечал тронутый любезностью друга Никерот,- если я не ежеминутно радуюсь, видя тебя в добром расположении. Поэтому пусть будет весело, хоть я и побаиваюсь этих ученых мужей: еще засмеют. Впрочем, все равно - расскажу; пусть хохочут: меня от смеха не убудет. Да к тому же лучше вызвать смех, чем насмешку.

"Эти изрекши слова", он рассказал следующее:

- Когда я был еще рабом, жили мы в узком, маленьком переулочке. Теперь это дом Вавиллы: там, попущением богов, влюбился я в жену трактирщика Терентия; вы, наверное, знаете ее. Мелисса Тарентинка, такая аппетитная пышка! Но я, ей-богу, любил ее не из похоти, не для забавы, а за ее чудесный нрав. Чего бы я у ней ни попросил - отказу нет. Заработает асс - половину мне. Я отдавал ей все на сохранение и ни разу не был обманут. Ее сожитель преставился в деревне. Потому я и так и сяк, и думал и гадал, как бы попасть к ней. Ибо в нужде познаешь друга.

[LXII] "Forte dominus Capuae exierat ad scruta

LXII. На мое счастье, хозяин по каким-то

scita expedienda. Nactus ego occasionem persuadeo hospitem nostrum, ut mecum ad quintum miliarium veniat. Erat autem miles, fortis tanquam Orcus. Apoculamus nos circa gallicinia; luna lucebat tanquam meridie. Venimus inter monimenta: homo meus coepit ad stelas facere; sedeo ego cantabundus et stelas numero. Deinde ut respexi ad comitem, ille exuit se et omnia vestimenta secundum viam posuit. Mihi anima in naso esse; stabam tanquam mortuus. At ille circumminxit vestimenta sua, et subito lupus factus est. Nolite me iocari putare; ut mentiar, nullius patrimonium tanti facio. Sed, quod coeperam dicere, postquam lupus factus est, ululare coepit et in silvas fugit. Ego primitus nesciebam ubi essem; deinde accessi, ut vestimenta eius tollerem: illa autem lapidea facta sunt. Qui mori timore nisi ego? Gladium tamen strinxi et <in tota via> umbras cecidi, donec ad villam amicae meae pervenirem. In larvam intravi, paene animam ebullivi, sudor mihi per bifurcum volabat, oculi mortui; vix unquam refectus sum. Melissa mea mirari coepit, quod tam sero ambularem, et: 'Si ante, inquit, venisses, saltem nobis adiutasses; lupus enim villam intravit et omnia pecora tanquam lanius sanguinem illis misit. Nec tamen derisit, etiamsi fugit; senius enim noster lancea collum eius traiecit'. Haec ut audivi, operire oculos amplius non potui, sed luce clara Gai nostri domum fugi tanquam copo compilatus; et postquam veni in illum locum, in quo lapidea vestimenta erant facta, nihil inveni nisi sanguinem. Vt vero domum veni, iacebat miles meus in lecto tanquam bovis, et collum illius medicus curabat. Intellexi illum versipellem esse, nec postea cum illo panem gustare potui, non si me occidisses. Viderint quid de hoc alii exopinissent; ego si mentior, genios vestros iratos habeam."

делам уехал в Капую. Воспользовавшись случаем, я уговорил нашего жильца проводить меня до пятого столба. Это был солдат, сильный как Орк. Двинулись мы после первых петухов - луна вовсю сияет, светло, как днем. Дошли до кладбища. Приятель мой остановился у памятников, а я похаживаю, напевая, и считаю могилы. Потом посмотрел на спутника; а он разделся и платье свое у дороги положил. У меня душа в пятки: стою ни жив ни мертв. А он обмочился вокруг одежды и вдруг обернулся волком. Не думайте, что я шучу; ничьего богатства не возьму, чтобы соврать. Итак, на чем я остановился? Да, превратился он в волка, завыл и ударился в лес!

Я спервоначала забыл, где я. Затем подошел, чтобы поднять его одежду, - ан она окаменела. Если кто тут перепугался до смерти, так это я. Однако вытащил я меч и всю дорогу рубил тени, вплоть до самого дома моей милой. Вошел я белее привидения. Едва духа не испустил; пот с меня в три ручья льет, глаза закатились; еле в себя пришел... Мелисса моя удивилась, почему я так поздно.

"Приди ты раньше, - сказала она, - ты бы нам пособил; огромный волк ворвался в усадьбу и весь скот передушил: словно мясник, кровь им выпустил. Но хоть он и удрал, однако и ему не поздоровилось: один из рабов копьем шею ему проткнул".

Как услыхал я это, так уж и глаз сомкнуть не мог, и при первом свете побежал быстрей ограбленного трактирщика в дом нашего Гая. Когда поравнялся с местом, где лежала окаменевшая одежда, вижу: кровь и больше ничего... Пришел я домой. Лежит мой солдат в постели, как бык, а врач лечит ему шею. Я понял, что он оборотень, и с тех пор куска хлеба съесть с ним не мог, хоть убейте меня. Всякий волен думать о моем рассказе, что хочет, но да прогневаются на меня ваши гении, если я соврал.

[LXIII] Attonitis admiratione universis: "Salvo, inquit, tuo sermone, Trimalchio, si qua fides est, ut mihi pili inhorruerunt, quia scio Niceronem nihil nugarum narrare: immo certus est et minime linguosus. Nam et ipse vobis rem horribilem narrabo. Asinus in tegulis.

"Cum adhuc capillatus essem, nam a puero vitam Chiam gessi, ipsimi nostri delicatus decessit, mehercules margaritum, <sacritus> et omnium numerum. Cum ergo illum mater misella

LXIII. Все молчали, пораженные.

- Прости меня, но у меня, честное слово, волосы дыбом встали,- заговорил наконец Трималхион; - я знаю, Никерот попусту болтать не станет. Человек он верный и уж никак не болтун. Да и я могу рассказать вам престрашную историю: она - что твой осел на крыше. Был я тогда эфебом, - ибо уж с детских лет жил в свое удовольствие. И вот умирает любимчик нашего хозяина, мальчик

plangeret et nos tum plures in tristimonio essemus, subito <stridere> strigae coeperunt; putares canem leporem persequi. Habebamus tunc hominem Cappadocem, longum, valde audaculum et qui valebat: poterat bovem iratum tollere. Hic audacter stricto gladio extra ostium procucurrit, involuta sinistra manu curiose, et mulierem tanquam hoc loco — salvum sit, quod tango! — mediam traiecit. Audimus gemitum, et — plane non mentiar — ipsas non vidimus. Baro autem noster introversus se proiecit in lectum, et corpus totum lividum habebat quasi flagellis caesus, quia scilicet illum tetigerat mala manus.
Nos cluso ostio redimus iterum ad officium, sed dum mater amplexaret corpus filii sui, tangit et videt manuciolum de stramentis factum. Non cor habebat, non intestina, non quicquam: scilicet iam puerum strigae involaverant et supposuerant stramenticium vavatonem. Rogo vos, oportet credatis, sunt mulieres plussciae, sunt Nocturnae, et quod sursum est, deorsum faciunt. Ceterum baro ille longus post hoc factum nunquam coloris sui fuit, immo post paucos dies freneticus periit."

прелестный по всем статьям, сущая жемчужина, ей-богу. то время как мать-бедняжка оплакивала его, - а все мы сидели вокруг тела носы повесивши, - вдруг завизжали ведьмы, словно собаки зайца рвут. Был среди нас каппадокиец, мужчина основательный, силач и храбрец, - мог разъяренного быка поднять. Он, вынув меч и обмотав руку плащом, смело выбежал за двери и пронзил насквозь женщину приблизительно в этом месте, - да будет здорово, где я трогаю. Мы слышали стоны, но - врать не хочу - ее самой не видали.
Наш долговязый, вернувшись, бросился на кровать, и все тело у него было покрыто подтеками, словно его ремнями били, - так отделала его нечистая сила. Мы, заперев двери, вернулись к нашей печальной обязанности, но, когда мать обняла тело сына, она нашла только соломенное чучело: ни внутренностей, ни сердца - ничего! Конечно, ведьмы утащили тело мальчика и взамен подсунули соломенного фофана. Уж вы извольте мне верить: есть женщины - ведьмы, ночные колдуньи, которые все вверх дном ставят. А долговязый навсегда после этого потерял краску в лице и через несколько дней умер в безумии.

[LXIV] Miramur nos et pariter credimus, osculatique mensam rogamus Nocturnas, ut suis se teneant, dum redimus a cena.
Et sane iam lucernae mihi plures videbantur ardere totumque triclinium esse mutatum, cum Trimalchio: "Tibi dico, inquit, Plocame, nihil narras? nihil nos delectaris? Et solebas suavius esse, canturire belle deverbia, adicere melicam. Heu, heu, abistis dulces caricae. — Iam, inquit ille, quadrigae meae decucurrerunt, ex quo podagricus factus sum. Alioquin cum essem adulescentulus, cantando paene tisicus factus sum. Quid saltare? quid deverbia? quid tonstrinum? Quando parem habui nisi unum Apelletem?"
Appositaque ad os manu, nescio quid taetrum exsibilavit quod postea Graecum esse affirmabat.
Nec non Trimalchio ipse cum tubicines esset imitatus, ad delicias suas respexit, quem Croesum appellabat. Puer autem lippus, sordidissimis dentibus, catellam nigram atque indecenter pinguem prasina involuebat fascia, panemque semissem ponebat supra torum, ac nausia recusantem saginabat. Quo admonitus officio Trimalchio Scylacem iussit adduci

LXIV. Пораженные и вполне веря рассказу, мы поцеловали стол, заклиная Ночных сидеть дома, когда мы будем возвращаться с пира.
Тут у меня светильники в глазах стали двоиться, а триклиний кругом пошел. Но в это время Тримальхион сказал:
- А ты - тебе говорю, Плокам,- почему ничего не расскажешь? Почему нас не позабавишь? Ты обыкновенно так весел за столом, и диалоги прекрасно представляешь, и песни поешь. Увы! Увы! Прошло то время золотое.
- Ох, - ответил тот, - отбегались мои колесницы с тех пор, как у меня подагра: а в былые дни, когда молод был, я от пения чуть в сухотку не впал. Кто лучше меня танцевал? Кто диалоги и цирюльню представлять умел? Разве Апеллес - и никто больше!
Засунув пальцы в рот, он засвистал что-то отвратительное, уверяя всех, что это греческая штука; Тримальхион же, в свою очередь, изобразив флейтиста, обернулся к своему любимцу по имени Крезу. Этот мальчишка с гноящимися глазами и грязнейшими зубами между тем повязал зеленой лентой брюхо черной суки, до

"praesidium domus familiaeque". Nec mora, ingentis formae adductus est canis catena vinctus, admonitusque ostiarii calce ut cubaret, ante mensam se posuit. Tum Trimalchio iactans candidum panem: "Nemo, inquit, in domo mea me plus amat." Indignatus puer, quod Scylacem tam effuse laudaret, catellam in terram deposuit hortatusque <est> ut ad rixam properaret. Scylax, canino scilicet usus ingenio, taeterrimo latratu triclinium implevit Margaritamque Croesi paene laceravit. Nec intra rixam tumultus constitit, sed candelabrum etiam supra mensam eversum et vasa omnia crystallina comminuit, et oleo ferventi aliquot convivas respersit. Trimalchio, ne videretur iactura motus, basiavit puerum ac iussit supra dorsum ascendere suum. Non moratus ille usus est equo, manuque plena scapulas eius subinde verberavit, interque risum proclamavit: "Bucco, bucco, quot sunt hic?" Repressus ergo aliquamdiu Trimalchio camellam grandem iussit misceri potiones<que> dividi omnibus servis, qui ad pedes sedebant, adiecta exceptione: "Si quis, inquit, noluerit accipere, caput illi perfunde. Interdiu severa, nunc hilaria".

[LXV] Hanc humanitatem insecutae sunt matteae, quarum etiam recordatio me, si qua est dicenti fides, offendit. Singulae enim gallinae altiles pro turdis circumlatae sunt et ova anserina pilleata, quae ut comessemus, ambitiosissime <a> nobis Trimalchio petiit dicens exossatas esse gallinas. Inter haec triclinii valvas lictor percussit, amictusque veste alba cum ingenti frequentia comissator intravit. Ego maiestate conterritus praetorem putabam venisse. Itaque temptavi assurgere et nudos pedes in terram deferre. Risit hanc trepidationem Agamemnon et: "Contine te, inquit, homo stultissime. Habinnas sevir est idemque lapidarius, qui videtur monumenta optime facere."

Recreatus hoc sermone reposui cubitum, Habinnamque intrantem cum admiratione ingenti spectabam. Ille autem iam ebrius uxoris suae umeris imposuerat manus, oneratusque aliquot

неприличия толстой, и, положив на ложе половину каравая, пичкал ее, хотя она и давилась. При виде этого Трималхион вспомнил о Скилаке, "защитнике дома и семьи", и приказал его привести.

Тотчас же привели огромного пса на цепи; привратник пихнул его ногой, чтобы он лег, и собака расположилась перед столом.

- Никто меня в доме больше, чем он, не любит, - сказал Тримaлхион, размахивая куском белого хлеба.

Мальчишка, рассердившись, что так сильно похвалили Скилака, спустил на землю свою суку и принялся науськивать ее на пса. Скилак, по собачьему своему обычаю, наполнил триклиний ужасающим лаем и едва не разорвал в клочки Жемчужину Креза. Но переполох не ограничился собачьей грызней: (возясь), они опрокинули светильник, который, упав на стол, все хрустальные сосуды расколол и гостей шипящим маслом обрызгал. Тримaлхион, дабы не казалось, что его огорчила эта потеря, поцеловал мальчика и приказал ему взобраться к себе на плечи. Тот не раздумывал долго, живо оседлал хозяина и принялся ударять его по плечам, приговаривая сквозь смех:

- Щечка, щечка, сколько нас?

... Некоторое время Тримaлхион терпеливо сносил это издевательство. Потом приказал налить вина в большую чашу и дать выпить сидевшим в ногах рабам, прибавив при этом:

- Ежели кто пить не станет, вылей ему на голову. Делу время, но и потехе час.

LXV. За этим проявлением человеколюбия последовали такие лакомства, что - верьте, не верьте - мне и теперь, при воспоминании, дурно делается. Ибо вместо дроздов нас обносили жирной пулярдой и гусиными яйцами в гарнире, причем Тримaлхион важным тоном просил нас есть, говоря, что из кур вынуты все кости.

Вдруг в двери триклиния постучал ликтор и вошел в белой одежде, в сопровождении большой свиты, новый сотрапезник. Пораженный его величием, я вообразил, что пришел претор, и потому хотел было вскочить с ложа и спустить на землю босые ноги. Но Агамемнон посмеялся над моей почтительностью и сказал:

- Сиди, глупый ты человек. Это Сабинна, севир и в то же время каменотес. Говорят, превосходно делает надгробные памятники.

coronis et unguento per frontem in oculos fluente, praetorio loco se posuit, continuoque vinum et caldam poposcit. Delectatus hac Trimalchio hilaritate et ipse capaciorem poposcit scyphum, quaesivitque quomodo acceptus esset. "Omnia, inquit, habuimus praeter te; oculi enim mei hic erant. Et mehercules bene fuit. Scissa lautum novendialem servo suo misello faciebat, quem mortuum manu miserat. Et, puto, cum vicensimariis magnam mantissam habet; quinquaginta enim millibus aestimant mortuum. Sed tamen suaviter fuit, etiam si coacti sumus dimidias potiones super ossucula eius effundere."

Успокоенный этим объяснением, я снова возлег и с большим интересом стал рассматривать вошедшего Сабинну. Он же, изрядно выпивший, опирался на плечи своей жены: на голове его красовалось несколько венков; духи с них потоками струились по лбу и попадали ему в глаза; он разлегся на преторском месте и немедленно потребовал себе вина и теплой воды. Заразившись его веселым настроением, Трималхион спросил и себе кусок побольше и осведомился, как принимали Сабинну (в доме, откуда он только явился).

- Все у нас было, кроме тебя, - отвечал тот. - Душа моя была с вами; а в общем было прекрасно. Сцисса правила девятидневную тризну по бедном своем рабе, которого она при смерти на волю отпустила; думаю, что у Сциссы будет большая возня с собирателями двадесятины. Потому что покойника оценивали в 50.000. Все, однако, было очень мило, хотя и пришлось половину вина вылить на его останки.

[LXVI] — Tamen, inquit Trimalchio, quid habuistis in cena? — Dicam, inquit, si potuero; nam tam bonae memoriae sum, ut frequenter nomen meum obliviscar. Habuimus tamen in primo porcum botulo coronatum et circa sangunculum et gizeria optime facta et certe betam et panem autopyrum de suo sibi, quem ego malo quam candidum; <nam> et vires facit, et cum mea re causa facio, non ploro. Sequens ferculum fuit sciribilita frigida et supra mel caldum infusum excellente Hispanum. Itaque de sciribilita quidem non minimum edi, de melle me usque tetigi. Circa cicer et lupinum, calvae arbitratu et mala singula. Ego tamen duo sustuli et ecce in mappa alligata habeo; nam si aliquid muneris meo vernulae non tulero, habebo convicium. Bene me admonet domina mea. In prospectu habuimus ursinae frustum, de quo cum imprudens Scintilla gustasset, paene intestina sua vomuit; ego contra plus libram comedi, nam ipsum aprum sapiebat. Et si, inquam, ursus homuncionem comest, quanto magis homuncio debet ursum comesse? In summo habuimus caseum mollem et sapam et cocleas singulas et cordae frusta et hepatia in catillis et ova pilleata et rapam et senape et catillum concacatum — pax Palamedes! — Etiam in alveo circumlata sunt oxycomina, unde quidam etiam improbi ternos pugnos sustulerunt. Nam pernae missionem dedimus.

LXVI. - И что же подавали? - спросил Трималхион.

- Скажу все, что смогу, - ответил Сабинна, - память у меня такая хорошая, что я собственное имя частенько забываю. На первое была свинья с колбасой вместо венка, а кругом чудесно изготовленные потроха и сладкое пюре и, разумеется, домашний хлеб-самопек, который я предпочитаю белому; он и силы придает, и при действии желудка я на него не жалуюсь. Затем подавали холодный пирог и превосходное испанское вино, смешанное с горячим медом. Поэтому я пирога съел немалую толику, и меда от пуза выпил. Приправой ей служили: горох, волчьи бобы, орехов сколько угодно и по одному яблоку на гостя; мне, однако, удалось стащить парочку - вот они в салфетке; потому, если я не принесу гостинца моему любимчику, мне здорово попадет. Ах, да, госпожа моя мне напоминает (что я еще кое-что позабыл). Под конец подали медвежатину, которой Сцинтилла неосторожно попробовала и чуть все свои внутренности не выблевала. А я так целый фунт съел, потому что на кабана очень похоже.

Ведь, говорю я, медведь пожирает людишек; тем паче следует людишкам пожирать медведя. Затем были еще: мягкий сыр, морс,

по улитке на брата, и печенка в глиняных чашечках, и яйца в гарнире, и рубленые кишки, и репа, и горчица, и винегрет. Ах, да! Потом еще обносили тмином в лохани; некоторые бесстыдно взяли по три пригоршни.

[LXVII] "Sed narra mihi, Gai, rogo, Fortunata quare non recumbit? — Quomodo nosti, inquit, illam, Trimalchio, nisi argentum composuerit, nisi reliquias pueris diviserit, aquam in os suum non coniciet. — Atqui, respondit Habinnas, nisi illa discumbit, ego me apoculo." Et coeperat surgere, nisi signo dato Fortunata quater amplius a tota familia esset vocata. Venit ergo galbino succincta cingillo, ita ut infra cerasina appareret tunica et periscelides tortae phaecasiaeque inauratae. Tunc sudario manus tergens, quod in collo habebat, applicat se illi toro, in quo Scintilla Habinnae discumbebat uxor, osculataque plaudentem: "Est te, inquit, videre?"

Eo deinde perventum est, ut Fortunata armillas suas crassissimis detraheret lacertis Scintillaeque miranti ostenderet. Vltimo etiam periscelides resolvit et reticulum aureum, quem ex obrussa esse dicebat. Notavit haec Trimalchio iussitque afferri omnia et: "Videtis, inquit, mulieris compedes: sic nos barcalae despoliamur. Sex pondo et selibram debet habere. Et ipse nihilo minus habeo decem pondo armillam ex millesimis Mercurii factam." Vltimo etiam, ne mentiri videretur, stateram iussit afferri et circulatum approbari pondus. Nec melior Scintilla, quae de cervice sua capsellam detraxit aureolam, quam Felicionem appellabat. Inde duo crotalia protulit et Fortunatae invicem consideranda dedit et: "Domini, inquit, mei beneficio nemo habet meliora. — Quid? inquit Habinnas, excatarissasti me, ut tibi emerem fabam vitream. Plane si filiam haberem, auriculas illi praeciderem. Mulieres si non essent, omnia pro luto haberemus; nunc hoc est caldum meiere et frigidum potare."

Interim mulieres sauciae inter se riserunt ebriaeque iunxerunt oscula, dum altera diligentiam matris familiae iactat, altera delicias et indiligentiam viri. Dumque sic cohaerent, Habinnas furtim consurrexit, pedesque Fortunatae correptos super lectum immisit. "Au! au!" illa proclamavit aberrante tunica super genua. Composita ergo in gremio Scintillae indecentissimam rubore faciem sudario abscondit.

LXVII. Однако, ай, скажи, пожалуйста, почему Фортуната не за столом?

- Почему? - ответил Трималхион.- Разве ты ее не знаешь? Пока всего серебра не пересчитает, пока не раздаст объедков рабам - воды в рот не возьмет.

- Ну-с, - сказал Сабинна,- если она не возляжет - до свидания, я исчезаю! - И он попробовал подняться с ложа; но, по знаку Трималхиона, вся челядь четырежды кликнула Фортунату.

Она явилась в платье, подпоясанном желтым кушаком так, что снизу была видна туника вишневого цвета, витые браслеты и золоченые туфли. Вытерев руки висевшим у нее на шее платком, она устроилась на том же ложе, где возлежала жена Сабинны, Сцинтилла, захлопавшая в ладоши, и, поцеловав ее, воскликнула:

- Тебя ли я вижу?

Дело скоро дошло до того, что Фортуната сняла со своих жирных рук запястья и принялась хвастаться ими перед восхищенной Сцинтиллой. Наконец она и ножные браслеты сняла, и головную сетку также, про которую уверяла, будто она из червонного золота. Тут Трималхион это заметил и приказал принести все ее драгоценности.

- Посмотрите, - сказал он, - на женские цепи! Вот как нас, дураков, разоряют. Ведь (этакая штука) фунтов шесть с половиной весит; положим, у меня у самого есть запястье, весящее десять.

Чтобы не думали, что он врет, он приказал доставить весы и обнести вокруг стола для проверки веса.

Сцинтилла оказалась не лучше: она сняла с шеи золотую ладанку, которую она называла Счастливицей; затем вытащила из ушей серьги и, в свою очередь, показала Фортунате.

- Благодаря доброте моего господина, - говорила она, - ни у кого лучших нет.

- Постой, - сказал Сабинна, - а сколько ты меня терзала, чтобы я купил тебе эти стеклянные балаболки? Будь у меня дочка, я бы ей уши отрезал. Если бы на женщины, все

было бы дешевле грязи. А теперь - "мочись теплым, а пей холодное".

Между тем женщины чему-то тихонько хихикали, обменивались пьяными поцелуями: одна хвасталась хозяйственностью и домовитостью, а другая жаловалась на проказы и беспечность мужа. Но пока они обнимались, тайком подкравшийся Сабинна вдруг обхватил ноги Фортунаты и поднял их на ложе.

- Ай, ай! - завизжала она, видя, что туника ее задралась выше колен.

И, бросившись в объятия Сцинтиллы, она закрыла платочком лицо, разгоревшееся от стыда.

[LXVIII] Interposito deinde spatio cum secundas mensas Trimalchio iussisset afferri, sustulerunt servi omnes mensas et alias attulerunt, scobemque croco et minio tinctam sparserunt et, quod nunquam ante videram, ex lapide speculari pulverem tritum. Statim Trimalchio: "Poteram quidem, inquit, hoc fericulo esse contentus; secundas enim mensas habetis. <Sed> si quid belli habes, affer".

Interim puer Alexandrinus, qui caldam ministrabat, luscinias coepit imitari clamante Trimalchione subinde: "Muta!". Ecce alius ludus. Servus qui ad pedes Habinnae sedebat, iussus, credo, a domino suo proclamavit subito canora voce:

Interea medium Aeneas iam classe tenebat. . .

Nullus sonus unquam acidior percussit aures meas; nam praeter errantis barbariae aut adiectum aut deminutum clamorem, miscebat Atellanicos versus, ut tunc primum me etiam Vergilius offenderit. Lassus tamen cum aliquando desisset, adiecit Habinnas et "Nun<quam, in>quit, didicit, sed ego ad circulatores eum mittendo erudibam. Itaque parem non habet, sive muliones volet sive circulatores imitari. Desperatum valde ingeniosus est: idem sutor est, idem cocus, idem pistor, omnis Musae mancipium. Duo tamen vitia habet, quae si non haberet, esset omnium numerum: recutitus est et stertit. Nam quod strabonus est, non curo; sicut Venus spectat. Ideo nihil tacet, vix oculo mortuo unquam. Illum emi trecentis denariis. . ."

LXVIII. Когда спокойствие восстановилось, Трималхион приказал вторично накрыть на стол. Мгновенно рабы сняли все столы и принесли новые, а пол посыпали окрашенными шафраном и киноварью опилками, и - чего я раньше нигде не видывал - толченой слюдой.

- Ну,- сказал Трималхион,- мне-то самому и одной перемены хватило бы, а вторую трапезу только ради вас подают. Да уж ладно, если есть там что хорошенькое - тащи сюда.

Между тем александрийский мальчик, заведующий горячей водой, защелкал, подражая соловью...

- Переменить! - закричал Трималхион, и вмиг появилась другая забава. Раб, сидевший в ногах Сабинны, думаю, по приказанию своего хозяина, вдруг заголосил нараспев:

"Флот Энея меж тем уж вышел в открытое море..."

Никогда еще более режущий звук не раздирал моих ушей, потому что, помимо варварских ошибок и то громкого, то придушенного крика, он еще примешивал к стихам фразы из ателлан; тут впервые сам Вергилий мне показался противным.

Тем не менее, когда он наконец замолчал, Сабинна захлопал и сказал:

- А ведь нигде не учился! Я его посылал на выучку к базарным разносчикам; как примется представлять погонщиков мулов или разносчиков - нет ему равного. Вообще он отчаянно способный малый; он и пекарь, он и сапожник, он и повар - слуга всех муз. Не будь у него двух пороков - был бы просто совершенством: он обрезан и во сне храпит. Что косой - наплевать: глядит, как Венера. Поэтому он ни о чем не может умолчать.

Редко когда глаза смыкает. Я заплатил за него триста динариев.

[LXIX] Interpellavit loquentem Scintilla et: "Plane, inquit, non omnia artificia servi nequam narras. Agaga est; at curabo stigmam habeat." Risit Trimalchio et: "Adcognosco, inquit, Cappadocem: nihil sibi defraudit, et mehercules laudo illum; hoc enim nemo parentat. Tu autem, Scintilla, noli zelotypa esse. Crede mihi, et vos novimus. Sic me salvum habeatis, ut ego sic solebam ipsumam meam debattuere, ut etiam dominus suspicaretur; et ideo me in vilicationem relegavit. Sed tace, lingua, dabo panem." Tanquam laudatus esset nequissimus servus, lucernam de sinu fictilem protulit et amplius semihora tubicines imitatus est succinente Habinna et inferius labrum manu deprimente. Vltimo etiam in medium processit et modo harundinibus quassis choraulas imitatus est, modo lacernatus cum flagello mulionum fata egit, donec vocatum ad se Habinnas basiavit, potionemque illi porrexit et: "Tanto melior, inquit, Massa, dono tibi caligas".

Nec ullus tot malorum finis fuisset, nisi epidipnis esset allata, turdi siligine<i> uvis passis nucibusque farsi. Insecuta sunt Cydonia etiam mala spinis confixa, ut echinos efficerent. Et haec quidem tolerabilia erant, si non fericulum longe monstrosius effecisset ut vel fame perire mallemus. Nam cum positus esset, ut nos putabamus, anser altilis circaque pisces et omnium genera avium: "<Amici> , inquit Trimalchio, quicquid videtis hic positum, de uno corpore est factum." Ego scilicet homo prudentissimus, statim intellexi quid esset, et respiciens Agamemnon: "Mirabor, inquam, nisi omnia ista de <fimo> facta sunt aut certe de luto. Vidi Romae Saturnalibus eiusmodi cenarum imaginem fieri".

LXIX. - О, - вмешалась в разговор Сцинтилла, - ты не все еще художества негодного раба пересчитал. Это он тебе живой товар доставляет; я буду не я, если его не заклеймят.

- Узнаю каппадокийца,- со смехом сказал Трималхион,- никогда ни в чем себе не откажет, и, клянусь богами, я его за это хвалю, ибо этого в могилу не унесешь. Ты же, Сцинтилла, ревность оставь. Поверь мне, мы вас (женщин) тоже (достаточно) знаем. Помереть мне на этом месте, если я в свое время не игрывал со своей хозяйкой, да так, что хозяин заподозрил меня и отправил в деревню. Но... "Молчи, язык! Хлеба дам".

Приняв эти слова за поощрение, негодный раб вытащил из-за пазухи глиняный светильник и с полчаса дудел, изображая флейтиста; Сабинна вторил ему, играя на губах. В конце концов раб вылез на середину и принялся кривляться еще пуще; то, вооружившись выдолбленными тростниками, передразнивал музыкантов, то, завернувшись в плащ с капюшоном, с бичом в руке изображал погонщиков мулов; наконец Сабинна подозвал его к себе, поцеловал и, протянув ему кубок, присовокупил:

- Все лучше и лучше, Масса. Подарю я тебе башмаки.

Никогда бы, кажется, не кончилось это мучение, если бы не подали новой еды - дроздов-пшеничников, начиненных орехами и изюмом. За ними последовали кидонские яблоки, утыканные иглами, наподобие ежей. Все это было еще переносимо. Но вот притащили блюдо столь чудовищное, что, казалось, лучше с голоду помереть. По виду это был жирный гусь, окруженный всевозможной рыбой и птицей.

- Все, что вы здесь видите,- сказал Трималхион,- из одного теста сделано.

Я, догадливейший из людей, сразу сообразил, в чем дело:

- Буду очень удивлен,- сказал я, наклонившись к Агамемнону,- если все это не сработано из навоза или глины. В Риме, на сатурналиях, мне случалось видеть такие подобия кушаний.

[LXX] Necdum finieram sermonem, cum Trimalchio ait: "Ita crescam patrimonio, non corpore, ut ista cocus meus de porco fecit. Non

LXX. Не успел я вымолвить этих слов, как Трималхион сказал:

- Пусть я разбухну, а не разбогатею, если мой

potest esse pretiosior homo. Volueris, de vulva faciet piscem, de lardo palumbam, de perna turturem, de colaepio gallinam. Et ideo ingenio meo impositum est illi nomen bellissimum; nam Daedalus vocatur. Et quia bonam mentem habet, attuli illi Roma munus cultros Norico ferro." Quos statim iussit afferri, inspectosque miratus est. Etiam nobis potestatem fecit ut mucronem ad buccam probaremus.

Subito intraverunt duo servi, tanquam qui rixam ad lacum fecissent; certe in collo adhuc amphoras habebant. Cum ergo Trimalchio ius inter litigantes diceret, neuter sententiam tulit decernentis, sed alterius amphoram fuste percussit. Consternati nos insolentia ebriorum intentavimus oculos in proeliantes, notavimusque ostrea pectinesque e gastris labentia, quae collecta puer lance circumtulit. Has lautitias aequavit ingeniosus cocus; in craticula enim argentea cocleas attulit et tremula taeterrimaque voce cantavit.

Pudet referre quae secuntur: inaudito enim more pueri capillati attulerunt unguentum in argentea pelve pedesque recumbentium unxerunt, cum ante crura talosque corollis vinxissent. Hinc ex eodem unguento in vinarium atque lucernam aliquantum est infusum.

Iam coeperat Fortunata velle saltare, iam Scintilla frequentius plaudebat quam loquebatur, cum Trimalchio: "Permitto, inquit, Philargyre et Cario, etsi prasinianus es famosus, dic et Menophilae, contubernali tuae, discumbat. "Quid multa? Paene de lectis deiecti sumus, adeo totum triclinium familia occupaverat. Certe ego notavi super me positum cocum, qui de porco anserem fecerat, muria condimentisque fetentem. Nec contentus fuit recumbere, sed continuo Ephesum tragoedum coepit imitari et subinde dominum suum sponsione provocare si prasinus proximis circensibus primam palmam".

повар не сделал всего этого из свинины. Дорогого стоит этот человек. Захоти только, и он тебе из свиной матки смастерит рыбу, из сала - голубя, из окорока - горлинку, из бедер - цыпленка: и к тому же, по моему измышлению, имя ему наречено превосходное: он зовется Дедалом. Чтобы вознаградить его за хорошее поведение, я ему выписал из Рима подарок - ножи из норийского железа.

Сейчас же он велел принести эти ножи и долго ими любовался; потом и нам позволил испробовать их остроту, прикладывая лезвие к щекам.

Вдруг вбежали два раба, имевшие такой вид, точно они поссорились у водоема; по крайней мере, оба несли на плечах амфоры. Тщетно пытался Трималхион рассудить их, они продолжали ссориться и совсем не желали подчиниться его решению; наконец один другому одновременно разбил палкой амфору. Пораженные невежеством этих пьяниц, мы внимательно следили за дракой и увидали, что из осколков амфор вывалились устрицы и ракушки, которые один из рабов подобрал, разложил на блюде и стал обносить всех. Искусный повар еще увеличил это великолепие: он принес на серебряной сковородке жареных улиток, напевая при этом дребезжащим и весьма отвратительным голосом.

Затем началось такое, что просто стыдно рассказывать: по какому-то неслыханному обычаю кудрявые мальчики принесли духи в серебряных флаконах и натерли ими ноги возлежащих, предварительно опутав голени, от колена до самой пятки, цветочными гирляндами. Остатки же этих духов были вылиты в сосуды с вином и в светильники.

Уже Фортуната стала приплясывать, уже Сцинтилла чаще рукоплескала, чем говорила, когда Трималхион закричал:

- Филаргир и Карион, хоть ты и завзятый "зеленый", позволяю вам возлечь, и сожительнице своей Менофиле скажи, чтобы она тоже возлегла.

Чего еще больше? Челядь переполнила триклиний, так что нас едва не сбросили с ложа. Я узнал повара, который из свиньи умел делать гуся. Он возлег выше меня, и от него несло подливкой и приправами. Не довольствуясь тем, что его за стол посадили, он принялся передразнивать трагика Эфеса и

все время подзадоривал своего господина биться об заклад, что "зеленые" на ближайших играх удержат за собой пальму первенства.

[LXXI] Diffusus hac contentione Trimalchio: "Amici, inquit, et servi homines sunt et aeque unum lactem biberunt, etiam si illos malus fatus oppresserit. Tamen me salvo cito aquam liberam gustabunt. Ad summam, omnes illos in testamento meo manu mitto. Philargyro etiam fundum lego et contubernalem suam, Carioni quoque insulam et vicesimam et lectum stratum. Nam Fortunatam meam heredem facio, et commendo illam omnibus amicis meis. Et haec ideo omnia publico, ut familia mea iam nunc sic me amet tanquam mortuum".

Gratias agere omnes indulgentiae coeperant domini, cum ille oblitus nugarum exemplar testamenti iussit afferri et totum a primo ad ultimum ingemescente familia recitavit. Respiciens deinde Habinnam: "Quid dicis, inquit, amice carissime? Aedificas monumentum meum quemadmodum te iussi? Valde te rogo, ut secundum pedes statuae meae catellam pingas et coronas et unguenta et Petraitis omnes pugnas, ut mihi contingat tuo beneficio post mortem vivere; praeterea ut sint in fronte pedes centum, in agrum pedes ducenti. Omne genus enim poma volo sint circa cineres meos, et vinearum largiter. Valde enim falsum est vivo quidem domos cultas esse, non curari eas, ubi diutius nobis habitandum est. Et ideo ante omnia adici volo:

HOC MONUMENTUM HEREDEM NON SEQUATUR.

Ceterum erit mihi curae, ut testamento caveam ne mortuus iniuriam accipiam. Praeponam enim unum ex libertis sepulchro meo custodiae causa, ne in monumentum meum populus cacatum currat. Te rogo, ut naves etiam <in fronte> monumenti mei facias plenis velis euntes, et me in tribunali sedentem praetextatum cum anulis aureis quinque et nummos in publico de sacculo effundentem; scis enim, quod epulum dedi binos denarios. Faciatur, si tibi videtur, et triclinia. Facies et totum populum sibi suaviter facientem. Ad dexteram meam pones statuam Fortunatae meae columbam tenentem, et catellam cingulo alligatam ducat, et cicaronem meum, et amphoras copiosas gypsatas, ne effluant vinum. Et urnam licet fractam sculpas, et super eam puerum plorantem. Horologium in medio, ut quisquis horas inspiciet, velit nolit, nomen meum legat. Inscriptio quoque vide diligenter si haec

LXXI. - Друзья,- сказал восхищенный этим безобразием Трималхион, - и рабы - люди: одним с нами молоком вскормлены и не виноваты они, что участь их горька. Однако, по моей милости, скоро все напьются вольной воды. Я их всех в завещании своем на свободу отпускаю. Филаргиру, кроме того, завещаю его сожительницу и поместьице. Кариону - домик, и двадесятину, и кровать с постелью. Фортунату же делаю главной наследницей и поручаю ее всем друзьям моим. Все это я сейчас объявляю затем, чтобы челядь меня уже теперь любила так же, как будет любить, когда я умру.

Все принялись благодарить хозяина за его благодеяния; он же, оставив шутки, велел принести список завещания и под вопли домочадцев прочел его от начала до конца. Потом, переведя взгляд на Сабинну, проговорил:

- Что скажешь, друг сердечный? Ведь ты воздвигнешь надо мной памятник, как я тебе заказал? Я очень прошу тебя: изобрази у ног моей статуи мою собачку, венки, сосуды с ароматами и все бои Петраита, чтобы я, по милости твоей, еще после смерти пожил. Вообще же памятник будет по фасаду - сто футов, а по бокам - двести. Я хочу, чтобы вокруг праха моего были всякого рода плодовые деревья, а также обширный виноградник. Ибо большая ошибка украшать дома при жизни, а о тех домах, где нам дольше жить, не заботиться. А поэтому я прежде всего желаю, чтобы в завещании было помечено:

ЭТОТ МОНУМЕНТ НАСЛЕДОВАНИЮ НЕ ПОДЛЕЖИТ.

Впрочем, это уже мое дело предусмотреть в завещании, чтобы я после своей смерти не претерпел обиды. Поставлю кого-нибудь из вольноотпущенников моих стражем у гробницы, чтобы к моему памятнику народ за нуждой не бегал. Прошу тебя также вырезать на фронтоне мавзолея корабли, на всех парусах бегущие, а я будто в тоге-претексте на трибуне восседаю с пятью золотыми кольцами на пальцах и из кошелька рассыпаю в народ деньги. Ты ведь знаешь, что я устроил общественную трапезу по два

satis idonea tibi videtur:
C. POMPEIVS TRIMALCHIO MAECENATIANVS HIC REQVIESCIT
HVIC SEVIRATVS ABSENTI DECRETVS EST
CVM POSSET IN OMNIBVS DECVRIIS ROMAE ESSE TAMEN NOLVIT
PIVS FORTIS FIDELIS EX PARVO CREVIT SESTERTIVM RELIQVIT TRECENTIES
NEC VNQVAM PHILOSOPHVM AVDIVIT
VALE
ET TV "

динария на человека. Хорошо бы, если ты находишь возможным, изобразить и самую трапезу, и всех граждан, как они едят и пьют в свое удовольствие. По правую руку помести статую моей Фортунаты с голубкой, и пусть она на цепочке собачку держит. Мальчишечку моего тоже, а главное - побольше винных амфор, хорошо запечатанных, чтобы вино не вытекало. Конечно, изобрази и урну разбитую, и отрока, над ней рыдающего.

В середине - часы, так, чтобы каждый, кто пожелает узнать, который час, волей-неволей прочел мое имя. Что касается надписи, то вот послушай внимательно и скажи, достаточно ли она хороша, по-твоему:
ЗДЕСЬ ПОКОИТСЯ
Г. ПОМПЕИ ТРИМАЛХИОН МЕЦЕНАТИАН.
ЕМУ ЗАОЧНО БЫЛ ПРИСУЖДЕН ПОЧЕТНЫЙ СЕВИРАТ.
ОН МОГ БЫ УКРАСИТЬ СОБОЙ ЛЮБУЮ ДЕКУРИЮ
РИМА, НО НЕ ПОЖЕЛАЛ.
БЛАГОЧЕСТИВЫЙ, МУДРЫЙ, ВЕРНЫЙ, ОН ВЫШЕЛ ИЗ
МАЛЕНЬКИХ ЛЮДЕЙ, ОСТАВИЛ ТРИДЦАТЬ МИЛЛИОНОВ
СЕСТЕРЦИЙ И НИКОГДА НЕ СЛУШАЛ НИ ОДНОГО
ФИЛОСОФА.
БУДЬ ЗДОРОВ И ТЫ ТАКЖЕ.

[LXXII] Haec ut dixit Trimalchio, flere coepit ubertim. Flebat et Fortunata, flebat et Habinnas, tota denique familia, tanquam in funus rogata, lamentatione triclinium implevit. Immo iam coeperam etiam ego plorare, cum Trimalchio: "Ergo, inquit, cum sciamus nos morituros esse, quare non vivamus? Sic nos felices videam, coniciamus nos in balneum, meo periculo, non paenitebit. Sic calet tanquam furnus. — Vero, vero, inquit Habinnas, de una die duas facere, nihil malo "; nudisque consurrexit pedibus et Trimalchionem gaudentem subsequi.

Ego respiciens ad Ascylton: "Quid cogitas? inquam, ego enim si videro balneum, statim expirabo. — Assentemur, ait ille, et dum illi balneum petunt, nos in turba exeamus".

Cum haec placuissent, ducente per porticum Gitone ad ianuam venimus, ubi canis catenarius tanto nos tumultu excepit, ut Ascyltos etiam in piscinam ceciderit. Nec non ego quoque ebrius, qui etiam pictum timueram canem, dum natanti opem fero, in eundem gurgitem tractus sum. Servavit nos tamen atriensis, qui interventu suo

LXXII. Окончив чтение, Трималхион заплакал в три ручья: плакала Фортуната, плакал Сабинна, а затем и вся челядь наполнила триклиний рыданиями, словно ее уже позвали на похороны. Наконец, даже и я готов был расплакаться, как вдруг Трималхион сказал:
- Итак, если мы знаем, что обречены на смерть, почему же нам сейчас не пожить в свое удовольствие? Будьте же все здоровы и веселы! Махнем-ка все в баню: на мой риск! Не раскаетесь! Нагрелась она, словно печь.
- Правильно! - закричал Сабинна.- Если я что люблю, так это из одного дня два устраивать. - Он соскочил с ложа босой и последовал за развеселившимся Трималхионом.
- Что делать? - обратился я к Аскилту.- Я умру от одного вида бани.
- Соглашайся ,- ответил он, - а, когда они направятся в баню, мы в суматохе убежим.
На этом мы сговорились и, проведенные под портиком Гитоном, достигли выхода: там залаяла на нас цепная собака так страшно, что Аскилт свалился в водоем. Я был

et canem placavit et nos trementes extraxit in siccum. At Giton quidem iam dudum <se> servatione acutissima redemerat a cane: quicquid enim a nobis acceperat de cena, latranti sparserat, et ille avocatus cibo furorem suppresserat. Ceterum cum algentes utique petissemus ab atriense ut nos extra ianuam emitteret: "Erras, inquit, si putas te exire hac posse, qua venisti. Nemo unquam convivarum per eandem ianuam emissus est; alia intrant, alia exeunt."

порядочно выпивши да к тому же я давеча и нарисованной собаки испугался; поэтому, помогая утопающему, я сам низвергся в ту же пучину. Спас нас дворецкий, который и пса унял, и нас, дрожащих, вытащил на сушу. Гитон же еще раньше ловким приемом сумел спастись от собаки: все, что получил он от нас на пиру, он бросил в лающую пасть, и пес, увлеченный едой, успокоился. Когда мы, дрожа от холода, попросили домоправителя вывести нас за ворота, он ответил:

- Ошибаетесь, если думаете, что отсюда можно уйти так же, как пришли. Никого из гостей не выпускают чрез те же самые двери. В одни приходят, в другие - уходят.

[LXXIII] Quid faciamus homines miserrimi et novi generis labyrintho inclusi, quibus lavari iam coeperat votum esse? Vltro ergo rogavimus ut nos ad balneum duceret, proiectisque vestimentis, quae Giton in aditu siccare coepit, balneum intravimus, angustum scilicet et cisternae frigidariae simile, in qua Trimalchio rectus stabat. Ac ne sic quidem putidissimam eius iactationem licuit effugere; nam nihil melius esse dicebat quam sine turba lavari, et eo ipso loco aliquando pistrinum fuisse. Deinde ut lassatus consedit, invitatus balnei sono diduxit usque ad cameram os ebrium et coepit Menecratis cantica lacerare, sicut illi dicebant, qui linguam eius intellegebant. Ceteri convivae circa labrum manibus nexis currebant, et gingilipho ingenti clamore exsonabant. Alii autem aut restrictis manibus anulos de pavimento conabantur tollere, aut posito genu cervices post terga flectere, et pedum extremos pollices tangere. Nos, dum alii sibi ludos faciunt, in solium, quod Trimalchioni parabatur, descendimus.

Ergo ebrietate discussa in aliud triclinium deducti sumus ubi Fortunata disposuerat lautitias ita ut supra lucernas <vidi . . .> aeneolosque piscatores notaverim et mensas totas argenteas calicesque circa fictiles inauratos et vinum in conspectu sacco defluens. Tum Trimalchio: "Amici, inquit, hodie servus meus barbatoriam fecit, homo praefiscini frugi et micarius. Itaque tangomenas faciamus et usque in lucem cenemus".

LXXIII. Что было делать нам, несчастным, заключенным в новый лабиринт? Даже баня стала для нас желанной. Поневоле попросили мы, чтобы нас провели туда. Сняв одежду, которую Гитон развесил у входа сушиться, мы вошли в баню, относительно узкую и похожую на цистерну для холодной воды, где стоял Трималхион, вытянувшись во весь рост. И здесь не удалось избежать его отвратительного бахвальства; он говорил, что ничего нет лучше, как купаться вдали от толпы, и что здесь раньше была пекарня. Наконец, устав, он уселся и, заинтересовавшись эхом бани, поднял к потолку свою пьяную рожу и принялся терзать песни Менекрата, как говорили те, кто понимал его язык. Некоторые из гостей, взявшись за руки, с громким пением водили хороводы вокруг ванны. Другие, со связанными за спиной руками, пытались поднять с пола кольца; третьи - став на колени, загибали назад голову, пытаясь ею достать пальцы на ногах. Покуда другие так забавлялись, мы спустились в гревшуюся для Трималхиона ванну. Когда мы несколько протрезвились, нас проводили в другой триклиний, где Фортуната разложила все свои богатства и где я заметил над светильниками ...... и бронзовые фигурки рыбаков, а также столы из чистого серебра, и глиняные позолоченные кубки, и мех, из которого на глазах выливалось вино.

- Друзья,- сказал Трималхион,- сегодня впервые обрился один из моих рабов, человек достойный, порядочный и скопидом. Итак, будем пировать до рассвета и веселиться.

[LXXIV] Haec dicente eo gallus gallinaceus cantavit. Qua voce confusus Trimalchio vinum

LXXIV. Слова его были прерваны криком петуха, услыхав который Трималхион

sub mensa iussit effundi lucernamque etiam mero spargi. Immo anulum traiecit in dexteram manum et: "Non sine causa, inquit, hic bucinus signum dedit; nam aut incendium oportet fiat, aut aliquis in vicinia animam abiciat. Longe a nobis! Itaque quisquis hunc indicem attulerit, corollarium accipiet." Dicto citius de vicinia gallus allatus est, quem Trimalchio iussit ut aeno coctus fieret. Laceratus igitur ab illo doctissimo coco, qui paulo ante de porco aves piscesque fecerat, in caccabum est coniectus. Dumque Daedalus potionem ferventissimam haurit, Fortunata mola buxea piper trivit.

Sumptis igitur matteis, respiciens ad familiam Trimalchio: "Quid vos, inquit, adhuc non cenastis? Abite, ut alii veniant ad officium." Subiit igitur alia classis, et illi quidem exclamavere: "Vale Gai ", hi autem: "Ave Gai." Hinc primum hilaritas nostra turbata est; nam cum puer non inspeciosus inter novos intrasset ministros, invasit eum Trimalchio et osculari diutius coepit. Itaque Fortunata, ut ex aequo ius firmum approbaret, male dicere Trimalchionem coepit et purgamentum dedecusque praedicare, qui non contineret libidinem suam. Vltimo etiam adiecit: "canis!". Trimalchio contra offensus convicio calicem in faciem Fortunatae immisit. Illa tanquam oculum perdidisset, exclamavit manusque trementes ad faciem suam admovit. Consternata est etiam Scintilla trepidantemque sinu suo texit. Immo puer quoque officiosus urceolum frigidum ad malam eius admovit, super quem incumbens Fortunata gemere ac flere coepit. Contra Trimalchio: "Quid enim, inquit, ambubaia non meminit se? de machina illam sustuli, hominem inter homines feci. At inflat se tanquam rana, et in sinum suum non spuit, codex, non mulier. Sed hic, qui in pergula natus est, aedes non somniatur. Ita genium meum propitium habeam, curabo domata sit Cassandra caligaria. Et ego, homo dipundiarius, sestertium centies accipere potui. Scis tu me non mentiri. Agatho unguentarius here proxime seduxit me et: 'Suadeo, inquit, non patiaris genus tuum interire.' At ego dum bonatus ago et nolo videri levis, ipse mihi asciam in crus impegi. Recte, curabo me unguibus quaeras. Et, ut depraesentiarum intelligas quid tibi feceris: Habinna, nolo statuam eius in monumento meo ponas, ne mortuus quidem lites habeam. Immo, ut sciat me posse malum dare, nolo me mortuum basiet."

приказал полить вином столы и обрызгать светильники; затем надел кольцо с левой руки на правую.

- Не без причины,- сказал он,- подал нам знак этот глашатай: ибо или пожара должно ожидать, или кто-нибудь по соседству дух испустит. Сгинь, сгинь! Кто принесет мне этого вестника - того я награжу.

Не успел он кончить, как уже притащили соседского петуха, и Трималхион приказал немедленно сварить его. Тотчас же петух был разрублен и брошен в горшок тем самым поваром-искусником, который раньше птиц и рыб из свинины делал. Пока Дедал пробовал кипящее варево, Фортуната молола перец на маленькой самшитовой мельнице. Когда и это кушанье было съедено, Трималхион обратился к рабам:

- А вы еще не пообедали? Ступайте! Пускай вас другие сменят!

Сейчас же ввалилась другая толпа рабов. Уходящие кричали:

- Прощай, ай! ходящие:

- Здравствуй, Гай!

Тут впервые омрачилось наше веселье, ибо среди вновь пришедших рабов был довольно хорошенький мальчик; Трималхион обнял его и принялся горячо целовать.

Фортуната, на том основании, что "право правдой крепко", принялась ругать Трималхиона отбросом и срамником, который не может сдержать своей похоти. И под конец прибавила: "Собака!" Трималхион, смущенный и обозленный этой бранью, швырнул ей в лицо чашу. Она завопила, словно ей глаз вышибли, и дрожащими руками закрыла лицо. Сцинтилла тоже опешила и прикрыла испуганную Фортунату своей грудью. Услужливый мальчик поднес к ее подбитой щеке холодный кувшинчик: приложив его к больному месту, Фортуната начала плакать и стонать.

- Как? - завопил рассерженный Трималхион. - Как? Эта уличная арфистка не помнит, что я ее взял с подмостков работорговца и в люди вывел? Ишь, надулась, как лягушка, и за пазуху себе не плюет, колода, а не женщина! Однако рожденным в лачуге о дворцах мечтать не пристало. Пусть мне так поможет мой гений, как я эту доморощенную Кассандру образумлю. Ведь я, простофиля, мог себе сто миллионов приданого взять. Ты знаешь, что я не лгу. Агафон, парфюмер соседней госпожи,

соблазнял меня: "Советую тебе, не давай своему роду угаснуть". А я, добряк, чтобы не показаться легкомысленным, сам себе ноги топором подрубил. Хорошо же, уж я позабочусь, чтобы ты, когда я умру, из земли ногтями выкопать меня захотела; а чтобы ты теперь же поняла, чего добилась,- я не желаю, Сабинна, чтобы ты помещал ее статую на моей гробнице, а то и в могиле покоя мне не будет; мало того, пусть знает, как меня обижать, - не хочу я, чтоб она меня мертвого целовала.

[LXXV] Post hoc fulmen Habinnas rogare coepit ut iam desineret irasci, et: "Nemo, inquit, nostrum non peccat. Homines sumus, non dei." Idem et Scintilla flens dixit, ac per genium eius Gaium appellando rogare coepit ut se frangeret. Non tenuit ultra lacrimas Trimalchio et: "Rogo, inquit, Habinna, sic peculium tuum fruniscaris: si quid perperam feci, in faciem meam inspue. Puerum basiavi frugalissimum, non propter formam, sed quia frugi est: decem partes dicit, librum ab oculo legit, thraecium sibi de diariis fecit, arcisellium de suo paravit et duas trullas. Non est dignus quem in oculis feram? Sed Fortunata vetat. Ita tibi videtur, fulcipedia? Suadeo, bonum tuum concoquas, milva, et me non facias ringentem, amasiuncula: alioquin experieris cerebrum meum. Nosti me: quod semel destinavi, clavo tabulari fixum est. Sed vivorum meminerimus. Vos rogo, amici, ut vobis suaviter sit. Nam ego quoque tam fui quam vos estis, sed virtute mea ad hoc perveni. Corcillum est quod homines facit, cetera quisquilia omnia. Bene emo, bene vendo; alius alia vobis dicet. Felicitate dissilio. Tu autem, sterteia, etiamnum ploras? Iam curabo fatum tuum plores. Sed ut coeperam dicere, ad hanc me fortunam frugalitas mea perduxit.

"Tam magnus ex Asia veni, quam hic candelabrus est. Ad summam, quotidie me solebam ad illum metiri, et ut celerius rostrum barbatum haberem, labra de lucerna ungebam. Tamen ad delicias ipsimi annos quattuordecim fui. Nec turpe est, quod dominus iubet. Ego tamen et ipsimae satis faciebam. Scitis quid dicam: taceo, quia non sum de gloriosis.

LXXV. Когда Трималхионовы громы поутихли, Сабинна стал уговаривать его сменить гнев на милость.

- Кто из нас без греха, - говорил он, - все мы люди, не боги.

Сцинтилла тоже со слезами, заклиная гением и называя Гаем, просила его умилостивиться.

- Сабинна,- сказал Трималхион, не в силах удержать слезы, - прошу тебя во имя твоего благоденствия, плюнь мне в лицо, если я что недолжное сделал. Я поцеловал славного мальчика не за красоту его, а потому что он усерден: десятичный счет знает, читает свободно, не по складам, сделал себе на суточные деньги фракийский наряд и на свой счет купил кресло и пару горшочков. Разве не стоит он моей ласки? А Фортуната не позволяет. Что тебе померещилось, фря надутая? Советую тебе переварить это, коршун, и не вводить меня в сердце, милочка; а то отведаешь моего норова. Ты меня знаешь: что я решил, то гвоздем прибито. Но вспомним лучше о радостях жизни! Веселитесь, прошу вас, друзья; я и сам таким же, как вы, был, да вот благодаря своим доблестям стал тем, что есть. Только сердце делает человеком - все остальное чепуха. "Я хорошо купил, хорошо и продал". Каждый вам будет твердить свое. Я лопаюсь от счастья. А ты, храпоидол, все еще плачешь? Погоди еще, о судьбе своей поплачешь. Да, как я вам уже говорил, своей честности обязан я богатством. Из Азии приехал я, не больше вон этого подсвечника, даже каждый день по нему свой рост мерил; чтоб борода скорее росла, верхнюю губу ламповым маслом смазывал. Четырнадцать лет по-женски был любезным моему хозяину; ничего тут постыдного нет - хозяйский приказ. И хозяйку ублаготворял тоже. Понимаете, что я хочу сказать. Но умолкаю, ибо я не из хвастунов.

[LXXVI] "Ceterum, quemadmodum di volunt, dominus in domo factus sum, et ecce cepi ipsimi cerebellum. Quid multa? coheredem me Caesari fecit, et accepi patrimonium laticlavium. Nemini tamen nihil satis est. Concupivi negotiari. Ne multis vos morer, quinque naves aedificavi, oneravi vinum — et tunc erat contra aurum — misi Romam. Putares me hoc iussisse: omnes naves naufragarunt. Factum, non fabula. Vno die Neptunus trecenties sestertium devoravit. Putatis me defecisse? Non mehercules mi haec iactura gusti fuit, tanquam nihil facti. Alteras feci maiores et meliores et feliciores, ut nemo non me virum fortem diceret. Scis, magna navis magnam fortitudinem habet. Oneravi rursus vinum, lardum, fabam, seplasium, mancipia. Hoc loco Fortunata rem piam fecit: omne enim aurum suum, omnia vestimenta vendidit et mi centum aureos in manu posuit. Hoc fuit peculii mei fermentum. Cito fit quod di volunt. Vno cursu centies sestertium corrotundavi. Statim redemi fundos omnes, qui patroni mei fuerant. Aedifico domum, venalicia coemo, iumenta; quicquid tangebam, crescebat tanquam favus. Postquam coepi plus habere quam tota patria mea habet, manum de tabula: sustuli me de negotiatione et coepi libertos fenerare. Et sane nolente me negotium meum agere exhortavit mathematicus, qui venerat forte in coloniam nostram, Graeculio, Serapa nomine, consiliator deorum. Hic mihi dixit etiam ea, quae oblitus eram; ab acia et acu mi omnia euit; intestinas meas noverat; tantum quod mihi non dixerat, quid pridie cenaveram. Putasses illum semper mecum habitasse.

LXXVI. Итак с помощью богов я стал хозяином в доме; заполонил сердце господина. Чего больше? Хозяин сделал меня сонаследником Цезаря. Получил я сенаторскую вотчину. Но человек никогда не бывает доволен: вздумалось мне торговать. Чтобы не затягивать рассказа, скажу коротко - снарядил я пять кораблей. Вином нагрузил, - оно тогда на вес золота было, - и в им отправил. Но подумайте, какая неудача: все потонули. Это вам не сказки, а чистая быль! В один день Нептун проглотил тридцать миллионов сестерций. Вы думаете, я пал духом? Ей-ей, даже не поморщился от этого убытка. Как ни в чем не бывало снарядил другие корабли, больше и крепче, и с большей удачей, так что никто меня за человека малодушного почесть не мог. Знаете, чем больше корабль, тем он крепче. Опять нагрузил я их вином, свининой, благовониями, рабами. Тут Фортуната доброе дело сделала - продала все свои драгоценности, все свои наряды и мне сто золотых в руку положила: это были дрожжи моего богатства.

Чего боги хотят, то быстро делается. В первую же поездку округлил я десять миллионов. Тотчас же выкупил я все прежние земли моего патрона. Домик построил; рабов, лошадей, скота накупил; к чему бы я ни прикасался, все вырастало, как медовый сот. А когда стал богаче, чем вся округа, тогда - руки прочь: торговлю бросил и стал вести дела через вольноотпущенников. Я вообще от всяких дел хотел отстраниться, да отговорил меня подвернувшийся тут случайно звездочет-гречонок по имени Серапа, человек поистине достойный заседать в совете богов. Он мне все сказал, даже то, что я сам позабыл, все мне до нитки и игольного ушка выложил; насквозь меня видел; разве что не сказал мне, что я ел вчера. Можно подумать, что он всю жизнь со мной прожил.

[LXXVII] "Rogo, Habinna — puto, interfuisti —: 'Tu dominam tuam de rebus illis fecisti. Tu parum felix in amicos es. Nemo unquam tibi parem gratiam refert. Tu latifundia possides. Tu viperam sub ala nutricas' et — quid vobis non dixerim — etiam nunc mi restare vitae annos triginta et menses quattuor et dies duos. Praeterea cito accipiam hereditatem. Hoc mihi dicit fatus meus. Quod si contigerit fundos Apuliae iungere, satis vivus pervenero. Interim dum Mercurius vigilat, aedificavi hanc domum. Vt

LXXVII. - Но помнишь, Сабинна, - это, кажется, при тебе было - он сказал мне:

"Ты таким-то образом добился своей госпожи. Ты несчастлив в друзьях. Никто тебе не воздает должной благодарности; ты владелец огромных поместий; ты отогреваешь на груди своей змею".

Чего я вам еще не рассказал? Ах, да, он предсказал, что мне осталось жить тридцать лет, четыре месяца и десять дней. Кроме того, я скоро получу наследство. Вот какова моя

scitis, casula erat; nunc templum est. Habet quattuor cenationes, cubicula viginti, porticus marmoratos duos, susum cellationem, cubiculum in quo ipse dormio, viperae huius sessorium, ostiarii cellam perbonam; hospitium hospites capit. Ad summam, Scaurus cnm huc venit, nusquam mavoluit hospitari, et habet ad mare paternum hospitium. Et multa alia sunt, quae statim vobis ostendam. Credite, mihi: assem habeas, assem valeas; habes, habeberis. Sic amicus vester, qui fuit rana, nunc est rex. Interim, Stiche, profer vitalia, in quibus volo me efferri. Profer et unguentum et ex illa amphora gustum, ex qua iubeo lavari ossa mea."

[LXXVIII] Non est moratus Stichus, sed et stragulam albam et praetextam in triclinium attulit. <Vitalia Trimalchio accepit> iussitque nos temptare, an bonis lanis essent confecta. Tum subridens: "Vide tu, inquit, Stiche, ne ista mures tangant aut tineae; alioquin te vivum conburam. Ego gloriosus volo efferri, ut totus mihi populus bene imprecetur." Statim ampullam nardi aperuit omnesque nos unxit et: "Spero, inquit, futurum ut aeque me mortuum iuvet tanquam vivum." Nam vinum quidem in vinarium iussit infundi et: "Putate vos, ait, ad parentalia mea invitatos esse".

Ibat res ad summam nauseam, cum Trimalchio ebrietate turpissima gravis novum acroama, cornicines, in triclinium iussit adduci, fultusque cervicalibus multis extendit se super torum extremum et: "Fingite me, inquit, mortuum esse. Dicite aliquid belli." Consonuere cornicines funebri strepitu. Vnus praecipue servus libitinarii illius, qui inter hos honestissimus erat, tam valde intonuit, ut totam concitaret viciniam.

Itaque vigiles, qui custodiebant vicinam regionem, rati ardere Trimalchionis domum, effregerunt ianuam subito et cum aqua securibusque tumultuari suo iure coeperunt. Nos occasionem opportunissimam nacti Agamemnoni verba dedimus, raptimque tam plane quam ex incendio fugimus.

судьба. И если удастся мне еще до самой Апулии имения расширить, тогда я могу сказать, что довольно пожил. Между тем, пока Меркурий бдит надо мной, я этот дом перестроил: помните, хижина была, а теперь - храм. В нем четыре столовых, двадцать спален, два мраморных портика; во втором этаже - еще помещение; затем - моя собственная опочивальня, логово этой гадюки, прекраснейшая каморка для привратника; и сколько ни будь у меня гостей, для всех место найдется.

Одним словом, когда Скавр приезжал, нигде, кроме как у меня, не пожелал остановиться, хоть еще у его отца были приятели, что живут у самого моря. Многое еще есть в этом доме - я вам сейчас покажу. Верьте мне: асс у тебя есть, и цена тебе асс. Имеешь, еще иметь будешь. Так-то и ваш друг: был лягушкой, стал царем. Ну, а теперь, Стих, притащи сюда одежду, в которой меня погребать будут. И благовония из той амфоры, из которой я велел омыть мои кости.

LXXVIII. Стих не замедлил принести в триклиний белое покрывало и тогу с пурпурной каймой.

Трималхион потребовал, чтобы мы на ощупь попробовали удивительную добротность шерсти.

- Смотри, Стих, - прибавил он, улыбаясь, - чтобы ни моль, ни мыши не испортили моего погребального убора; не то живьем сожгу. Желаю, чтоб с честью меня похоронили и все граждане чтоб добром меня поминали.

Сейчас же откупорил он склянку с нардом и нас всех обрызгал:

- Надеюсь, - сказал он, - что и мертвому это мне такое же удовольствие доставит, как живому.

Затем приказал налить вина в большой сосуд.

- Вообразите, - заявил он, - что вас на мою тризну позвали.

Но совсем тошно стало нам тогда, когда Трималхион, омерзительно пьяный, выдумал новое развлечение, приказав ввести в триклиний трубачей; навалив на ложе целую груду подушек, он разлегся на них, высоко подперев ими голову.

- Представьте себе, что я умер, - заявил он. - Скажите по сему случаю что-нибудь хорошее.

Трубачи затрубили похоронную песню. Особенно старался раб того распорядителя похорон: он был там почтеннее всех и трубил

[LXXIX] Neque fax ulla in praesidio erat, quae iter aperiret errantibus, nec silentium noctis iam mediae promittebat occurrentium lumen. Accedebat huc ebrietas et imprudentia locorum etiam interdiu obscura. Itaque cum hora paene tota per omnes scrupos gastrarumque eminentium fragmenta traxissemus cruentos pedes, tandem expliciti acumine Gitonis sumus. Prudens enim pridie, cum luce etiam clara timeret errorem, omnes pilas columnasque notaverat creta, quae lineamenta evicerunt spississimam noctem, et notabili candore ostenderunt errantibus viam. Quamvis non minus sudoris habuimus etiam postquam ad stabulum pervenimus. Anus enim ipsa inter deversitores diutius ingurgitata ne ignem quidem admotum sensisset, et forsitan pernoctassemus in limine, ni tabellarius Trimalchionis intervenisset X vehiculis <deviis>. Non diu ergo tumultuatus stabuli ianuam effregit, et nos per eandem festram admisit. <. . .>

Qualis nox fuit illa, di deaeque, quam mollis torus! Haesimus calentes et transfudimus hinc et hinc labellis errantes animas. Valete curae mortales. Ego sic perire coepi.

Sine causa gratulor mihi. Nam cum solutus mero remisissem ebrias manus, Ascyltos, omnis iniuriae inventor, subduxit mihi nocte puerum et in lectum transtulit suum, volutatusque liberius cum fratre non suo, sive non sentiente iniuriam sive dissimulante, indormivit alienis amplexibus oblitus iuris humani. Itaque ego ut experrectus pertrectavi gaudio despoliatum torum, si qua est amantibus fides, ego dubitavi, an utrumque traicerem gladio somnumque morti iungerem. Tutius dein secutus consilium Gitona quidem verberibus excitavi, Ascylton autem truci intuens vultu: "Quoniam, inquam, fidem scelere violasti et communem amicitiam, res tuas ocius tolle et alium locum, quem polluas, quaere". Non repugnavit ille, sed postquam optima fide partiti manubias sumus: "Age, inquit, nunc et puerum dividamus".

так громко, что перебудил всех соседей. Стражники, сторожившие этот околоток, вообразив, что дом Трималхиона горит, внезапно разбили двери и принялись лить воду и орудовать топорами, как полагается. Мы, воспользовавшись случаем, бросили Агамемнона и пустились бежать, словно от настоящего пожара.

LXXIX. У нас не было в запасе факела, чтобы освещать путь, и молчаливая полночь не посылала нам встречных со светильником. Прибавьте к этому наше опьянение и небезопасность мест, и днем достаточно глухих. По крайней мере с час мы едва волочили окровавленные ноги по острым камням мостовой, пока догадливость Гитона не вызволила нас. Предусмотрительный мальчик, опасаясь и при свете заблудиться, еще накануне сделал мелом заметки на всех столбах и колоннах - эти черточки видны были сквозь кромешную тьму и указали заблудшим дорогу. Не меньше пришлось нам попотеть, когда мы пришли домой. Старуха-хозяйка так нализалась с постояльцами, что подожги ее - не почувствовала бы; и пришлось бы нам ночевать на пороге, если бы не проходивший мимо курьер Трималхиона, владелец десяти повозок. Недолго раздумывая, он вышиб дверь и впустил нас в пролом...

Что за ночка, о боги и богини!
Что за мягкое ложе, где, сгорая,
Мы из уст на уста переливали
Души наши в смятеньи! О, прощайте,
Все заботы земные! Ах, я таю!

Но напрасно я радовался. Лишь только я ослабел от вина и мои руки бессильно повисли, Аскилт, тороватый на всякие каверзы, среди ночи потихоньку выкрал у меня мальчика и перенес его на свое ложе. Без помехи натешившись чужим братцем, - а братец или не слышал, или делал вид, что не слышит, - он заснул в краденых объятиях, забыв все человеческие права. Я же, проснувшись, напрасно шарил руками по своему безрадостно осиротевшему ложу. Верьте слову влюбленного! Я долго колебался, не пронзить ли мне их обоих мечом, чтобы они, не просыпаясь, уснули навеки. Но затем я принял решение менее опасное и, разбудив шлепками Гитона, зверски уставился на Аскилта и сказал:

- Своим поступком ты честность запятнал, ты

[LXXX] Iocari putabam discedentem. At ille gladium parricidali manu strinxit et: "Non frueris, inquit, hac praeda super quam solus incumbis. Partem meam necesse est vel hoc gladio contemptus abscindam". Idem ego ex altera parte feci, et intorto circa brachium pallio, composui ad proeliandum gradum. Inter hanc miserorum dementiam infelicissimus puer tangebat utriusque genua cum fletu, petebatque suppliciter ne Thebanum par humilis taberna spectaret, neve sanguine mutuo pollueremus familiaritatis clarissimae sacra. "Quod si utique, proclamabat, facinore opus est, nudo ecce iugulum, convertite huc manus, imprimite mucrones. Ego mori debeo, qui amicitiae sacramentum delevi." Inhibuimus ferrum post has preces, et prior Ascyltos: "Ego, inquit, finem discordiae imponam. Puer ipse, quem vult, sequatur, ut sit illi saltem in eligendo fratre salva libertas." Ego qui vetustissimam consuetudinem putabam in sanguinis pignus transisse, nihil timui, immo condicionem praecipiti festinatione rapui, commisique iudici litem. Qui ne deliberavit quidem, ut videretur cunctatus, verum statim ab extrema parte verbi consurrexit <et> fratrem Ascylton elegit. Fulminatus hac pronuntiatione, sic ut eram, sine gladio in lectulum decidi, et attulissem mihi damnatus manus, si non inimici victoriae invidissem. Egreditur superbus cum praemio Ascyltos, et paulo ante carissimum sibi commilitonem fortunaeque etiam similitudine parem in loco peregrino destituit abiectum.

Nomen amicitiae, sic, quatenus expedit, haeret; calculus in tabula mobile ducit opus. Dum fortuna manet, vultum servatis, amici; cum cecidit, turpi certitis ora fuga. Grex agit in scaena mimum: pater ille vocatur, filius hic, nomen divitis ille tenet. Mox ubi ridendas inclusit pagina partes, vera redit facies, adsimulata perit.

дружбу нашу разрушил. Собирай поэтому скорее свои пожитки и ступай искать другое место для своих пакостей.

Аскилт не возражал, но, когда мы добросовестно разделили имущество, он заявил:

- Теперь давай и мальчика поделим.

LXXX. Я сперва вообразил, что он шутит на прощание; но он, сжимая братоубийственной рукою рукоять меча, произнес:

- Не попользуешься ты добычей, которую один ты хочешь лелеять. Я возьму свою долю, хотя бы вот этим мечом пришлось ее отрезать.

Я со своей стороны сделал то же и, обернув руку плащом, приготовился к бою. Несчастный мальчик, пока мы оба столь плачевно безумствовали, с громкими рыданиями обнимал наши колена, умоляя нас не уподоблять этого жалкого трактира Фивам, не обагрять братскою кровью святыню нежнейшей дружбы.

- Если, - восклицал он, - должно совершиться убийство, то вот мое горло! Сюда обратите руки! Сюда направьте мечи! Пусть умру я, расторгший узы дружбы!

Тронутые этими молениями, мы вложили мечи в ножны.

- Я, - заговорил Аскилт, - положу конец раздору. Пусть мальчик идет за тем, за кем хочет. Пусть будет дана ему полная свобода в выборе братца.

Я, полагая, что давнишняя привычка достигла прочности кровных уз, ничего не боялся и, с опрометчивой поспешностью ухватившись за предложение, передал свою судьбу в руки судьи; он же, без малейшего промедления, не задумываясь, при последних словах моих поднялся... и избрал братом Аскилта. Как громом пораженный оборотом дела, я, точно у меня не было меча, рухнул на кровать и наверное наложил бы на себя преступные руки, если бы не боялся еще увеличить торжество врага. Исполненный гордости Аскилт удалился со своею добычей и бросил недавно дорогого ему товарища и собрата по несчастиям одного, на чужой стороне.

Дружба хранит свое имя, покуда в нас видится польза.

Словно игральная кость, вечно подвижна она.

Если Фортуна - за нас, мы видим, друзья, ваши лица,

Если изменит судьба, гнусно бежите вы прочь.

Труппа играет нам мим: вон тот называется сыном,
Этот отцом, а другой взял себе роль богача...
Но окончился текст и окончились роли смешные,
Лик настоящий воскрес, лик балаганный пропал.

[LXXXI] Nec diu tamen lacrimis indulsi, sed veritus ne Menelaus etiam antescholanus inter cetera mala solum me in deversorio inveniret, collegi sarcinulas, locumque secretum et proximum litori maestus conduxi. Ibi triduo inclusus, redeunte in animum solitudine atque contemptu, verberabam aegrum planctibus pectus et inter tot altissimos gemitus frequenter etiam proclamabam: "Ergo me non ruina terra potuit haurire? Non iratum etiam innocentibus mare? Effugi iudicium, harenae imposui, hospitem occidi, ut inter audaciae nomina mendicus, exul, in deversorio Graecae urbis iacerem desertus? Et quis hanc mihi solitudinem imposuit? Adulescens omni libidine impurus et sua quoque confessione dignus exilio, stupro liber, stupro ingenuus, cuius anni ad tesseram venierunt, quem tanquam puellam conduxit etiam qui virum putavit. Quid ille alter? qui die togae virilis stolam sumpsit, qui ne vir esset a matre persuasus est, qui opus muliebre in ergastulo fecit, qui postquam conturbavit et libidinis suae solum vertit, reliquit veteris amicitiae nomen et — pro pudor! — tanquam mulier secutuleia unius noctis tactu omnia vendidit. Iacent nunc amatores obligati noctibus totis, et forsitan mutuis libidinibus attriti derident solitudinem meam. Sed non impune. Nam aut vir ego liberque non sum, aut noxio sanguine parentabo iniuriae meae."

LXXXI. Однако недолго предавался я плачу, опасаясь, как бы в довершение всех бед не застал меня, одинокого, на этом постоялом дворе младший учитель Менелай; я собрал свои пожитки и, печальный, перебрался в укромный уголок неподалеку от морского берега. Три дня провел я там безвыходно, терзаясь мыслями о своем одиночестве. Я бил кулаками мою наболевшую грудь, испуская глубокие стоны и непрерывно восклицая:
- Ужели не поглотит меня, расступившись, земля или море, жестокое даже к невинным? Затем разве я избег правосудия, обманом спас жизнь на арене, убил приютившего меня хозяина, чтобы после стольких дерзновенных поступков жалким, одиноким изгнанником валяться в трактире греческого городка? И кто же, кто обрек меня этому одиночеству? Юнец, погрязший во всяческом сладострастии, по собственному признанию достойный ссылки! Разврат освободил его, разврат дал ему права гражданства. Зад его разыгрывался в кости. Он, кого, заведомо зная, что он мужчина, уводили с собой, как девочку. А другой? О, боги! Он и в день совершеннолетия вместо мужской тоги надел столу; мать убедила его не быть мужчиной; на рабской каторге служил он женщиной; он, после ласки моей, позабыл старую дружбу - и, о стыд! - словно блудница, все продал за единую ночь. И теперь влюбленные лежат, обнявшись, целыми ночами, и, верно, когда утомятся взаимными ласками, издеваются надо мною, одиноким; но даром им это не пройдет! Или не по праву зовусь я мужчиной и свободнорожденным, смою обиду их зловредной кровью!

[LXXXII] Haec locutus gladio latus cingor, et ne infirmitas militiam perderet, largioribus cibis excito vires. Mox in publicum prosilio furentisque more omnes circumeo porticus. Sed dum attonito vultu efferatoque nihil aliud quam caedem et sanguinem cogito, frequentiusque manum ad capulum, quem devoveram, refero, notavit me miles, sive ille planus fuit sive nocturnus grassator, et: "Quid tu, inquit, commilito, ex qua

LXXXII. Тут я препоясался мечом и, дабы не испарился из слабого тела моего воинственный пыл, подкрепился пищей плотнее обыкновенного. Выбежав на улицу, я как сумасшедший заметался по портикам. Но, пока я с искаженным лицом мечтал об убийстве и крови и дрожащей рукою то и дело хватался за рукоятку меча-мстителя, приметил меня какой-то воин, не то в самом

legione es aut cuius centuria?" Cum constantissime et centurionem et legionem essem ementitus: "Age ergo, inquit ille, in exercitu vestro phaecasiati milites ambulant?" Cum deinde vultu atque ipsa trepidatione mendacium prodidissem, ponere iussit arma et malo cavere. Despoliatus ergo, immo praecisa ultione retro ad deversorium tendo, paulatimque temeritate laxata coepi grassatoris audaciae gratias agere. <. . .>

Non bibit inter aquas, poma aut pendentia carpit Tantalus infelix, quem sua vota premunt. Divitis haec magni facies erit, omnia acervans qui timet et sicco concoquit ore famem. Non multum oportet consilio credere, quia suam habet fortuna rationem. <. . .>

[LXXXIII] In pinacothecam perveni vario genere tabularum mirabilem. Nam et Zeuxidos manus vidi nondum vetustatis iniuria victas, et Protogenis rudimenta cum ipsius naturae veritate certantia non sine quodam horrore tractavi. Jam vero Apellis quam Graeci mon(kthmon appellant, etiam adoravi. Tanta enim subtilitate extremitates imaginum erant ad similitudinem praecisae, ut crederes etiam animorum esse picturam. Hinc aquila ferebat caelo sublimis Idaeum, illinc candidus Hylas repellebat improbam Naida. Damnabat Apollo noxias manus lyramque resolutam modo nato flore honorabat. Inter quos etiam pictorum amantium vultus tanquam in solitudine exclamavi: "Ergo amor etiam deos tangit. Iuppiter in caelo suo non invenit quod diligeret, sed peccaturus in terris nemini tamen iniuriam fecit. Hylan Nympha praedata temperasset amori suo, si venturum ad interdictum Herculem credidisset. Apollo pueri umbram revocavit in florem, et omnes fabulae quoque sine aemulo habuerunt complexus. At ego in societatem recepi hospitem Lycurgo crudeliorem." Ecce autem, ego dum cum ventis litigo, intravit pinacothecam senex canus, exercitati vultus et qui videretur nescio quid magnum promittere, sed cultu non proinde speciosus, ut facile appareret eum <ex> hac nota litterat<or>um esse, quos odisse divites solent. Is ergo ad latus constitit meum.

"Ego, inquit, poeta sum et, ut spero, non humillimi spiritus, si modo coronis aliquid credendum est, quas etiam ad imperitos deferre gratia solet. 'Quare ergo, inquis, tam male vestitus es?' Propter hoc ipsum. Amor ingenii neminem unquam divitem fecit.

"Qui pelago credit, magno se fenore tollit;

деле солдат, не то ночной бродяга.

- Эй, товарищ, - крикнул он мне, - какого легиона? Какой центурии?

А когда в ответ ему я весьма уверенно сочинил и легион, и центурию, он заявил:

- Ладно. Значит, в вашем отряде солдаты в туфлях разгуливают?

Догадавшись по смущенному выражению лица, что я наврал, он велел мне сложить оружие и не доводить дела до беды.

Ограбленный, потеряв всякую надежду на отмщение, поплелся я обратно в гостиницу, а через несколько времени, успокоившись, в душе даже поблагодарил этого разбойника за его наглость...

LXXXIII. Я забрел в пинакотеку, славную многими замечательными картинами всевозможных направлений. Здесь увидал я творения Зевксида, победившие, несмотря на свою древность, все нападки; и первые опыты Протогена, правдивостью способные поспорить с самой природой, к которым я всегда приближаюсь с каким-то душевным трепетом. Я восторгался также Апеллесом, которого греки зовут однокрасочным. Очертания фигур у него так тонки и так правдоподобны, что кажется, будто изображает он души. Здесь орел возносит в поднебесье бога. Там чистый Гилас отвергает бесчестную Наяду. Аполлон, проклиная виновные руки, украшает лиру только что рожденным цветком.

При виде этих любовных картин я, забыв, что я не один в галерее, вскричал:

- Значит, и боги подвластны страсти? Юпитер не нашел на небе достойного избранника, но, согрешив на земле, он никого не обидел. И Нимфа, похитившая Гиласа, наверное обуздала бы свои страсти, знай она, что Геркулес придет тягаться из-за него. Аполлон обратил прах любимого юноши в цветок, и всегда любовь в этих сказках не омрачена соперничеством. А я принял в дом свой гостя, жестокостью превзошедшего Ликурга.

Но вот в то время как я бросал слова на ветер, вошел в пинакотеку седовласый старец с лицом человека, потрепанного жизнью, но еще способного совершить нечто великое; платье его, однако, было не весьма блестяще и, видимо, он принадлежал к числу тех писателей, которых богатые обычно терпеть не могут.

qui pugnas et castra petit, praecingitur auro; vilis adulator picto iacet ebrius ostro, et qui sollicitat nuptas, ad praemia peccat. Sola pruinosis horret facundia pannis, atque inopi lingua desertas invocat artes.

- Я - поэт, - сказал он, став подле меня, - и, надеюсь, не из последних, если только можно полагаться на венки, которые часто и неумелым присуждают. Ты спросишь, почему я так плохо одет? Именно поэтому: любовь к творчеству никого еще не обогатила.

Кто доверяет волнам, получит великую прибыль,
Любящий лагерь и бой кругом опояшется златом,
Льстец недостойный лежит на расписанном пурпуре пьяный,
Прелюбодей, соблазняя замужних, грешит за награду,
Лишь Красноречье одно в размытой дождями одежде
Голосом слабым зовет забытые всеми Искусства.

[LXXXIV] "Non dubie ita est: si quis vitiorum omnium inimicus rectum iter vitae coepit insistere, primum propter morum differentiam odium habet: quis enim potest probare diversa? Deinde qui solas exstruere divitias curant, nihil volunt inter homines melius credi, quam quod ipsi tenent. Insectantur itaque, quacunque ratione possunt, litterarum amatores, ut videantur illi quoque infra pecuniam positi. <. . .>

"Nescio quo modo bonae mentis soror est paupertas. <. . .>

"Vellem, tam innocens esset frugalilatis meae hostis, ut deliniri posset. Nunc veteranus est latro et ipsis lenonibus doctior". <. . .>

LXXXIV. Одно несомненно: враг порока, раз навсегда избравший в жизни прямой путь и так уклонившийся от нравов толпы, вызывает всеобщую ненависть - ибо ни один кто не одобрит того, кто на него не похож. Затем те, кто стремится лишь к обогащению, не желают верить, что есть у людей блага выше тех, за которые держатся они. Превозносите сколько угодно любителей литературы - богачу все равно покажется, что деньги сильнее ее...

- Не понимаю, как это так бедность может быть сестрой высокого ума...

- О, если бы соперник, принудивший меня к воздержанию, был столь чист душой, что мог бы внять просьбам! Но он - закоснелый разбойник и наставник всех сводников...

[LXXXV] EVMOLPVS. "In Asiam cum a quaestore essem stipendio eductus, hospitium Pergami accepi. Vbi cum libenter habitarem non solum propter cultum aedicularum, sed etiam propter hospitis formosissimum filium, excogitavi rationem qua non essem patri familiae suspectus amator. Quotiescunque enim in convivio de usu formosorum mentio facta est, tam vehementer excandui, tam severa tristitia violari aures meas obsceno sermone nolui, ut me mater praecipue tanquam unum ex philosophis intueretur. Jam ego coeperam ephebum in gymnasium deducere, ego studia eius ordinare, ego docere ac praecipere, ne quis praedator corporis admitteretur in domum.

Forte cum in triclinio iaceremus, quia dies sollemnis ludum artaverat pigritiamque recedendi imposuerat hilaritas longior, fere circa mediam noctem intellexi puerum vigilare. Itaque

LXXXV. [Эвмолп] Когда квестор, у которого я служил, привез меня в Азию, я остановился в Пергаме. Оставался я там очень охотно, не столько ради удобств дома, сколько ради красоты хозяйского сына; однако я старался изыскать способ, чтобы отец не мог заподозрить моей любви. Как только за столом начинались разговоры о красивых мальчиках, я приходил в такой искренний раж, с такой суровой важностью отказывался позорить свой слух непристойными разговорами, что все, в особенности мать, стали смотреть на меня, как на философа. Уже я начал водить мальчика в гимнасий, руководить его занятиями, учить его и следить за тем, чтобы ни один из охотников за красавцами не проникал в дом. Однажды, в праздник, покончив уроки раньше обыкновенного, мы возлежали в триклинии, -

timidissimo murmure votum feci et: "Domina, inquam, Venus, si ego hunc puerum basiavero, ita ut ille non sentiat, cras illi par columbarum donabo". Audito voluptatis pretio puer stertere coepit. Itaque aggressus simulantem aliquot basiolis invasi. Contentus hoc principio bene mane surrexi electumque par columbarum attuli expectanti ac me voto exsolvi.

ленивая истома, последствие долгого и веселого праздника, помешала нам добраться до наших комнат. Среди ночи я заметил, что мой мальчик бодрствует. Тогда я робким шепотом вознес моление:

- О, Венера-владычица! - сказал я, - если я поцелую этого мальчика так, что он не почувствует, то наутро подарю ему пару голубок.

Услышав о награде за наслаждение, мальчик принялся храпеть. Тогда, приблизившись к притворщику, я осыпал его поцелуями. Довольный таким началом, я поднялся ни свет ни заря и принес ему ожидаемую пару отменных голубок, исполнив таким образом свой обет.

[LXXXVI] Proxima nocte cum idem liceret, mutavi optionem et: "Si hunc, inquam, tractavero improba manu, et ille non senserit, gallos gallinaceos pugnacissimos duos donabo patienti". Ad hoc votum ephebus ultro se admovit et, puto, vereri coepit ne ego obdormissem. Indulsi ergo sollicito, totoque corpore citra summam voluptatem me ingurgitavi. Deinde ut dies venit, attuli gaudenti quicquid promiseram. Vt tertia nox licentiam dedit, consurrexi ad aurem male dormientis: "Dii, inquam, immortales, si ego huic dormienti abstulero coitum plenum et optabilem, pro hac felicitate cras puero asturconem Macedonicum optimum donabo, cum hac tamen exceptione, si ille non senserit". Nunquam altiore somno ephebus obdormivit. Itaque primum implevi lactentibus papillis manus, mox basio inhaesi, deinde in unum omnia vota coniunxi. Mane sedere in cubiculo coepit atque expectare consuetudinem meam. Scis quanto facilius sit columbas gallosque gallinaceos emere quam asturconem, et, praeter hoc, etiam timebam ne tam grande munus suspectam faceret humanitatem meam. Ergo aliquot horis spatiatus, in hospitium reverti nihilque aliud quam puerum basiavi. At ille circumspiciens ut cervicem meam iunxit amplexu: "Rogo, inquit, domine, ubi est asturco?"

LXXXVI. На следующую ночь, улучив момент, я изменил молитву:

- Если дерзкой рукой я поглажу его и он не почувствует, - сказал я, - я дам ему двух лучших боевых петухов.

При этом обещании милый ребенок сам придвинулся ко мне, опасаясь, думаю, чтобы я сам не заснул. Успокаивая его нетерпение, я с наслаждением гладил все его тело, сколько мне было угодно. На другой же день, к великой его радости, принес ему обещанное. На третью ночь я при первой возможности придвинулся к уху притворно спящего.

- О, боги бессмертные! - шептал я. - Если я добьюсь от спящего счастья полного и желанного, то за такое благополучие я завтра подарю ему превосходного македонского скакуна, при том, однако, условии, что он ничего не заметит.

Никогда еще мальчишка не спал так крепко. Я сначала наполнил руки его белоснежной грудью, затем прильнул к нему поцелуем и, наконец, слил все желания в одно. С раннего утра засел он в спальне, нетерпеливо ожидая обещанного. Но сам понимаешь, купить голубок или петухов куда легче, чем коня; да и побаивался я, как бы из-за столь крупного подарка не показалась щедрость моя подозрительной. Поэтому, проходив несколько часов, я вернулся домой и взамен подарка поцеловал мальчика. Но он, оглядевшись по сторонам, обвил мою шею руками и осведомился:

- Учитель, а где же скакун?

[LXXXVII] Cum ob hanc offensam praeclusissem mihi aditum quem feceram, <mox tamen> iterum ad licentiam redii. Interpositis enim paucis

LXXXVII. Хотя этой обидой я заградил себе проторенный путь, однако скоро вернулся к прежним вольностям. Спустя несколько дней,

diebus, cum similis casus nos in eandem fortunam rettulisset, ut intellexi stertere patrem, rogare coepi ephebum ut reverteretur in gratiam mecum, id est ut pateretur satis fieri sibi, et cetera quae libido distenta dictat. At ille plane iratus nihil aliud dicebat nisi hoc: "Aut dormi, aut ego iam dicam patri". Nihil est tam arduum, quod non improbitas extorqueat. Dum dicit: "Patrem excitabo ", irrepsi tamen et male repugnanti gaudium extorsi. At ille non indelectatus nequitia mea, postquam diu questus est deceptum se et derisum traductumque inter condiscipulos, quibus iactasset censum meum: "Videris tamen, inquit, non ero tui similis. Si quid vis, fac iterum". Ego vero deposita omni offensa cum puero in gratiam redii, ususque beneficio eius in somnum delapsus sum. Sed non fuit contentus iteratione ephebus plenae maturitatis et annis ad patiendum gestientibus. Itaque excitavit me sopitum et: "Numquid vis?" inquit. Et non plane iam molestum erat munus. Vtcunque igitur inter anhelitus sudoresque tritus, quod voluerat accepit, rursusque in somnum decidi gaudio lassus. Interposita minus hora pungere me manu coepit et dicere: "Quare non facimus?" Tum ego toties excitatus plane vehementer excandui et reddidi illi voces suas: "Aut dormi, aut ego iam patri dicam". <. . .>

попав снова в обстоятельства благоприятные и убедившись, что родитель храпит, я стал уговаривать отрока смилостивиться надо мной, то есть позволить мне доставить ему удовольствие, словом, все, что может сказать долго сдерживаемая страсть. Но он, рассердившись всерьез, твердил все время: "Спи, или я скажу отцу".

Но нет трудности, которой не превозмогло бы нахальство! Пока он повторял: "Разбужу отца", - я подполз к нему и при очень слабом сопротивлении добился успеха. Он же, далеко не раздосадованный моей проделкой, принялся жаловаться: и обманул-то я его, и насмеялся, и выставил на посмешище товарищам, перед которыми он хвастался моим богатством.

- Но ты увидишь, - заключил он, - я совсем на тебя не похож. Если ты чего-нибудь хочешь, то можешь повторить.

Итак, я, забыв все обиды, помирился с мальчиком и, воспользовавшись его благосклонностью, погрузился в сон. Но отрок, бывший как раз в страдательном возрасте, не удовлетворился простым повторением. Потому он разбудил меня вопросом: "Хочешь еще?" Этот труд еще не был мне в тягость. Когда же он, при сильном с моей стороны охании и великом потении, получил желаемое, я, изнемогши от наслаждения, снова заснул. Менее чем через час он принялся меня тормошить, спрашивая:

- Почему мы больше ничего не делаем?

Тут я, в самом деле обозлившись на то, что он все меня будит, ответил ему его же словами:

- Спи, или я скажу отцу!

[LXXXVIII] Erectus his sermonibus consulere prudentiorem coepi <atque ab eo> aetates tabularum et quaedam argumenta mihi obscura simulque causam desidiae praesentis excutere, cum pulcherrimae artes perissent, inter quas pictura ne minimum sui vestigium reliquisset. Tum ille: "Pecuniae, inquit, cupiditas haec tropica instituit. Priscis enim temporibus, cum adhuc nuda virtus placeret, vigebant artes ingenuae summumque certamen inter homines erat, ne quid profuturum saeculis diu lateret. Itaque herbarum omnium sucos Democritus expressit, et ne lapidum virgultorumque vis lateret, aetatem inter experimenta consumpsit Eudoxos quidem in cacumine excelsissimi montis consenuit ut astrorum caelique motus deprehenderet, et Chrysippus, ut ad inventionem

LXXXVIII. Ободренный этими рассказами, я стал расспрашивать старика, как человека довольно сведущего, о времени написания некоторых картин, о темных для меня сюжетах, о причинах нынешнего упадка, сведшего на нет искусство, - особенно живопись, исчезнувшую бесследно.

- Алчность к деньгам все изменила, - сказал он. - прежние времена, когда царствовала нагая добродетель, цвели благородные искусства, и люди соревновались друг с другом, чтобы ничто полезное не осталось скрытым от будущих поколений. Демокрит, этот второй Геркулес, выжимал соки разных трав и всю жизнь свою провозился с камнями да растениями, силясь открыть их живительную силу. Эвдокс состарился на

sufficeret, ter elleboro animum detersit. Verum ut ad plastas convertar, Lysippum statuae unius lineamentis inhaerentem inopia extinxit, et Myron, qui paene animas hominum ferarumque aere comprehenderat, non invenit heredem. At nos vino scortisque demersi ne paratas quidem artes audemus cognoscere, sed accusatores antiquitatis vitia tantum docemus et discimus. Vbi est dialectica? ubi astronomia? ubi sapientiae cultissima via? Quis unquam venit in templum et votum fecit, si ad eloquentiam pervenisset? quis, si philosophiae fontem attigisset? Ac ne bonam quidem mentem aut bonam valitudinem petunt, sed statim antequam limen Capitolii tangant, alius donum promittit, si propinquum divitem extulerit, alius, si thesaurum effoderit, alius, si ad trecenties sestertium salvus pervenerit. Ipse senatus, recti bonique praeceptor, mille pondo auri Capitolio promittere solet, et ne quis dubitet pecuniam concupiscere, Iovem quoque peculio exorat. Noli ergo mirari, si pictura defecit, cum omnibus dis hominibusque formosior videatur massa auri, quam quicquid Apelles Phidiasque, Graeculi delirantes, fecerunt.

[LXXXIX] Sed video te totum in illa haerere tabula, quae Troiae halosin ostendit. Itaque conabor opus versibus pandere:

Iam decuma maestos inter ancipites metus
Phrygas obsidebat messis, et vatis fides
Calchantis atro dubia pendebat metu,
cum Delio profante caesi vertices
Idae trahuntur, scissaque in molem cadunt
robora, minacem quae figurarent equum.
Aperitur ingens antrum et obducti specus,
qui castra caperent. Huc decenni proelio
irata virtus abditur, stipant graves
recessus Danai et in voto latent.
O patria, pulsas mille credidimus rates
solumque bello liberum: hoc titulus fero
incisus, hoc ad fata compositus Sinon
firmabat et mendacium in damnum potens.
Iam turba portis libera ac bello carens
in vota properat. Fletibus manant genae,
mentisque pavidae gaudium lacrimas habet.
Quas metus abegit. Namque Neptuno sacer
crinem solutus omne Laocoon replet

горной вершине, следя за движением светил; Хрисипп трижды очищал чемерицей душу, дабы подвигнуть ее к новым исканиям. Лисипп умер от голода, не будучи в состоянии оторваться от работы над отделкой одной статуи. А Мирон, скульптор столь великий, что, кажется, он мог в меди запечатлеть души людей и животных, не оставил наследников. Мы же, погрязшие в вине и разврате, не можем даже завещанного предками искусства изучить; нападая на старину, мы учимся и учим только пороку. де Гдиалектика? Где астрономия? Где вернейшая дорога к мудрости? Кто, спрашиваю я, ныне идет в храм и молится о постижении высот красноречия и глубин философии? Теперь даже о здоровье не молятся; зато, только ступив на порог Капитолия, один обещает жертву, если похоронит богатого родственника, другой - если выкопает клад, третий - если ему удастся при жизни сколотить тридцать миллионов. Даже учитель добродетели и справедливости, Сенат, обыкновенно обещает Юпитеру Капитолийскому тысячу фунтов золота; и чтобы никто не гнушался корыстолюбием, он даже самого Юпитера умилостивляет деньгами. Не удивляйся упадку живописи: людям ныне груды золота приятнее творений какого-нибудь сумасшедшего грека - Апеллеса или Фидия.

LXXXIX. Но я вижу, ты уставился на картину, где изображено падение Трои - поэтому попробую стихами рассказать тебе, в чем дело.

(ВЗЯТИЕ ТРОИ)

Уже фригийцы жатву видят десятую
В осаде, в жутком страхе; и колеблется
Доверье эллинов к Калханту вещему.
Но вот влекут по слову бога Делийского
Деревья с Иды. от под секирой падают
Стволы, из коих строят коня зловещего.
Разверзлись недра, вскрыт потайной ковчег коня,
Чтоб в нем укрыть отряд мужей, разгневанных
Десятилетней бойней. Скрылись мрачные
В свой дар данайцы и затаили месть.
О родина! мнилось, прогнан тысячный флот врагов,
Земля от войн свободна. се нам твердит о том:
И надпись на коне, и лукавый лжец Синон,
И собственный наш разум мчит нас к гибели.

clamore vulgus. Mox reducta cuspide uterum notavit, fata sed tardant manus, ictusque resilit et dolis addit fidem. Iterum tamen confirmat invalidam manum altaque bipenni latera pertemptat. Fremit captiva pubes intus, et dum murmurat, roborea moles spirat alieno metu. Ibat iuventus capta, dum Troiam capit, bellumque totum fraude ducebat nova. Ecce alia monstra: celsa qua Tenedos mare dorso replevit, tumida consurgunt freta undaque resultat scissa tranquillo minor, qualis silenti nocte remorum sonus longe refertur, cum premunt classes mare pulsumque marmor abiete imposita gemit. Respicimus: angues orbibus geminis ferunt ad saxa fluctus, tumida quorum pectora rates ut altae lateribus spumas agunt. Dat cauda sonitum, liberae ponto iubae consentiunt luminibus, fulmineum iubar incendit aequor sibilisque undae tremunt. Stupuere mentes. Infulis stabant sacri Phrygioque cultu gemina nati pignora Lauconte. Quos repente tergoribus ligant angues corusci. Parvulas illi manus ad ora referunt, neuter auxilio sibi, uterque fratri; transtulit pietas vices morsque ipsa miseros mutuo perdit metu. Accumulat ecce liberum funus parens, infirmus auxiliator. Invadunt virum iam morte pasti membraque ad terram trahunt. Iacet sacerdos inter aras victima terramque plangit. Sic profanatis sacris peritura Troia perdidit primum deos. Iam plena Phoebe candidum extulerat iubar minora ducens astra radianti face, cum inter sepultos Priamidas nocte et mero Danai relaxant claustra et effundunt viros. Temptant in armis se duces, ceu ubi solet nodo remissus Thessali quadrupes iugi cervicem et altas quatere ad excursum iubas. Gladios retractant, commovent orbes manu bellumque sumunt. Hic graves alius mero obtruncat, et continuat in mortem ultimam somnos; ab aris alius accendit faces contraque Troas invocat Troiae sacra."

[XC] Ex is, qui in porticibus spatiabantur, lapides in Eumolpum recitantem miserunt. At ille, qui plausum ingenii sui noverat, operuit caput extraque templum profugit. Timui ego, ne me poetam vocaret. Itaque subsecutus fugientem ad litus perveni, et ut primum extra teli coniectum licuit consistere: "Rogo, inquam, quid tibi vis cum

Уже бежит из ворот толпа свободная,
Спешит к молитве; слезы по щекам текут.
Да, слезы рождают радость пугливых душ.
Их прежде страх выжимал... Но вот, растрепав власы,
Нептуна жрец, Лаокоон, возвысил глас,
Крича над всей толпой, и быстро взметнул копье.
Он метит в чрево, но ослабил руку рок,
И дрот отпрянул... Так оправдан был обман.
Вотще вторично он поднимает бессильно длань
И в бок разит секирой двухконечною.
Загудели в чреве юноши сокрытые,
Колосс деревянный дышит страхом недругов...
Везут в коне плененных, что пленят Пергам
И бой закончат новым хитроумием.
Вот снова чудо! де Тенедос из волн морских
Хребет подъемлет, там, кичась, кипят валы
И, раздробившись, вновь назад бросаются, -
Так часто плеск гребцов далеко разносится,
Когда в тиши ночной в волнах корабли плывут
И громко стонет гладь под ударами дерева.
Оглянулись мы: и вот два змея кольчатых
Плывут к скалам, раздувши груди грозные,
Как два струга, боками роют пену волн
И бьют хвостами. море гривы косматые
Огнем, как жар, горят, и молниеносный свет
Зажег валы, от шипа змей дрожащие...
Онемели все... Но вот в священных инфулах,
В фригийском платье оба близнеца стоят,
Лаокоона дети. Змеи блестящие
Обвили их тела, и каждый ручками
Уперся в пасть змеи, не за себя борясь,
А в помощь брату. о взаимной жалости
И в страхе друг за друга смерть застала их.
Спешит скорей отец спасать сыновей своих.
Спаситель слабый! инулись чудовища
И, сытые смертью, старца наземь бросили.
И вот меж алтарей, как жертва, жрец лежит,
Жалея Трою. Так, осквернив алтарь святой,
Обреченный град навек отвратил лицо богов.
Едва Фебея светлый свой явила луч,
Ведя за собою звезды ярким факелом,
Как средь троянских войск, оглушенных вином и сном,
Данайцы вскрыли дверь, и вышли вон бойцы.
Осмотрев оружье, вожди расправляют грудь.
Так часто, разлучась с Фессалийским ярмом, скакун,
Пускаясь в бой, прядет могучей гривою.
Обнажив мечи, трясут щитами круглыми
И в бой бегут. Один опьяненных бьет

isto morbo? Minus quam duabus horis mecum moraris, et saepius poetice quam humane locutus es. Itaque non miror, si te populus lapidibus persequitur. Ego quoque sinum meum saxis onerabo ut, quotiescunque coeperis a te exire, sanguinem tibi a capite mittam". Movit ille vultum et: "O mi, inquit, adulescens, non hodie primum auspicatus sum. Immo quoties theatrum, ut recitarem aliquid, intravi, hac me adventicia excipere frequentia solet. Ceterum ne et tecum quoque habeam rixandum, toto die me ab hoc cibo abstinebo. — Immo, inquam ego, si eiuras hodiernam bilem, una cenabimus."

Mando aedicularum custodi cenulae officium. <. . .>

[XCI] Video Gitona cum linteis et strigilibus parieti applicitum tristem confusumque. Scires non libenter servire. Itaque ut experimentum oculorum caperem. <. . .> Convertit ille solutum gaudio vultum et: "Miserere, inquit, frater. Vbi arma non sunt, libere loquor. Eripe me latroni cruento et qualibet saevitia paenitentiam iudicis tui puni. Satis magnum erit misero solacium tua voluntate cecidisse". Supprimere ego querelam iubeo, ne quis consilia deprehenderet, relictoque Eumolpo — nam in balneo carmen recitabat — per tenebrosum et sordidum egressum extraho Gitona raptimque in hospitium meum pervolo. Praeclusis deinde foribus invado pectus amplexibus, et perfusum os lacrumis vultu meo contero. Diu vocem neuter invenit; nam puer etiam singultibus crebris amabile pectus quassaverat. "O facinus, inquam, indignum, quod amo te quamvis relictus, et in hoc pectore, cum vulnus ingens fuerit, cicatrix non est. Quid dicis,

И превращает в смерть их безмятежный сон,
Другой, зажегши факел о святой алтарь,
Огнем святынь троянских с Троей борется.

XC.

Но тут люди, гуляющие под портиками, принялись швырять камнями в декламирующего Эвмолпа. Он же, привыкший к такого рода поощрению своих талантов, закрыл голову и опрометью бросился из храма. Я испугался, как бы и меня за поэта не приняли, и побежал за ним до самого побережья; как только мы вышли из полосы обстрела, я сказал Эвмолпу:

- Скажи, пожалуйста, что это за болезнь у тебя? Неполных два часа говорил я с тобою, и за это время ты произнес больше поэтических слов, чем человеческих. Неудивительно, что народ преследует тебя камнями. Я, в конце концов, тоже наложу за пазуху булыжников и, если ты опять начнешь неистовствовать, буду пускать тебе кровь из головы.

- Эх, юноша, юноша, - ответил Эвмолп,- точно мне в диковинку подобное обращение: как только я войду в театр для декламации - всегда толпа устраивает мне такую же встречу. Но чтобы не поссориться и с тобою, я на весь сегодняшний день воздержусь от этой пищи.

- Хорошо, если ты клянешься на сегодня удержаться от словоизвержения, то отобедаем вместе...

Я поручаю сторожу моего жилища приготовить скромный обед...

XCI. ... вижу: прислонившись к стенке, с утиральниками и скребницами в руках, стоит Гитон печальный, смущенный. Видно было, что на новой службе удовольствия немного. Стал я к нему присматриваться, а он обернулся и с повеселевшим лицом воскликнул:

- Сжалься, братец. Когда поблизости нет оружия, я говорю от души: отними меня у этого кровожадного разбойника, а за проступок, в котором я искренно каюсь, накажи своего судью, как хочешь. Для меня, несчастного, будет утешением и погибнуть по твоей воле.

Опасаясь, как бы нас не подслушали, я прервал его жалобы. Оставив Эвмолпа - он и в бане не унялся и снова задекламировал, - темным, грязным коридором я вывел Гитона на улицу и поспешил в свою гостиницу. Заперев двери, я крепко обнял его и

peregrini amoris concessio? Dignus hac iniuria fui?" Postquam se amari sensit, supercilium altius sustulit. <. . .>
"Nec amoris arbitrium ad alium iudicem tuli. Sed nihil iam queror, nihil iam memini, si bona fide paenitentiam emendas". Haec cum inter gemitus lacrimasque fudissem, detersit ille pallio vultum et: "Quaeso, inquit, Encolpi, fidem memoriae tuae appello: ego te reliqui, an tu me prodidisti? Equidem fateor et prae me fero: cum duos armatos viderem, ad fortiorem confugi". Exosculatus pectus sapientia plenum inieci cervicibus manus, et ut facile intellegeret redisse me in gratiam et optima fide reviviscentem amicitiam, toto pectore adstrinxi.

поцелуями вытер слезы на его лице. Долго ни один из нас не находил слов: все еще трепетала от рыданий грудь милого мальчика.
- О, преступная слабость! -воскликнул я наконец. Ты меня бросил, а я тебя люблю; в этой груди, где зияла огромная рана, не осталось даже рубца. Что скажешь, потворщик чужой любви? Заслужил ли я такую обиду?
Лицо итана, когда он услыхал, что старая любовь жива во мне, прояснилось...
- Никого, кроме тебя, не назначил я судьей нашей любви! Но я все забуду, перестану жаловаться, если ты действительно, по чистой совести, хочешь загладить свой проступок.
Так, со слезами и стонами, изливал я перед Гитоном свою душу. Он же говорил, вытирая плащом слезы:
- Энколпий, я взываю к твоей памяти: я ли тебя покинул, или ты меня предал? Не отрицаю и признаю, что, видя двух вооруженных, я пошел за сильнейшим.
Тут я, обняв руками его шею, осыпал поцелуями грудь, полную мудрости, и, чтобы он не сомневался в прощении и в искренней дружбе, вспыхнувшей в моем сердце, прильнул к нему всем телом.

[XCII] Et iam plena nox erat mulierque cenae mandata curaverat, cum Eumolpus ostium pulsat. Interrogo ego: "Quot estis?" obiterque per rimam foris speculari diligentissime coepi, num Ascyltos una venisset. Deinde ut solum hospitem vidi, momento recepi. Ille ut se in grabatum reiecit viditque Gitona in conspectu ministrantem, movit caput et: "Laudo, inquit, Ganymedem. Oportet hodie bene sit". Non delectavit me tam curiosum principium, timuique ne in contubernium recepissem Ascylti parem. Instat Eumolpus, et cum puer illi potionem dedisset: "Malo te, inquit, quam balneum totum " siccatoque avide poculo negat sibi unquam acidius fuisse." Nam et dum lavor, ait, paene vapulavi, quia conatus sum circa solium sedentibus carmen recitare; et postquam de balneo tanquam de theatro eiectus sum, circuire omnes angulos coepi et clara voce Encolpion clamitare. Ex altera parte iuvenis nudus, qui vestimenta perdiderat, non minore clamoris indignatione Gitona flagitabat. Et me quidem pueri tanquam insanum imitatione petulantissima deriserunt, illum autem frequentia ingens circumvenit cum plausu et admiratione timidissima. Habebat enim inguinum pondus tam

XCII. Уже совсем стемнело, и хозяйка хлопотала, приготовляя заказанный обед, когда Эвмолп постучался в дверь.
- Сколько вас? - спрашиваю я, а сам внимательно разглядываю в дверную щелку, нет ли с ним Аскилта. Убедившись, что он один, я тотчас же впустил гостя. Он первым долгом разлегся на койке и, осмотрев накрывавшего на стол Гитона, кивнул мне головой и сказал:
- А Ганимед твой недурен. Мы нынче прекрасно устроимся.
Это начало мне не слишком понравилось, и я испугался, не принял ли я в дом второго Аскилта. Когда же Гитон поднес ему выпить, он привстал со словами:
- Во всей бане нет никого, кто был бы мне больше по душе, чем ты.
С жадностью осушив кубок, он начал уверять, что никогда еще не пересыхало у него горло так, как сегодня.
- Ведь меня, - жаловался он,- пока я мылся, чуть не избили только за то, что я вздумал прочесть сидевшим на закраине бассейна одно стихотворение; когда же меня из бани вышибли - совсем как, бывало, из театра,- я

grande, ut ipsum hominem laciniam fascini crederes. O iuvenem laboriosum! puto illum pridie incipere, postero die finire. Itaque statim invenit auxilium; nescio quis enim, eques Romanus, ut aiebant, infamis, sua veste errantem circumdedit ac domum abduxit, credo, ut tam magna fortuna solus uteretur. At ego ne mea quidem vestimenta ab officioso recepissem, nisi notorem dedissem. Tanto magis expedit inguina quam ingenia fricare". Haec Eumolpo dicente mutabam ego frequentissime vultum, iniuriis scilicet inimici mei hilaris, commodis tristis. Vtcunque tamen, tanquam non agnoscerem fabulam, tacui et cenae ordinem explicui. <. . .>

принялся рыскать по всем углам, во все горло призывая Энколпия. С другой стороны, какой-то молодой человек, совершенно голый - он, оказывается, потерял платье, - громко и ничуть не менее сердито звал Гитона. Надо мною даже мальчишки издевались, как над помешанным, нахально меня передразнивая; к нему же, наоборот, окружившая его огромная толпа относилась одобрительно и с почтительным изумлением. Ибо он обладал оружием такой величины, что сам человек казался привешенным к этому амулету. О, юноша работоспособный! Думаю, сегодня начнет, послезавтра кончит. А посему и за помощью дело не стало: живо отыскался какой-то римский всадник, как говорили, лишенный чести; завернув юношу в свой плащ, он повел его домой, видно, чтобы одному воспользоваться такой находкой. А я и своей бы одежи не получил от гардеробщика, не приведи я свидетеля. Настолько выгоднее упражнять уд, чем ум.

Во время рассказа Эвмолпа я поминутно менялся в лице: при злоключениях нашего врага я смеялся, при удачах печалился. Тем не менее я молчал, как будто вся эта история меня не касалась, и стал перечислять кушанья нашего обеда. ...

[XCIII] "Vile est, quod licet, et animus errore lentus iniurias diligit.
Ales Phasiacis petita Colchis
atque Afrae volucres placent palato,
quod non sunt faciles: at albus anser
et pictis anas renovata pennis
plebeium sapit. Vltimis ab oris
attractus scarus atque arata Syrtis
si quid naufragio dedit, probatur:
mulus iam gravis est. Amica vincit
uxorem. Rosa cinnamum veretur.
Quicquid quaeritur, optimum videtur."

— Hoc est, inquam, quod promiseras, ne quem hodie versum faceres? Per fidem, saltem nobis parce, qui te nunquam lapidavimus. Nam si aliquis ex is, qui in eodem synoecio potant, nomen poetae olfecerit, totam concitabit viciniam et nos omnes sub eadem causa obruet. Miserere et aut pinacothecam aut balneum cogita." Sic me loquentem obiurgavit Giton, mitissimus puer, et negavit recte facere, quod seniori conviciarer simulque oblitus officii mensam, quam humanitate posuissem, contumelia tollerem, multaque alia moderationis verecundiaeque verba, quae formam eius egregie decebant. <. .

XCIII. Все позволенное - противно, и вялые, заблудшие души стремятся к необычному.
Не люблю доходить до цели сразу,
Не мила мне победа без препятствий
Африканская дичь мне нежит небо,
Птиц люблю я из стран фасийских колхов,
Ибо редки они. А гусь наш белый
Или улитка с крылами расписными
Пахнут чернью. Клювыш за то нам дорог,
Что, пока привезут его с чужбины,
Возле Сиртов немало судов потонет.
А барвена претит. Милей подружка
Нам жены. Киннамон ценнее розы.
То, что стоит трудов,- всего прекрасней.

- Так вот как, - говорю, - ты обещал сегодня не стихоплетствовать? Сжалься, пощади нас, - мы никогда не побивали тебя камнями. едь если кто-нибудь из тех, что пьют тут же в гостинице, пронюхает, что тут поэт, он всех соседей взбудоражит, и всех нас заодно вздуют. Сжалься! Вспомни о пинакотеке или о банях.

Но Гитон, нежнейший из отроков, стал порицать мою речь, говоря, что я дурно поступаю, обижая старшего, и, забыв долг

.>

[XCIV] EVMOLPVS AD GITONEM. "O felicem, inquit, matrem tuam, quae te talem peperit: macte virtute esto. Raram fecit mixturam cum sapientia forma. Itaque ne putes te tot verba perdidisse, amatorem invenisti. Ego laudes tuas carminibus implebo. Ego paedagogus et custos, etiam quo non iusseris, sequar. Nec iniuriam Encolpius accipit: alium amat." Profuit etiam Eumolpo miles ille, qui mihi abstulit gladium; alioquin quem animum adversus Ascylton sumpseram, eum in Eumolpi sanguinem exercuissem. Nec fefellit hoc Gitona. Itaque extra cellam processit, tanquam aquam peteret, iramque meam prudenti absentia extinxit. Paululum ergo intepescente saevitia: "Eumolpe, inquam, iam malo vel carminibus loquaris, quam eiusmodi tibi vota proponas. Et ego iracundus sum, et tu libidinosus: vide, quam non conveniat his moribus. Puta igitur me furiosum esse, cede insaniae, id est, ocius foras exi". Confusus hac denuntiatione Eumolpus non quaesiit iracundiae causam, sed continuo limen egressus adduxit repente ostium cellae, meque nihil tale expectantem inclusit, exemitque raptim clavem et ad Gitona investigandum cucurrit.

Inclusus ego suspendio vitam finire constitui. Et iam semicinctium stanti ad parietem spondae iunxeram cervicesque nodo condebam, cum reseratis foribus intrat Eumolpus cum Gitone meque a fatali iam meta revocat ad lucem. Giton praecipue ex dolore in rabiem efferatus tollit clamorem, me utraque manu impulsum praecipitat super lectum: "Erras, inquit, Encolpi, si putas contingere posse, ut ante moriaris. Prior coepi; in Ascylti hospitio gladium quaesivi. Ego si te non invenissem, periturus per praecipitia fui. Et ut scias non longe esse quaerentibus mortem, specta invicem quod me spectare voluisti". Haec locutus mercennario Eumolpi novaculam rapit, et semel iterumque cervice percussa ante pedes collabitur nostros. Exclamo ego attonitus, secutusque labentem codem ferramento ad mortem viam quaero. Sed neque Giton ulla erat suspicione vulneris laesus, neque ego ullum sentiebam dolorem. Rudis enim novacula et in hoc retusa, ut pueris discentibus audaciam tonsoris daret, instruxerat thecam. Ideoque nec mercennarius ad raptum ferramentum expaverat,

хозяина, бранью как бы уничтожаю любезно предложенное угощение. Он прибавил еще много учтивых и благовоспитанных слов, которые весьма шли к его прекрасной наружности.

XCIV. - О, - воскликнул Эвмолп, - о, как счастлива мать, родившая тебя таким! Молодец! Редко сочетается мудрость с красотою. Не думай, что ты даром тратил слова: поклонника горячего обрел ты. Я возглашу хвалу тебе в песнях. Как учитель и хранитель, пойду я за тобою всюду, даже туда, куда ты не велишь ходить: этим я не обижу Энколпия: он любит другого.

Хорошо послужил и Эвмолпу тот солдат, что отнял у меня меч, а то бы я его кровью залил кипевший в душе моей гнев против Аскилта. И Гитон это заметил. Под предлогом, что идет за водой, он покинул комнату и своевременным уходом смягчил мой гнев.

- Эвмолп,- сказал я, поутихнув немного, - лучше уж ты стихами говори, чем выражать такие желания. Я вспыльчив, а ты похотлив. Ты видишь, что мы не сходимся характерами. Ты меня за сумасшедшего принимаешь? Так уступи безумию, иными словами, проваливай немедленно.

Пораженный этим заявлением, Эвмолп даже не спросил о причинах моего гнева, но поспешно выбежал из комнаты, запер меня, ничего подобного не ожидавшего, в моей комнате и, забрав с собой ключ, ринулся на поиски Гитона. Сидя взаперти, я решил повеситься; и уже поставил кровать стоймя около стены, уже всунул голову в петлю, как вдруг двери распахнулись, и в комнату вошли Гитон с Эвмолпом. Они вернули меня к жизни, не допустив до рокового шага. И Гитон, немедленно перейдя от огорчения к гневу, поднял крик и, толкнув меня обеими руками, повалил на кровать.

- Ты ошибся, Энколпий, - вопил он, - полагая, что раньше меня можешь умереть. Я первый, еще в доме Аскилта, искал меча. Не найди я тебя, давно бы был я на дне пропасти: сам знаешь, недалека смерть от ищущих ее. Гляди же на то, чем хотел заставить меня любоваться.

С этими словами он выхватил из чехла у Эвмолпова слуги бритву и, дважды полоснув себя по шее, пал к нашим ногам. Я взвизгнул и, грохнувшись вслед за ним, тем же орудием пытался кончить жизнь. Но ни я боли не

nec Eumolpus interpellaverat mimicam mortem.

ощутил, ни у Гитона никакой раны не оказалось. Бритва была не выправлена и нарочно притуплена, чтобы приучать к смелости подмастерий цирюльника и набить им руку. Поэтому и слуга не испугался, когда у него выхватили бритву, и Эвмолп не остановил театрального самоубийства.

[XCV] Dum haec fabula inter amantes luditur, deversitor cum parte cenulae intervenit, contemplatusque foedissimam volutationem iacentium: "Rogo, inquit, ebrii estis, an fugitivi, an utrumque? Quis autem grabatum illum erexit, aut quid sibi vult tam furtiva molitio? Vos mehercules ne mercedem cellae daretis, fugere nocte in publicum voluistis. Sed non impune. Iam enim faxo sciatis non viduae hanc insulam esse sed Marci Mannicii". Exclamat Eumolpus: "Etiam minaris?"; simulque os hominis palma excussissima pulsat. Ille tot hospitum potionibus liber urceolum fictilem in Eumolpi caput iaculatus est, soluitque clamantis frontem, et de cella se proripuit, Eumolpus contumeliae impatiens rapit ligneum candelabrum, sequiturque abeuntem, et creberrimis ictibus supercilium suum vindicat. Fit concursus familiae hospitumque ebriorum frequentia. Ego autem nactus occasionem vindictae Eumolpum excludo, redditaque scordalo vice sine aemulo scilicet et cella utor et nocte.

Interim coctores insulariique mulcant exclusum, et alius veru extis stridentibus plenum in oculos eius intentat, alius furca de carnario rapta statum proeliantis componit. Anus praecipue lippa, sordidissimo praecincta linteo, soleis ligneis imparibus imposita, canem ingentis magnitudinis catena trahit instigatque in Eumolpon. Sed ille candelabro se ab omni periculo vindicabat.

XCV. Пока между влюбленными разыгрывалась эта комедия, в комнату вошел хозяин с предложением обеда и, увидев все это безобразие и людей, катающихся по полу, вскричал:

- Что вы - пьяны? Или беглые рабы? Или и то и другое? Кто кровать столбом поставил? И зачем эти тайные приготовления? Ей-богу, вы за комнату платить не хотите и ночью удрать собираетесь! Но это вам даром не пройдет. Узнаете вы, что этот дом не сирой вдовице принадлежит, а Марку Манницию.

- Ты - угрожать?! - гаркнул на него Эвмолп и закатил ему основательную оплеуху. Хозяин, изрядно насосавшийся со своими гостями, запустил в голову Эвмолпа глиняным горшком, раскроил ему лоб и стремглав пустился наутек. Эвмолп, не снеся оскорбления, схватил деревянный подсвечник и помчался вслед за ним, частыми ударами мстя за поруганную честь. Дабы и множество пьяных гостей выбежали на шум.

Я же, воспользовавшись случаем отомстить Эвмолпу, обратно его не пустил и, расплатившись с буяном тою же монетой, без всякой помехи собрался воспользоваться комнатой и ночью. Между тем поварята и всякая челядь наседают на поэта: один норовит ткнуть ему в глаза вертелом с горячими потрохами; другой, схватив кухонную рогатку, стал в боевую готовность; в особенности какая-то старуха, с гноящимися глазами, в непарных деревянных сандалиях, подпоясанная грязнейшим холстяным платком, притащив огромную цепную собаку, науськивала ее на Эвмолпа. Но тот своим подсвечником отражал все опасности.

[XCVI] Videbamus nos omnia per foramen valvae, quod paulo ante ansa ostioli rupta laxaverat, favebamque ego vapulanti. Giton autem non oblitus misericordiae suae reserandum esse ostium succurrendumque periclitanti censebat. Ego durante adhuc iracundia non continui manum, sed caput miserantis stricto acutoque articulo percussi. Et ille quidem flens consedit in lecto. Ego autem

XCVI. Мы видели всю эту суматоху сквозь дырку в двери, только что пробитую самим Эвмолпом: убегая из комнаты, он выломал ручку. Мне было приятно смотреть, как его бьют, Гитон же, по обычной своей доброте, все порывался распахнуть двери и броситься на помощь гибнувшему. Гнев мой еще не утих, я не мог сдержать руки и дал сострадательному мальчику крепкого щелчка

alternos opponebam foramini oculos iniuriaque Eumolpi velut quodam cibo me replebam advocationemque commendabam, cum procurator insulae Bargates a cena excitatus a duobus lecticariis mediam rixam perfertur; nam erat etiam pedibus aeger. Is ut rabiosa barbaraque voce in ebrios fugitivosque diu peroravit, respiciens ad Eumolpon: "O poetarum, inquit, disertissime, tu eras? Et non discedunt ocius nequissimi servi manusque continent a rixa?" <. . .>

BARGATES PROCVRATOR AD EVMOLPVM: "Contubernalis mea mihi fastum facit. Ita, si me amas, maledic illam versibus, ut habeat pudorem".

[XCVII] Dum Eumolpus cum Bargate in secreto loquitur, intrat stabulum praeco cum servo publico aliaque sane modica frequentia; facemque tumosam magis quam lucidam quassans haec proclamavit: "Puer in balneo paulo ante aberravit, annorum circa XVI, crispus, mollis, formosus, nomine Giton. Si quis eum reddere aut commonstrare voluerit, accipiet nummos mille". Nec longe a praecone Ascyltos stabat amictus discoloria veste, atque in lance argentea indicium et fidem praeferebat. Imperavi Gitoni ut raptim grabatum subiret annecteretque pedes et manus institis, quibus sponda culcitam ferebat, ac sic ut olim Vlixes pro arieti adhaesisset, extentus infra grabatum scrutantium eluderet manus. Non est moratus Giton imperium, momentoque temporis inseruit vinculo manus et Vlixem astu simillimo vicit. Ego ne suspicioni relinquerem locum, lectulum vestimentis implevi uniusque hominis vestigium ad corporis mei mensuram figuravi.

Interim Ascyltos ut pererravit omnes cum viatore cellas, venit ad meam, et hoc quidem pleniorem spem concepit, quo diligentius oppessulatas invenit fores. Publicus vero servus insertans commissuris secures claustrorum firmitatem laxavit. Ego ad genua Ascylti procubui, et per memoriam amicitiae perque societatem miseriarum petii, ut saltem ostenderet fratrem. Immo ut fidem haberent fictae preces: "Scio te, inquam, Ascylte, ad occidendum me venisse. Quo enim secures attulisti? Itaque satia iracundiam tuam: praebeo ecce cervicem, funde sanguinem, quem sub praetextu quaestionis petisti". Amolitur Ascyltos invidiam et se vero

в голову. Он заплакал от боли и присел на постель. Я же то одним, то другим глазом подглядывал в дырочку и от души наслаждался бедствиями Эвмолпа, словно самым вкусным лакомством. Но тут в самую свалку врезались носилки, несомые двумя рабами; в них возлежал домоправитель аргат, которого шум потасовки поднял из-за стола. Ходить он не мог, ибо болел ногами. Долго и сердито ругал он бродяг и пьяниц, как вдруг, заметив Эвмолпа, вскричал:

- Ты ли это, превосходнейший поэт? И не рассеялись в мгновение ока пред тобою эти скверные рабы? И они посмели поднять на тебя руки?..

- Сожительница моя что-то нос задирать стала. Поэтому, если любишь меня, отделай ее в стихах, чтоб она устыдилась...

XCVII. Пока Эвмолп перешептывался с Баргатом, в трактир вошел глашатай в сопровождении общественного служителя и изрядной толпы любопытных. азмахивая более дымящим, чем светящим факелом, он возгласил:

- Недавно сбежал из бань мальчик, 16 лет, кудрявый, нежный, красивый, по имени Гитон. Тысяча нуммов тому, кто вернет его или укажет его местопребывание.

Тут же, рядом с глашатаем, стоял Аскилт в пестрой одежде, держа в руках серебряное блюдо с обещанной наградой и правительственным актом. Я приказал Гитону живо залезть под кровать и уцепиться руками и ногами за ременную сетку кровати, на которой держался тюфяк, и так, вытянувшись под тюфяком, спасаться от рук сыщиков, как некогда спасался Улисс, вися под брюхом барана. Не медля, Гитон повиновался и так умело повис на матрасе, что и Улисса за пояс заткнул. Я же, чтоб устранить всякое подозрение, набросал на кровать одежду, придав ей такой вид, будто на ней сейчас валялся человек моего роста. Между тем Аскилт, осмотрев вместе с общественным служителем все комнаты, подошел и к моей и тут преисполнился надеждами, тем более что нашел дверь тщательно запертой. Общественный служитель, всунув в щелку топор, живо сломал замок. Я упал к ногам Аскилта, заклиная его старой дружбой, памятью былых, вместе пережитых страданий, еще хоть раз показать мне братца.

- Я знаю, Аскилт,- восклицал я, желая сделать

nihil aliud quam fugitivum suum dicit quaerere, mortem nec hominis concupisse nec supplicis, utique eius quem post fatalem rixam habuit carissimum.

[XCVIII] At non servus publicus tam languide agit, sed raptam cauponi harundinem subter lectum mittit, omniaque etiam foramina parietum scrutatur. Subducebat Giton ab ictu corpus, et reducto timidissime spiritu ipsos sciniphes ore tangebat. <. . .>

Eumolpus autem, quia effractum ostium cellae neminem poterat excludere, irrumpit perturbatus et: "Mille, inquit, nummos inveni; iam enim persequar abeuntem praeconem, et in potestate tua esse Gitonem meritissima proditione monstrabo". Genua ego perseverantis amplector, ne morientes vellet occidere, et: "Merito, inquam, excandesceres si posses proditum ostendere. Nunc inter turbam puer fugit, nec quo abierit suspicari possum. Per fidem, Eumolpe, reduc puerum et vel Ascylto redde". Dum haec ego iam credenti persuadeo, Giton collectione spiritus plenus ter continuo ita sternutavit, ut grabatum concuteret. Ad quem motum Eumolpus conversus salvere Gitona iubet. Remota etiam culcita videt Vlixem, cui vel esuriens Cyclops potuisset parcere. Mox conversus ad me: "Quid est, inquit, latro? Ne deprehensus quidem ausus es mihi verum dicere. Immo ni deus quidam humanarum rerum arbiter pendenti puero excussisset indicium, elusus circa popinas errarem."

Giton longe blandior quam ego, primum araneis oleo madentibus vulnus, quod in supercilio factum erat, coartavit. Mox palliolo suo laceratam mutavit vestem, amplexusque iam mitigatum, osculis tanquam fomentis aggressus est et: "In tua, inquit, pater carissime, in tua sumus custodia. Si Gitona tuum amas, incipe velle servare. Vtinam me solum inimicus ignis hauriret aut hibernum invaderet mare. Ego enim omnium scelerum materia, ego causa sum. Si perirem, conveniret inimicis." <. . .>

более правдивыми мои притворные мольбы, - я знаю, ты убить меня пришел: иначе зачем тебе топоры? Насыть же гнев свой; на, руби мою шею, пролей кровь, за которой ты явился под предлогом иска.

Аскилт смягчился. Он сказал, что ищет лишь беглеца; он не хочет смерти молящего, тем более, что человек этот ему, несмотря на размолвку, все-таки дорог.

XCVIII. Общественный же служитель тем временем не дремал, но, вырвав из рук трактирщика длинную трость, сунул ее под кровать и стал обыскивать каждую дырочку в стене. Затаив дыхание, Гитон, чтобы спастись от ударов, так крепко прижался к тюфяку, что лицом касался постельных клопов...

В комнату ворвался Эвмолп, которого теперь не удерживали сломанные двери.

- Мои! - завопил он в сильном возбуждении. - Моя тысяча нуммов: догоню сейчас глашатая, заявлю, что Гитон у тебя и предам тебя, как ты того заслуживаешь.

Я упал на колени перед непреклонным, умоляя не добивать умирающего.

- У тебя были бы основания так горячиться, - говорил я, - если бы ты мог указать выданного тобою. суматохе мальчик сбежал, не могу даже представить куда. Умоляю, Эвмолп, найди мальчика и возврати хотя бы Аскилту.

Пока я убеждал уже начинавшего верить Эвмолпа, Гитон, не будучи в состоянии дольше сдерживаться, трижды подряд, чихнул так, что кровать затряслась. Эвмолп, оглянувшись на шум, пожелал Гитону долго здравствовать. Подняв матрас, он увидел нашего Улисса, которого и голодный Циклоп пощадил бы.

- Это что такое, разбойник? - спросил он. - Пойманный с поличным, ты еще смеешь врать? Ведь если бы некий бог, указующий пути человеческие, не заставил висящего мальчика подать мне знак, я бы сейчас метался по всем трактирам, ища его...

Гитон, куда более ласковый, чем я, первым делом приложил к его рассеченному лбу намасленной паутины; затем, взяв себе его изодранное платье, одел Эвмолпf своим плащом, обнял его и, когда тот размяк, стал ублажать его поцелуями.

- Под твое, дорогой отец,- говорил он,- под твое покровительство мы отдаем себя. Если ты любишь твоего Гитона, спаси его. Меня

пусть сожжет злой огонь! Меня пусть поглотит бурное море! Я причина, я источник всех злодеяний! Погибну я, и враги помирятся...

[XCIX] EVMOLPVS: "Ego sic semper et ubique vixi, ut ultimam quamque lucem tanquam non redituram consumerem". <. . .>
Profusis ego lacrimis rogo quaesoque, ut mecum quoque redeat in gratiam: neque enim in amantium esse potestate furiosam aemulationem. Daturum tamen operam ne aut dicam aut faciam amplius, quo possit offendi. Tantum omnem scabitudinem animo tanquam bonarum artium magister deleret sine cicatrice." Incultis asperisque regionibus diutius nives haerent, ast ubi aratro domefacta tellus nitet, dum loqueris, levis pruina dilabitur. Similiter in pectoribus ira considit: feras quidem mentes obsidet, eruditas praelabitur. — Vt scias, inquit Eumolpus, verum esse quod dicis, ecce etiam osculo iram finio. Itaque, quod bene eveniat, expedite sarcinulas et vel sequimini me vel, si mavultis, ducite". Adhuc loquebatur, cum crepuit ostium impulsum, stetitque in limine barbis horrentibus nauta et: "Moraris, inquit, Eumolpe, tanquam properandum ignores". Haud mora, omnes consurgimus, et Eumolpus quidem mercennarium suum iam olim dormientem exire cum sarcinis iubet. Ego cum Gitone quicquid erat in alutam compono, et adoratis sideribus intro navigium. <. . .>

XCIX. - Я-то всегда и везде так живу, что стараюсь использовать всякий день, точно это последний день моей жизни...- сказал Эвмолп...
Со слезами просил и умолял я его вернуть мне свое расположение: любящие не властны в ужасном чувстве ревности, но впредь ни словом, ни делом я его не оскорблю. Пусть он, как подобает наставнику в искусстве прекрасного, излечит свою душу от этой язвы так, чтобы и рубца не осталось. Долго лежит снег на необработанных диких местах; но где земля блестит от плуга, он тает скорее инея. Так же и гнев в сердце человеческом: он долго владеет умами дикими, скользит мимо утонченных.
- Знаешь, - сказал Эвмолп,- ты прав. Этим поцелуем я кончаю все ссоры. Вот! Итак, чтобы все пошло гладко, собирайте вещи и идите за мной, или, если угодно, я пойду за вами.
Он еще не кончил, как кто-то громко постучался, и на пороге появился матрос со всклокоченной бородой.
- Чего ты копаешься, Эвмолп,- сказал он, - словно не знаешь, что надо поторапливаться?
Немедля мы встали, и Эвмолп, разбудив своего слугу, приказал ему нести поклажу. Я же, с помощью Гитона, свернул все, что нужно на дорогу, и, помолившись звездам, взошел на корабль...

[C] "Molestum est quod puer hospiti placet. Quid autem? Non commune est, quod natura optimum fecit? Sol omnibus lucet. Luna innumerabilibus comitata sideribus etiam feras ducit ad pabulum. Quid aquis dici formosius potest? In publico tamen manant. Solus ergo amor furtum potius quam praemium erit? Immo vero nolo habere bona, nisi quibus populus inviderit. Vnus, et senex, non erit gravis; etiam cum voluerit aliquid sumere, opus anhelilu prodet". Haec ut intra fiduciam posui fraudavique animum dissidentem, coepi somnum obruto tunicula capite mentiri.
Sed repente quasi destruente fortuna constantiam meam eiusmodi vox supra constratum puppis congemuit: "Ergo me derisit?" Et haec quidem virilis et paene auribus meis familiaris animum palpitantem percussit. Ceterum eadem indignatione mulier lacerata ulterius excanduit et: "Si quis deus manibus

C. "Неприятно, что мальчик приглянулся гостю? Но что же из того? Разве лучшее в природе не есть общее достояние? Солнце всем светит. Луна с бесчисленным сонмом звезд даже зверей выводит на добычу. Что красивее воды? Однако для всех она течет. Почему же только любовь должна быть предметом кражи, а не наградой? Не желаю я благ таких, каким никто завидовать не будет. Притом - один, да еще старый, - совсем не опасен: если он и позволит себе что-нибудь, так из-за одной одышки у него ничего не получится."
Успокоив ревнивую душу такими уверениями и обернув туникой голову, я вздремнул. друг, словно судьба нарочно решила сломить мою стойкость, над навесом кормы чей-то голос проныл:
- Значит, он надо мной насмеялся?

meis, inquit, Gitona imponeret, quam bene exulem exciperem." Vterque nostrum tam inexpectato ictus sono amiserat sanguinem. Ego praecipue quasi somnio quodam turbulento circumactus diu vocem collegi, tremebundisque manibus Eumolpi iam in soporem labentis laciniam duxi, et: "Per fidem, inquam, pater, cuius haec navis est, aut quos vehat, dicere potes?" Inquietatus ille moleste tulit et: "Hoc erat, inquit, quod placuerat tibi, ut super constratum navis occuparemus secretissimum locum, ne nos patereris requiescere? Quid porro ad rem pertinet, si dixero Licham Tarentinum esse dominum huiusce navigii, qui Tryphaenam exulem Tarentum ferat?"

Этот знакомый ушам моим мужской голос заставил меня вздрогнуть. след за тем какая-то не менее возмущенная женщина сказала, кипя негодованием:

- Если какой-нибудь бог предаст итова в мои руки, устрою же я прием этому беглецу.

У нас обоих кровь в жилах застыла от этой неожиданности. Я, словно терзаемый страшным сновидением, долго не мог овладеть голосом. Пересилив себя, дрожащими руками я принялся дергать за полу спящего Эвмолпа.

- Заклинаю тебя честью, отец, можешь ли ты сказать мне, чей это корабль и кто на нем едет?

Недовольный беспокойством, Эвмолп проворчал:

- Затем ли ты заставил нас выбрать самое укромное место на палубе, чтобы не давать нам покоя? Прибавится тебя, что ли, если я скажу, что хозяин корабля - тарентинец Лих, и везет он в Тарент изгнанницу Трифену?

[CI] Intremui post hoc fulmen attonitus, iuguloque detecto: "Aliquando, inquam, totum me, Fortuna, vicisti!". Nam Giton quidem super pectus meum positus diu animam egit. Deinde ut effusus sudor utriusque spiritum revocavit, comprehendi Eumolpi genua et: "Miserere, inquam, morientium et pro consortio studiorum commoda manum; mors venit, quae nisi per te non licet potest esse pro munere". Inundatus hac Eumolpus invidia iurat per deos deasque se neque scire quid acciderit, nec ullum dolum malum consilio adhibuisse, sed mente simplicissima et vera fide in navigium comites induxisse, quo ipse iam pridem fuerit usurus." Quae autem hic insidiae sunt, inquit, aut quis nobiscum Hannibal navigat? Lichas Tarentinus, homo verecundissimus et non tantum huius navigii dominus, quod regit, sed fundorum etiam aliquot et familiae negotiantis, onus deferendum ad mercatum conducit. Hic est Cyclops ille et archipirata, cui vecturam debemus; et praeter hunc Tryphaena, omnium feminarum formosissima, quae voluptatis causa huc atque illuc vectatur. — Hi sunt, inquit Giton, quos fugimus "; simulque raptim causas odiorum et instans periculum trepidanti Eumolpo exponit. Confusus ille et consilii egens iubet quemque suam sententiam promere, et: "Fingite, inquit, nos antrum Cyclopis intrasse. Quaerendum est aliquod effugium, nisi naufragium ponimus et omni nos periculo liberamus. — Immo, inquit

CI. Я затрепетал, как громом пораженный, и, обнажив себе шею, воскликнул:

- Ну, теперь, судьба, ты окончательно добила меня.

А Гитон, лежавший у меня на груди, даже потерял сознание. Но лишь только, сильно пропотев, мы пришли в себя, я обнял колени Эвмолпа и сказал:

- Сжалься над погибающими. Протяни нам руку помощи ради общности твоих и моих желаний. Смерть уже около нас и, если ты не спасешь нас, она будет для нас благодеянием.

Огорошенный тем, что сы боимся чьей-то ненависти, Эвмолп стал клясться богами и богинями, что не имел ни малейшего понятия о случившемся, что не было у него на уме никакого коварного обмана, что без всякой задней мысли и, напротив, с самой чистой совестью взял он нас с собою на это судно, на котором он заранее обеспечил себе место.

- Где же, - говорит, - тут опасность? И что это за Ганнибал такой едет с нами? Уж не скромнейший ли это из людей, Лих-тарентинец, что является хозяином не только этого судна, которым он сейчас правит, но сверх того, еще и нескольких поместий, и торгового дома, и везет он теперь на корабле своем груз, который должен доставить на рынок? Так вот он каков, этот Киклоп и архипират, который нас везет. Кроме него, на корабле находится еще прекраснейшая из

Giton, persuade gubernatori ut in aliquem portum navem deducat, non sine praemio scilicet, et affirma ei impatientem maris fratrem tuum in ultimis esse. Poteris hanc simulationem et vultus confusione et lacrimis obumbrare, ut misericordia permotus gubernator indulgeat tibi". Negavit hoc Eumolpus fieri posse, "quia magna, inquit, navigia portubus se curvatis insinuant, nec tam cito fratrem defecisse veri simile erit. Accedit his, quod forsitan Lichas officii causa visere languentem desiderabit. Vides, quam valde nobis expediat ultro dominum ad fugientes accersere. Sed finge navem ab ingenti posse cursu deflecti, et Licham non utique circuiturum aegrorum cubilia: quomodo possumus egredi nave, ut non conspiciamur a cunctis? opertis capitibus, an nudis? Opertis, et quis non dare manum languentibus volet? Nudis, et quid erit aliud quam se ipsos proscribere?

женщин, Трифена, она ради своего удовольствия ездит по свету.

- Но это как раз те, от кого мы бежим,- возразил Гитон и тут же изложил оторопелому Эвмолпу причину их ненависти и угрожающей нам опасности.

Поэт смутился и, не зная, что бы такое посоветовать, велел каждому изложить свое мнение.

- Представим себе,- добавил он, - что мы попали в пещеру к Киклопу и нам необходимо отыскать какой-нибудь способ из нее выбраться, если только, конечно, мы не предпочтем броситься в море и тем избавиться от всякой опасности.

- Нет, - возразил ему на это Гитон,- ты лучше постарайся убедить кормчего зайти в какой-нибудь порт, за что, разумеется, ему будет заплачено. Скажи ему, что твой брат совсем помирает от морской болезни. А чтобы кормчий из сострадания уступил твоей просьбе, эту выдумку можешь приправить слезами и растерянным выражением лица.

- Это невозможно, - возразил Эвмолп, - большому судну нелегко зайти в порт, да и неправдоподобным может показаться, что брат ослабел так скоро. К тому же возможно, что Лих сочтет своей обязанностью взглянуть на больного. А ты сам знаешь, кстати ли нам будет звать хозяина к беглецам. Но допустим даже, что корабль может свернуть с пути к далекой цели, а Лих не станет обходить койки с больными; каким же образом сойдем мы на берег так, чтобы никто не обратил на нас внимания? С покрытыми головами или с непокрытыми? Если с покрытыми, то кто же не захочет протянуть больному руку? Если с непокрытыми, то не значит ли это - выдать себя с головой?

[CII] — Quin potius, inquam ego, ad temeritatem confugimus, et per funem lapsi descendimus in scapham, praecisoque vinculo reliqua Fortunae committimus? Nec ego in hoc periculum Eumolpon arcesso. Quid enim attinet innocentem alieno periculo imponere? Contentus sum, si nos descendentes adiuverit casus. — Non imprudens, inquit, consilium, Eumolpos, si aditum haberet. Quis enim non euntes notabit? Vtique gubernator, qui pervigil nocte siderum quoque motus custodit. Et utcumque imponi vel dormienti posset, si per aliam partem navis fuga quaereretur: nunc per puppim, per ipsa gubernacula delabendum est, a quorum regione

CII. - А не лучше ли было бы,- воскликнул я,- пойти прямо напролом: спуститься по веревке в шлюпку и, обрезав канат, остальное предоставить судьбе? Тебя, Эвмолп, на этот рискованный шаг я, конечно, не приглашаю. Что за необходимость невинному человеку подвергаться опасности из-за других? Я вполне удовольствуюсь надеждой на какой-нибудь случай, который может нам помочь во время спуска.

- Совет неглупый, - сказал Эвмолп,- если бы только была возможность им воспользоваться. Что же, по-твоему, так никто и не увидит, когда вы будете уходить? Особенно, как

funis descendit, qui scaphae custodiam tenet. Praeterea illud miror, Encolpi, tibi non succurrisse, unum nautam stationis perpetuae interdiu noctuque iacere in scapha, nec posse inde custodem nisi aut caede expelli aut praecipitari viribus. Quod an fieri possit, interrogate audaciam vestram. Nam quod ad meum quidem comitatum attinet, nullum recuso periculum, quod salutis spem ostendit. Nam sine causa spiritum tanquam rem vacuam impendere ne vos quidem existimo velle. Videte, numquid hoc placeat: ego vos in duas iam pelles coniciam vinctosque loris inter vestimenta pro sarcinis habebo, apertis scilicet aliquatenus labris, quibus et spiritum recipere possitis et cibum. Conclamabo deinde nocte servos poenam graviorem timentes praecipitasse se in mare. Deinde cum ventum fuerit in portum, sine ulla suspicione pro sarcinis vos efferam. — Ita vero, inquam ego, tanquam solidos alligaturus, quibus non soleat venter iniuriam facere? an tanquam eos qui sternutare non soleamus nec stertere? An quia hoc genus furti semel <Menelao> feliciter cessit? Sed finge una die vinctos posse durare: quid ergo, si diutius aut tranquillitas nos tenuerit aut adversa tempestas? quid facturi sumus? Vestes quoque diutius vinctas ruga consumit, et chartae alligatae mutant figuram. Iuvenes adhuc laboris expertes statuarum ritu patiemur pannos et vincla? <. . .> Adhuc aliquod iter salutis quaerendum est. Inspicite quod ego inveni. Eumolpus tanquam litterarum studiosus utique atramentum habet. Hoc ergo remedio mutemus colores a capillis usque ad ungues. Ita tanquam servi Aethiopes et praesto tibi erimus
sine tormentorum iniuria hilares, et permutato colore imponemus inimicis. — Quidni? inquit Giton, etiam circumcide nos, ut Iudaei videamur, et pertunde aures, ut imitemur Arabes, et increta facies, ut suos Gallia cives putet: tanquam hic solus color figuram possit pervertere et non multa una oporteat consentiant ratione, <ut> mendacium constet. Puta infectam medicamine faciem diutius durare posse; finge nec aquae asperginem impossituram aliquam corpori maculam, nec vestem atramento adhaesuram, quod frequenter etiam non arcessito ferrumine infigitur: age, numquid et labra possumus tumore taeterrimo implere numquid et crines calamistro convertere? Numquid et frontes cicatricibus scindere? Numquid et crura in orbem pandere? Numquid et talos ad terram deducere? numquid et barbam peregrina ratione figurare?

ускользнете вы от глаз неусыпного кормчего, который всю ночь напролет наблюдает за движением созвездий? Если бы он даже и заснул, вы не могли бы надуть его иначе, как устроив побег с другой стороны судна. А спускаться вам придется как раз через корму, около самого руля, потому что именно там привязан канат, держащий лодку. Кроме того, я удивляюсь, Энколпий, как тебе не пришло в голову, что в лодке постоянно находится матрос, который днем и ночью стережет ее, и что этого караульного удалить оттуда никоим образом невозможно? Его, конечно, можно убить или силою выбросить за борт, - но в состоянии ли вы это сделать, - о том справьтесь у собственной смелости. А что касается до того, буду ли я сопровождать вас или не буду, то нет опасности, которую я отказался бы разделить с вами, если только она дает какую-нибудь надежду на спасение. Я думаю, что и вы не захотите ни с того ни с сего рисковать своей жизнью, словно она ничего не стоит. А вот что вы думаете на этот счет? Я положу вас между всяким платьем в кожаные мешки, свяжу их ремнями, и они будут находиться при мне, как моя поклажа. А чтобы вам можно было свободно дышать и принимать пищу, горловины у мешков придется, конечно, завязать неплотно. Потом я заявлю во всеуслышание, что, испугавшись сурового наказания, рабы мои ночью бросились в море. Когда же мы приедем наконец в гавань, я преспокойно вынесу вас на берег, как кладь, не навлекая на себя никаких подозрений.

- Великолепно! - говорю я. - Ты собираешься запаковать нас, точно мы со всех сторон закупорены, и нам не приходится считаться с желудком, и точно мы не храпим и не чихаем. азве я только что не провалился с подобной же хитростью? Но допустим, что мы даже сможем провести один день, увязанные таким образом. Что же дальше? друг нас дольше чем следует задержит на море штиль или сильная непогода? Что тогда делать? едь даже на одежде, которая долго оставалась запакованной, появляются складки; даже листы пергамента, если их связать вместе, в конце концов покоробятся. Так возможно ли, чтобы мы, юные и совершенно еще непривычные к таким тяготам, могли долго пролежать как истуканы в этой куче разного тряпья, увязанные ремнями? Нет, нужно

Color arte compositus inquinat corpus, non mutat. Audite, quid dementi succurrerit: praeligemus vestibus capita et nos in profundum mergamus.

постараться найти какой-нибудь другой путь к спасению. от лучше рассмотрите-ка то, что я придумал. У Эвмолпа, как у человека, занимающегося литературной деятельностью, непременно должны быть при себе чернила. Этим-то средством мы и воспользуемся: перекрасимся с головы до ног и так, превратившись в эфиопских рабов, будем служить тебе, радуясь, что и пыток несправедливых мы избежали, и фальшивой окраской врагов надули.

- Как бы не так! - сказал Гитон.- Ты, пожалуй, предложишь еще устроить нам обрезание, чтобы сделаться похожими на иудеев; в подражание арабам - проколоть уши, а чтобы и галлы свободно могли принимать нас за своих, мелом натереть себе лица. Точно посредством одной только окраски можно видоизменить до неузнаваемости внешность и нет никакой необходимости согласовать очень многое для того, чтобы обман хоть немного походил на правду. Допустим даже, что краска довольно долго не сойдет с лица, что вода, случайно попав на тело, не будет оставлять на нем никаких пятен, что чернила не перейдут нам на платье, - а они нередко пристают к нему даже и в том случае, когда к ним не прибавлено клею. Прекрасно, но каким образом сделаем мы до безобразия пухлыми свои губы? азве мы сможем щипцами искурчавить себе волосы? Избороздить лбы рубцами? А как искривить нам свои ноги? Удлинить пятки? Откуда взять бороду на чужеземный манер? Искусственная краска пачкает тело, но не меняет его. Послушайте меня. нашем отчаянии нам одно только осталось - замотаем головы в одежды и погрузимся в бездну.

[CIII] — Ne istud dii hominesque patiantur, Eumolpus exclamat, ut vos tam turpi exitu vitam finiatis! Immo potius facite quod iubeo. Mercennarius meus, ut ex novacula comperistis, tonsor est: hic continuo radat utriusque non solum capita, sed etiam supercilia. Sequar ego frontes notans inscriptione sollerti, ut videamini stigmate esse puniti. Ita eaedem litterae et suspicionem declinabunt quaerentium et vultus umbra supplicii tegent."

Non est dilata fallacia, sed ad latus navigii furtim processimus, capitaque cum superciliis denudanda tonsori praebuimus. Implevit Eumolpus frontes utriusque ingentibus litteris, et notum fugitivorum epigramma per totam faciem

CIII. - Ни боги, ни люди не должны допустить, - воскликнул Эвмолп,- чтобы вы кончили жизнь свою так нестыдно. Нет. Лучше уж сделайте так, как я вам прикажу. Слуга мой, как вам известно после происшествия с бритвой, - цирюльник. Так вот, пусть он немедленно же обреет вам обоим не только головы, но и брови. Я же затем сделаю на лбу у каждого из вас по искусной надписи, чтобы вас принимали за клейменых. Эти буквы прикроют ваши лица пятном позорного наказания и отвлекут от вас подозрения ищущих.

Не откладывая дела, мы, крадучись, отошли к одному из корабельных бортов и отдали

liberali manu duxit. Vnus forte ex vectoribus, qui acclinatus lateri navis exonerabat stomachum nausea gravem, notavit sibi ad lunam tonsorem intempestivo inhaerentem ministerio, execratusque omen, quod imitaretur naufragorum ultimum votum, in cubile reiectus est. Nos dissimulata nauseantis devotione ad ordinem tristitiae redimus, silentioque compositi reliquas noctis horas male soporati consumpsimus. <. . .>

головы вместе с бровями во власть цирюльника. Затем Эвмолп громадными буквами украсил нам обоим лбы и щедрой рукой вывел через все лицо общеизвестный знак беглых рабов. Как на грех, один из пассажиров, перегнувшись через корабельный борт, облегчал страдающий от морской болезни желудок. Проклявши наше бритье, как скверное предзнаменование, потому что оно слишком напоминало обычную последнюю жертву при кораблекрушении, он снова повалился на койку. Не обратив внимания на проклятия блюющего, мы снова приняли печальный вид и, соблюдая полную тишину, провели остальные часы этой ночи в тревожном полусне...

[CIV] LICHAS: "Videbatur mihi secundum quietem Priapus dicere: Encolpion quod quaeris, scito a me in navem tuam esse perductum". Exhorruit Tryphaena et: "Putes, inquit, una nos dormisse; nam et mihi simulacrum Neptuni, quod Bais tetrastylo notaveram, videbatur dicere: 'In nave Lichae Gitona invenies'. — Hinc scies, inquit Eumolpus, Epicurum esse hominem divinum, qui eiusmodi ludibria facetissima ratione condemnat".

Ceterum Lichas ut Tryphaenae somnium expiavit: "Quis, inquit, prohibet navigium scrutari, ne videamur divinae mentis opera damnare?" Is qui nocte miserorum furtum deprehenderat, Hesus nomine, subito proclamat: "Ergo illi qui sunt, qui nocte ad lunam radebantur pessimo medius fidius exemplo? Audio enim non licere cuiquam mortalium in nave neque ungues neque capillos deponere, nisi cum pelago ventus irascitur".

CIV. [Лих] - ...Сегодня ночью явился мне во сне Приап и сказал: "Да будет тебе известно, что я привел на твой корабль Энколпия, которого ты ищешь".

Трифена вздрогнула и проговорила:

- Подумать только! Мы с тобой точно одним сном спали. Ведь и мне приснилось, будто явилась ко мне статуя Нептуна, которую я видела в Байях, в галерее, и сказала: "Гитона ты найдешь на корабле у Лиха".

- А знаешь, - заметил на это Эвмолп,- божественный Эпикур осуждает эту чепуху в остроумнейших речах!

Сны, что, подобно теням, порхая, играют умами,
Не посылаются нам божеством ни из храма, ни с неба,
Всякий их сам для себя порождает, покуда на ложе
Члены объемлет покой и ум без помехи резвится,
Ночью дневные дела продолжая. Так, воин, берущий
Город на щит и огнем пепелящий несчастные стогна,
Видит оружье, и ратей разгром, и царей погребенье,
И наводненное кровью пролитою ратное поле.
Тот, кто хлопочет в судах, законом и форумом бредит
И созерцает во сне, содрогаясь, судебное кресло.
Золото прячет скупой и вырытым клад свой находит.
С гончими мчится ловец по лесам, и корабль свой спасает
бурю моряк или сам, утопая, хватает

обломки.
Пишет блудница дружку. Матрона любовь покупает.
Даже собака, во сне, преследует с лаем зайчонка.
Так же во мраке ночей продолжаются муки страдальцев.
Несмотря на это, Лих, по случаю сна Трифены, совершил очистительный обряд и сказал:
- Никто не помешает нам произвести на корабле обыск, чтобы не казалось, будто мы пренебрегаем указаниями божественного промысла.
Вдруг ес, тот самый пассажир, что заметил ночью нашу злосчастную проделку, воскликнул:
- Кто же, это, однако, брился сегодня ночью при лунном свете, подавая, право слово, самый скверный пример? Я не раз слышал, что никому из смертных, если море спокойно, нельзя, находясь на корабле, стричь ни волос, ни ногтей.

[CV] Excanduit Lichas hoc sermone turbatus et: "Itane, inquit, capillos aliquis in nave praecidit, et hoc nocte intempesta? Attrahite ocius nocentes in medium, ut sciam quorum capitibus debeat navigium lustrari. — Ego, inquit Eumolpus, hoc iussi. Nec in eodem futurus navigio auspicium mihi feci, sed quia nocentes horridos longosque habebant capillos, ne viderer de nave carcerem facere, iussi squalorem damnatis auferri; simul ut notae quoque litterarum non adumbratae comarum praesidio totae ad oculos legentium acciderent. Inter cetera apud communem amicam consumpserunt pecuniam meam, a qua illos proxima nocte extraxi mero unguentisque perfusos. Ad summam, adhuc patrimonii mei reliquias olent".
Itaque ut Tutela navis expiaretur, placuit quadragenas utrique plagas imponi. Nulla ergo fit mora: aggrediuntur nos furentes nautae cum funibus, temptantque vilissimo sanguine Tutelam placare. Et ego quidem tres plagas Spartana nobilitate concuxi. Ceterum Giton semel ictus tam valde exclamavit, ut Tryphaenae aures notissima voce repleret. Non solum era turbata est, sed ancillae etiam omnes familiari sono inductae ad vapulantem decurrurrit. Iam Giton mirabili forma exarmaverat nautas coeperatque etiam sine voce saevientes rogare, cum ancillae pariter proclamant: "Giton est, Giton; inhibete crudelissimas manus; Giton est, domina,

CV. Встревоженный этими словами, Лих вспыхнул от гнева и крикнул:
- Неужели кто-нибудь решился снять свои волосы на корабле, да еще глубокой ночью? Немедленно доставить мне сюда виновных! Я хочу знать, чьей кровью придется очистить оскверненное судно.
- Это было сделано по моему приказу, - сказал Эвмолп.- Право, хоть это и зловещая примета, я не хотел подвергать опасности корабль, на котором и сам плыву. Но ведь у этих преступников были очень длинные спутанные волосы, а мне не хотелось, чтобы твой корабль походил на тюрьму, -поэтому и велел осужденным снять с себя всю эту мерзость. месте с тем я имел в виду, чтобы каждому бросались в глаза все их клейма, которые до сих пор под прикрытием косм были недостаточно заметны. Они, между прочим, виноваты в том, что растратили мои деньги у общей подружки, откуда я извлек их прошлой ночью, залитых вином и благовониями. общем, от них и теперь еще пахнет остатками моего состояния...
Но чтобы умилостивить Тутелу корабля, Лих все-таки приказал отсыпать каждому из нас по сорока ударов, что и было сделано немедленно же. К нам с веревками в руках приступили свирепые матросы с намерением ублажить Тутелу нашей презренной кровью.

succurre". Deflectit aures Tryphaena iam sua sponte credentes raptimque ad puerum devolat. Lichas, qui me optime noverat, tanquam et ipse vocem audisset, accurrit et nec manus nec faciem meam consideravit, sed continuo ad inguina mea luminibus deflexis movit officiosam manum, et: "Salve, inquit Encolpi". Miretur nunc aliquis Vlixis nutricem post vicesimum annum cicatricem invenisse originis indicem, cum homo prudentissimus, confusis omnibus corporis orisque lineamentis, ad unicum fugitivi argumentum tam docte pervenerit. Tryphaena lacrimas effudit decepta supplicio — vera enim stigmata credebat captivorum frontibus impressa — sciscitarique summissius coepit quod ergastulum intercepisset errantes, aut cuius iam crudeles manus in hoc supplicium durassent. Meruisse quidem contumeliam aliquam fugitivos, quibus in odium bona sua venissent <. . .>

Что до меня, то первые три удара я переварил с мужеством истинного спартанца. А Гитон, наоборот, после первого же удара издал такой пронзительный крик, что до уха Трифены сразу же донесся хорошо знакомый голос. Этот привычный звук всполошил не только ее, но и всех ее служанок, которые немедленно устремились к наказуемому. Уже Гитон удивительной красотою своею обезоружил жестоких матросов и начал без слов умолять их о пощаде, когда служанки в один голос воскликнули:

- Да это Гитон! Гитон!.. Удержите ваши безжалостные руки!.. Это Гитон! оспожа! На помощь!

Трифена и слушать не стала: она и без того убеждена была в этом и стрелой полетела к мальчику. Лих, великолепно меня знавший, тоже прибежал, будто и он услышал знакомый голос. Он не стал рассматривать ни моих рук, ни лица, но тотчас же направил свои взоры на другое место и, приветливо пожав его, сказал:

- Здравствуй, Энколпий.

Еще некоторые удивляются, что кормилица Улисса через двадцать лет отыскала рубец, указывающий на его происхождение, в то время как этому мудрецу, несмотря на все перемены в чертах моего лица, достаточно было этого единственного указания, чтобы так блестяще определить своего беглого слугу. Тут Трифена, поддавшись обману, залилась горькими слезами; обратив внимание на буквы, она подумала, что лбы наши на самом деле заклеймены. Затем тихим голосом принялась выспрашивать, в какую тюрьму посадили нас за бродяжничество и чьи жестокие руки решились на такое мучительство; впрочем, проявив за все ее добро одну только черную неблагодарность и убежав, мы все же заслужили наказание.

[CVI] Concitatus iracundia prosiliit Lichas, et: "O te, inquit, feminam simplicem, tanquam vulnera ferro praeparata litteras biberint. Vtinam quidem hac se inscriptione frontis maculassent: haberemus nos extremum solacium. Nunc mimicis artibus petiti sumus et adumbrata inscriptione derisi". Volebat Tryphaena misereri, quia non totam voluptatem perdiderat, sed Lichas memor adhuc uxoris corruptae contumeliarumque, quas in Herculis porticu acceperat, turbato vehementius vultu proclamat: "Deos immortales rerum humanarum agere

CVI. Тут Лих выскочил вперед и в сильном гневе воскликнул:

- О, простодушная женщина! Да разве эти буквы выжжены железом? О, если бы чело их на самом деле осквернено было подобными надписями! Каким бы это послужило нам утешением! Теперь же мы стали жертвой шутовской проделки; эти поддельные надписи - насмешка над нами.

Трифене не совсем еще потухла прежняя страсть; поэтому она предлагала сжалиться над нами. Но Лих, памятуя о совращении

curam, puto, intellexisti, o Tryphaena. Nam imprudentes noxios in nostrum induxere navigium, et quid fecissent, admonuerunt pari somniorum consensu. Ita vide ut possit illis ignosci, quos ad poenam ipse deus deduxit. Quod ad me attinet, non sum crudelis, sed vereor ne, quod remisero, patiar." Tam superstitiosa oratione Tryphaena mutata negat se interpellare supplicium, immo accedere etiam iustissimae ultioni. Nec se minus grandi vexatam iniuria quam Licham, cuius pudoris dignitas in contione proscripta sit. <. . .>

жены и оскорблениях, некогда нанесенных ему в портике еркулеса, с еще большим возмущением на лице воскликнул:

- По-моему, ты могла убедиться, Трифена, что бессмертные боги всегда принимают участие в человеческих делах. едь это они привели к нам на корабль ничего не подозревающих преступников, а нас двумя совершенно сходными сновидениями предупредили о том, что сделали. Так вот теперь и смотри сама, хорошо ли будет, если мы простим тех, кого само божество привело сюда для возмездия. Что до меня, то я совсем не жесток, однако боюсь, как бы самому не пришлось претерпеть то, от чего я их избавлю.

Под влиянием столь суеверных слов Трифена переменила мнение и стала утверждать, что она вовсе не против наказания и, напротив, даже настаивает на этом, пожалуй, весьма справедливом, возмездии, так как оскорблена ничуть не менее Лиха, достоинство и честь которого самым постыдным образом осмеяны были на глазах у всех...

[CVII] EVMOLPVS: "Me, ut puto, hominem non ignotum elegerunt ad hoc officium legatum, petieruntque ut se reconciliarem aliquando amicissimis. Nisi forte putatis iuvenes casu in has plagas incidisse, cum omnis vector nihil prius quaerat, quam cuius se diligentiae credat. Flectite ergo mentes satisfactione lenitas, et patimini liberos homines ire sine iniuria quo destinant. Saevi quoque implacabilesque domini crudelitatem suam impediunt, si quando paenitentia fugitivos reduxit, et dediticiis hostibus parcimus. Quid ultra petitis aut quid vultis? In conspectu vestro supplices iacent iuvenes ingenui, honesti, et quod utroque potentius est, familiaritate vobis aliquando coniuncti. Si mehercules intervertissent pecuniam vestram, si fidem proditione laesissent, satiari tamen potuissetis hac poena, quam videtis. Servitia ecce in frontibus cernitis et vultus ingenuos voluntaria poenarum lege proscriptos." Interpellavit deprecationem supplicis Lichas et: "Noli, inquit, causam confundere, sed impone singulis modum. Ac primum omnium, si ultro venerunt, cur nudavere crinibus capita? Vultum enim qui permutat, fraudem parat, non satisfactionem. Deinde, si gratiam a legato moliebantur, quid ita omnia fecisti, ut quos tuebaris absconderes? Ex quo apparet casu incidisse noxios in plagas, et te artem quaesisse qua nostrae animadversionis impetum eluderes.

CVII. [Эвмолп] -...Меня, как человека тебе небезызвестного, они выбрали для переговоров и просили примирить между собою бывших закадычных друзей. Не думаете же вы в самом деле, что эти юноши чисто случайно попали в такую беду; ведь каждый пассажир первым долгом старается узнать, чьему попечению он вверяет свое благополучие. ы же, получив такое удовлетворение, смените гнев на милость и позвольте свободнорожденным людям без недостойных оскорблений ехать к месту назначения. Даже самый безжалостный и неумолимый господин старается обыкновенно сдерживать свою жестокость, если раскаяние приводит обратно беглого раба. едь мы даже врагов щадим, если они сдаются. Чего же вы еще добиваетесь? Чего хотите? от они перед глазами вашими - коленопреклоненные, оба молодые, благородные, незапятнанные и, что важнее всего, некогда вам близкие. Если бы даже они растратили ваши деньги, если бы предательством осквернили ваше доверие, - то и тогда, клянусь еркулесом, вы могли бы удовольствоваться понесенным ими наказанием. от вы видите на лбах у них знаки рабства, видите благородные лица, заклейменные добровольным покаянием.

Тут Лих перебил Эвмолпа среди просьб и ходатайств и сказал:

Nam quod invidiam facis nobis ingenuos honestosque clamando, vide ne deteriorem facias confidentia causam. Quid debent laesi facere, ubi rei ad poenam confugiunt. At enim amici fuerunt nostri: eo maiora meruerunt supplicia; nam qui ignotos laedit, latro appellatur, qui amicos, paulo minus quam parricida." Resolvit Eumolpos tam iniquam declamationem et: "Intellego, inquit, nihil magis obesse iuvenibus miseris, quam quod nocte deposuerunt capillos: hoc argumento incidisse videntur in navem, non venisse. Quod velim tam candide ad aures vestras perveniat, quam simpliciter gestum est. Voluerunt enim, antequam conscenderent, exonerare capita molesto et supervacuo pondere, sed celerior ventus distulit curationis propositum. Nec tamen putaverunt ad rem pertinere, ubi inciperent quod placuerat ut fieret, quia nec omen nec legem navigantium noverant. — Quid, inquit Lichas, attinuit supplices radere? Nisi forte miserabiliores calvi solent esse. Quamquam quid attinet veritatem per interpretem quaerere? Quid dicis tu, latro? Quae salamandra supercilia tua excussit? Cui deo crinem vovisti? Pharmace, responde."

- Ты не вали все в одну кучу, а возьми лучше каждую вещь в отдельности. Прежде всего, если они пришли сюда по своей собственной воле, то зачем же в таком случае обрили себе головы? Кто меняет свой облик, тот готовится обмануть, а не дать удовлетворение. Затем, допустим, что они на самом деле решили добиваться через тебя примирения с нами; почему же ты делал все, чтобы скрыть от нас своих подзащитных? Отсюда следует, что преступники действительно благодаря лишь случаю попали под палку, а ты хитростью пытался провести нашу бдительность. Ты стараешься очернить наше дело, крича, что они свободнорожденные и честные. Но смотри, как бы защита твоя не проиграла от этого заявления. Что же должен делать оскорбленный, когда виновник сам приходит к нему за возмездием?.. Они были нашими друзьями? - Тем большего наказания они заслуживают: оскорбивший незнакомца зовется разбойником; оскорбивший друга приравнивается почти что к отцеубийце.
Эвмолп прервал эту неблагосклонную речь и сказал:
- Насколько я понимаю, несчастные юноши обвиняются более всего в том, что остриглись ночью. Одно только это и служит как будто доказательством того, что они случайно попали на корабль, а не сами пришли. И мне бы очень хотелось, чтобы вы выслушали меня без всяких задних мыслей, так же, как они совершили все это. едь они, еще до того как сесть на корабль, собирались освободить свои головы от тягостной и ненужной обузы; только слишком поспешное отплытие заставило их отложить на некоторое время выполнение этого намерения. Но они совершенно не предполагали, что многое будет зависеть от того, в каком месте они его исполнят: ибо не знали ни примет, ни обычаев морского плавания.
- А что за необходимость была брить себе головы, когда они решили просить прощения? -перебил его Лих.- Уж не потому ли, что плешивых будто бы жалеют сильнее? Но что толку искать правды через посредника? Что скажешь ты сам, разбойник? И что за саламандра уничтожила твои брови? И какому богу обещал ты принести в жертву свои волосы? Отвечай же, отравитель! Отвечай!

[CVIII] Obstupueram ego supplicii metu pavidus, nec qui in re manifestissima dicerem inveniebam,

CVIII. Объятый страхом перед наказанием, я замер и в смятении не находил слов, чтобы

turbatus <. . .> et deformis praeter spoliati capitis dedecus superciliorum etiam aequalis cum fronte calvities, ut nihil nec facere deceret nec dicere. Vt vero spongia uda facies plorantis detersa est, et liquefactum per totum os atramentum omnia scilicet lineamenta fuliginea nube confudit, in odium se ira convertit. Negat Eumolpus passurum se ut quisquam ingenuos contra fas legemque contaminet, interpellatque saevientium minas non solum voce sed etiam manibus. Aderat interpellanti mercennarius comes et unus alterque infirmissimus vector, solacia magis litis quam virium auxilia. Nec quicquam pro me deprecabar, sed intentans in oculos Tryphaenae manus usurum me viribus meis clara liberaque voce clamavi, ni abstineret a Gitone iniuriam mulier damnata et in toto navigio sola verberanda. Accenditur audacia mea iratior Lichas, indignaturque quod ego relicta mea causa tantum pro alio clamo. Nec minus Tryphaena contumelia saevit accensa, totiusque navigii turbam diducit in partes. Hinc mercennarius tonsor ferramenta sua nobis et ipse armatus distribuit, illinc Tryphaenae familia nudas expedit manus, ac ne ancillarum quidem clamor aciem destituit, uno tantum gubernatore relicturum se navis ministerium denuntiante, si non desinat rabies libidine perditorum collecta. Nihilo minus tamen perseverat dimicantium furor, illis pro ultione, nobis pro vita pugnantibus. Multi ergo utrinque sine morte labuntur, plures cruenti vulneribus referunt veluti ex proelio pedem, nec tamen cuiusquam ira laxatur. Tunc fortissimus Giton ad virilia sua admovit novaculam infestam, minatus se adbscissurum tot miseriarum causam, inhibuitque Tryphaena tam grande facinus non dissimulata missione. Saepius ego cultrum tonsorium super iugulum meum posui, non magis me occisurus quam Giton, quod minabatur, facturus. Audacius tamen ille tragoediam implebat, quia sciebat se illam habere novaculam, qua iam sibi cervicem praeciderat. Stante ergo utraque acie, cum appareret futurum non tralaticium bellum, aegre expugnavit gubernator ut caduceatoris more Tryphaena indutias faceret. Data ergo acceptaque ex more patrio fide, protendit ramum oleae a Tutela navigii raptum, atque in colloquium venire ausa:

"Quis furor, exclamat, pacem convertit in arma? Quid nostrae meruere manus? Non Troius heros hac in classe vehit decepti pignus Atridae, nec Medea furens fraterno sanguine pugnat,

сказать хоть что-нибудь по поводу этого до очевидности ясного дела... К тому же я был очень смущен и до того обезображен постыдным отсутствием волос на голове и, главное, на бровях, которые теперь совершенно сравнялись со лбом, что мне казалось прямо неприличным что-нибудь сказать или сделать. Но когда кто-то проехался по моему заплаканному лицу мокрой губкой и, размазав чернила, слил все черты лица в одно черное пятно, гнев Лиха перешел вдруг в ненависть.

Между тем Эвмолп стал говорить, что он не потерпит, чтобы кто-нибудь, вопреки законам божеским и человеческим, позорил людей свободных, и наконец принялся противодействовать угрозам наших палачей не только словом, но и делом. На помощь к нашему защитнику бросились его слуга и еще один-другой пассажир; но последние были очень слабы и более поощряли к борьбе, чем действительно помогали ему. Я уже ни о чем для себя не просил, но, указывая руками прямо на Трифену, во все горло кричал, что если эта непотребная женщина, единственная на всем корабле достойная порки, не отстанет от Гитона, то я сумею воспользоваться своей силой. Смелость моя еще более рассердила Лиха. Он вдруг вспыхнул и начал негодовать на то, что я, оставив свое собственное дело, наговорил так много, защищая другого. Не менее его разъярилась и Трифена, возмущенная моими оскорбительными словами. Тут все, кто только был на корабле, разбились на две враждебные партии. С одной стороны, слуга-цирюльник и сам вооружился, и нас наделил своими инструментами; с другой - челядь Трифены готовилась выступить на нас с голыми руками. И само собою разумеется, дело наше не обошлось без громких криков служанок. Один только кормчий заявил, что, если не прекратится переполох, возникший из-за сладострастия каких-то прохвостов, он тотчас же перестанет управлять кораблем. Несмотря на это, все-таки продолжалась самая отчаянная свалка: они дрались ради мести, мы - ради спасения жизни. С той и другой стороны многие свалились уже замертво, многие отступили, точно с поля сражения, покрытые кровью и ранами. И, однако, ярости от этого ни в ком не убавилось. Тут отважный Гитон поднес к своему члену смертоносную

sed contemptus amor vires habet. Ei mihi, fata hos inter fluctus quis raptis evocat armis? Cui non est mors una satis? Ne vincite pontum gurgitibusque feris alios immittite fluctus."

бритву, угрожая отрезать эту причину стольких злоключений; но Трифена, нисколько не скрывая, что все ему простила, воспрепятствовала столь великому злодеянию. Я, со своей стороны, тоже не один раз приставлял к своей шее бритвенный нож, но намерение мое зарезаться было не серьезнее, чем угрозы Гитона. Только он еще смелее разыгрывал трагедию, зная, что в руках у него та самая бритва, которой он уже попробовал однажды перехватить себе горло.

Обе стороны все еще стояли друг против друга, и было очевидно, что бой опять разгорится с новой силой; но тут с большим трудом кормчему удалось убедить Трифену, чтобы она, взяв на себя обязанности парламентера, устроила перемирие. И вот после того как, по обычаю отцов, стороны обменялись клятвами, Трифена, держа перед собою оливковую ветвь, взятую из рук корабельной Тутелы, решилась начать переговоры.

Что за безумье, кричит, наш мир превращает в сраженье?
Чем заслужила того наша рать? едь не витязь троянский
На корабле умыкает обманом супругу Атрида.
И не Медея, ярясь, упивается братскою кровью.
Сила отвергнутой страсти мятется! О, кто призывает
Злую судьбу на меня, средь валов потрясая оружьем?
Мало вам смерти одной? Не спорьте в свирепости с морем
И в пучины его не лейте крови потоки.

[CIX] Haec ut turbato clamore mulier effudit, haesit paulisper acies, revocataeque ad pacem manus intermisere bellum. Vtitur paenitentiae occasione dux Eumolpos, et castigato ante vehementissime Licha tabulas foederis signat, queis haec formula erat:

"Ex tui animi sententia, ut tu, Tryphaena, neque iniuriam tibi factam a Gitone quereris, neque si quid ante hunc diem factum est, obicies vindicabisve aut ullo alio genere persequendum curabis; ut tu nihil imperabis puero repugnanti, non amplexum, non osculum, non coitum venere constrictum, nisi pro qua re praesentes numeraveris denarios centum. Item, Licha, ex tui animi sententia, ut tu Encolpion nec verbo contumelioso insequeris nec vultu, neque quaeres ubi nocte dormiat, aut si quaesieris, pro

CIX. После этих слов, произнесенных женщиной с волнением в голосе, войска колебались очень недолго; и призванные к миру дружины прекратили бой. Эвмолп, предводительствовавший нашей стороной, решил немедленно воспользоваться столь благоприятными обстоятельствами и, произнеся прежде всего самое суровое порицание Лиху, заставил подписать скрижали мира, сими словесами вещавшие:

- "Согласно твоему добровольному решению ты, Трифена, не будешь взыскивать с Гитона за причиненные им тебе неприятности; не будешь упрекать или мстить за проступки, буде таковые им до сего времени совершены; и вообще не будешь стараться каким-либо иным способом преследовать его. Не уплатив

singulis iniuriis numerabis praesentes denarios ducenos."

In haec verba foederibus compositis arma deponimus, et ne residua in animis etiam post iusiurandum ira remaneret, praeterita aboleri osculis placet. Exhortantibus universis odia detumescunt, epulaeque ad certamen prolatae conciliant hilaritate concordiam. Exsonat ergo cantibus totum navigium, et quia repentina tranquillitas intermiserat cursum, alius exultantes quaerebat fuscina pisces, alius hamis blandientibus convellebat praedam repugnantem. Ecce etiam per antemnam pelagiae consederant volucres, quas textis harundinibus peritus artifex tetigit; illae viscatis inligatae viminibus deferebantur ad manus. Tollebat plumas aura volitantes, pinnasque per maria inanis spuma torquebat.

Iam Lichas redire mecum in gratiam coeperat, iam Tryphaena Gitona extrema parte potionis spargebat, cum Eumolpus et ipse vino solutus dicta voluit in calvos stigmososque iaculari, donec consumpta frigidissima urbanitate rediit ad carmina sua coepitque capillorum elegidarion dicere:

Quod solum formae decus est, cecidere capilli,
vernantesque comas tristis abegit hiemps.
Nunc umbra nudata sua iam tempora maerent,
areaque attritis ridet adusta pilis.
O fallax natura deum: quae prima dedisti
aetati nostrae gaudia, prima rapis.
Infelix, modo crinibus nitebas
Phoebo pulchrior et sorore Phoebi.
At nunc levior aere vel rotundo
horti tubere, quod creavit unda,
ridentes fugis et times puellas.
Vt mortem citius venire credas,
scito iam capitis perisse partem.

ему предварительно за каждый раз по ста динариев наличными деньгами, ты не должна принуждать мальчика против его воли ни к объятиям, ни к поцелуям, ни к союзу енеры. Так же точно и ты, Лих, согласно твоему добровольному решению, не должен больше преследовать Энколпия оскорбительными словами или суровым видом; не должен спрашивать у него, с кем проводит он свои ночи; а если будешь требовать в этом отчета, - обязуешься за каждое подобное оскорбление уплачивать ему наличными деньгами по двести динариев".

Когда договор в таких словах был заключен, мы сложили оружие; а чтобы после обоюдной клятвы в душах у нас не осталось даже признака старой злобы, словом, чтобы совершенно покончить с прошлым, мы решили обменяться поцелуями. Таким образом раздор наш, по всеобщему желанию, прекратился, и трапеза, принесенная на самое поле сражения, при веселом настроении всех собутыльников послужила к вящему примирению. есь корабль огласился песнями, а так как вследствие внезапно наступившего безветрия судно прекратило свой бег, одни стали бить рыбу трезубцами в тот миг, когда она выскакивала из воды, другие вытаскивали сопротивляющуюся добычу крючками с приманкой. А один ловкач принялся, с помощью специально сплетенных для этого из тростника приспособлений, охотиться на морских птиц, которые начали уже садиться на рею. Прилипая к обмазанным клеем прутьям, они сами давались в руки; и заиграл ветерок летучими пушинками; и начали плавать по морю их перья, крутясь вместе с легкою пеной. Уже у меня с Лихом опять налаживалась дружба, уже Трифена успела плеснуть в лицо Гитону из своего кубка остатками вина, когда Эвмолп, тоже сильно захмелевший, захотел вдруг поострить над плешивыми и клеймеными. Исчерпав все пошлые остроты на эту тему, он наконец принялся за стихи и продекламировал нам небольшую элегию о волосах:

Кудри упали с голов, красы наивысшая прелесть.

Юный, весенний убор злобно скосила зима,

Ныне горюют виски, лишенные сладостной тени

Отмолотили хлеба: мрачно зияет гумно.

Сколь переменчива воля богов! Ибо первую

радость,
юности данную нам, первой обратно берет.
Бедный! только что ты сиял кудрями,
Был прекраснее Феба и Дианы.
А теперь ты голей чем медь, чем круглый
Порожденный дождем сморчок садовый.
Робко прочь ты бежишь от дев-насмешниц.
И чтоб в страхе ты ждал грядущей смерти,
Знай, что часть головы уже погибла.

[CX] Plura volebat proferre, credo, et ineptiora praeteritis, cum ancilla Tryphaenae Gitona in partem navis inferiorem ducit, corymbioque dominae pueri adornat caput. Immo supercilia etiam profert de pyxide, sciteque iacturae liniamenta secuta totam illi formam suam reddidit. Agnovit Tryphaena verum Gitona, lacrimisque turbata tunc primum bona fide puero basium dedit. Ego etiam si repositum in pristinum decorem puerum gaudebam, abscondebam tamen frequentius vultum, intellegebamque me non tralaticia deformitate esse insipitum, quem alloquio dignum ne Lichas quidem crederet. Sed huic tristitiae eadem illa succurrit ancilla, sevocatumque me non minus decoro exornavit capillamento; immo commendatior vultus enituit, quia flavum corymbion erat.

Ceterum Eumolpos, et periclitantium advocatus et praesentis concordiae auctor, ne sileret sine fabulis hilaritas, multa in muliebrem levitatem coepit iactare: quam facile adamarent, quam cito etiam filiorum obliviscerentur, nullamque esse feminam tam pudicam, quae non peregrina libidine usque ad furorem averteretur. Nec se tragoedias veteres curare aut nomina saeculis nota, sed rem sua memoria factam, quam eiturum se esse, si vellemus audire. Conversis igitur omnium in se vultibus auribusque sic orsus est:

CX. Эвмолп, кажется, собирался декламировать еще дольше и еще более нескладно, чем раньше, но как раз в это время одна из служанок Трифены увела с собой Гитона в нижнюю каюту и надела ему на голову парик своей госпожи. Затем вытащила из баночки накладные брови и, искусно подражая форме утерянных, вернула таким образом мальчику всю его красоту. Теперь только Трифена признала в нем настоящего Гитона; от волнения она даже расплакалась и в первый раз поцеловала его от всего сердца.

Я тоже был рад, что мальчику возвратили прежнюю привлекательность; зато собственное лицо стал прикрывать еще тщательнее: ведь я знал, что отличаюсь теперь необыкновенным безобразием, если даже Лих не удостаивает меня разговора. Но та же самая служанка мне помогла в этом горе: она отозвала меня в сторону и снабдила не менее прекрасной шевелюрой. Лицо мое даже изменилось к лучшему, потому что парик был белокурый...

А Эвмолп, этот наш всегдашний защитник среди опасностей и создатель теперешнего общего согласия, из боязни, как бы не увяло без прибауток наше веселое настроение, принялся вовсю болтать о женском легкомыслии. Говорил, как легко женщины влюбляются, как скоро забывают даже своих сыновей; говорил, что нет на свете женщины настолько скромной, чтобы новая страсть не в состоянии была довести ее до исступления; и нет нужды в примерах из старинных трагедий или в известных из истории именах, но если мы захотим его слушать, он может рассказать нам об одном случае, который был на его памяти. И, видя, что все повернулись к нему лицами и приготовились слушать, Эвмолп начал таким образом:

[CXI] "Matrona quaedam Ephesi tam notae erat pudicitiae, ut vicinarum quoque gentium feminas ad spectaculum sui evocaret. Haec ergo cum

CXI. В Эфесе жила некая матрона, отличавшаяся столь великой скромностью, что даже из соседних стран женщины

virum extulisset, non contenta vulgari more funus passis prosequi crinibus aut nudatum pectus in conspectu frequentiae plangere, in conditorium etiam prosecuta est defunctum, positumque in hypogaeo Graeco more corpus custodire ac flere totis noctibus diebusque coepit. Sic adflictantem se ac mortem inedia persequentem non parentes potuerunt abducere, non propinqui; magistratus ultimo repulsi abierunt, comploratаque singularis exempli femina ab omnibus quintum iam diem sine alimento trahebat. Adsidebat aegrae fidissima ancilla, simulque et lacrimas commodabat lugenti, et quotienscumque defecerat positum in monumento lumen renovabat. "Una igitur in tota civitate fabula erat: solum illud adfulsisse verum pudicitiae amorisque exemplum omnis ordinis homines confitebantur, cum interim imperator provinciae latrones iussit crucibus affigi secundum illam casulam, in qua recens cadaver matrona deflebat.

"Proxima ergo nocte, cum miles, qui cruces asservabat, ne quis ad sepulturam corpus detraheret, notasset sibi lumen inter monumenta clarius fulgens et gemitum lugentis audisset, vitio gentis humanae concupiit scire quis aut quid faceret. Descendit igitur in conditorium, visaque pulcherrima muliere, primo quasi quodam monstro infernisque imaginibus turbatus substitit; deinde ut et corpus iacentis conspexit et lacrimas consideravit faciemque unguibus sectam, ratus (scilicet id quod erat) desiderium extincti non posse feminam pati, attulit in monumentum cenulam suam, coepitque hortari lugentem ne perseveraret in dolore supervacuo, ac nihil profuturo gemitu pectus diduceret: 'omnium eumdem esse exitum et idem domicilium' et cetera quibus exulceratae mentes ad sanitatem revocantur.

"At illa ignota consolatione percussa laceravit vehementius pectus, ruptosque crines super corpus iacentis imposuit. Non recessit tamen miles, sed eadem exhortatione temptavit dare mulierculae cibum, donec ancilla, vini odore corrupta, primum ipsa porrexit ad humanitatem invitantis victam manum, deinde retecta potione et cibo expugnare dominae pertinaciam coepit et: 'Quid proderit, inquit, hoc tibi, si soluta inedia fueris, si te vivam sepelieris, si antequam fata poscant indemnatum spiritum effuderis? Id cinerem aut manes credis sentire sepultos? Vis tu reviviscere! Vis discusso muliebri errore! Quam diu licuerit, lucis commodis frui! Ipsum te iacentis

приезжали посмотреть на нее. Когда же умер ее муж, она, не удовольствовавшись общепринятым обычаем провожать покойника с распущенными волосами или бия себя на виду у всех в обнаженную грудь, последовала за умершим мужем даже в могилу и, когда тело, по греческому обычаю, положили в подземелье, осталась охранять его там, в слезах проводя дни и ночи. Пребывая в столь сильном горе, она решила уморить себя голодом, и ни родные, ни близкие не в состоянии были отклонить ее от этого решения. Напоследок даже городские власти удалились, ничего не добившись. Все плакали, глядя на этот неповторимый пример супружеской верности, - на эту женщину, уже пятые сутки проводившую без пищи. Печально сидела с ней ее верная служанка. Заливаясь слезами, она делила горе своей госпожи и по временам заправляла светильник, поставленный на могильную плиту, как только замечала, что он начинает гаснуть.

В городе только и разговоров было, что про вдову. Люди всех званий сходились в том, что впервые пришлось им увидеть блестящий пример истинной любви и верности.

Между тем как раз в это время правитель той области приказал неподалеку от подземелья, в котором вдова плакала над свежим трупом, распять нескольких разбойников. А чтобы кто-нибудь не похитил разбойничьих тел, желая предать их погребению, возле крестов поставили на стражу солдата. С наступлением ночи он заметил среди надгробных памятников довольно яркий свет, услышал стоны несчастной вдовы и, по любопытству, свойственному всему роду человеческому, захотел узнать, кто это и что там делается. Немедленно спустился он в склеп и, увидев там женщину замечательной красоты, сначала оцепенел от испуга, словно перед призраком или загробною тенью. Затем, увидев наконец лежащее перед ним мертвое тело и заметив слезы и лицо, исцарапанное ногтями, он, конечно, понял, что это только женщина, которая после смерти мужа не может прийти в себя от горя. Тогда он принес в склеп свой скромный обед и принялся убеждать плачущую, чтобы она перестала понапрасну убиваться и не терзала груди своей бесполезными рыданиями: всех, мол, ожидает один конец, всем уготовано одно и то же

corpus admonere debet ut vivas.' "Nemo invitus audit, cum cogitur aut cibum sumere aut vivere. Itaque mulier aliquot dierum abstinentia sicca passa est frangi pertinaciam suam, nec minus avide replevit se cibo quam ancilla, quae prior victa est.

жилище. Говорил и многое другое, чем обыкновенно стараются утешать людей, чья душа изъязвлена горем. Но она от этих утешений стала еще сильнее царапать свою грудь и, вырывая из головы волосы, принялась осыпать ими покойника. Солдата это, однако, не обескуражило, и он не менее настойчиво стал уговаривать бедную вдовушку немножко поесть. Наконец служанка, соблазнившись винным запахом, почувствовала, что не в силах больше противиться учтивому приглашению солдата, и сама первая протянула руку, побежденная. А потом, подкрепив пищей и вином свои силы, она тоже начала бороться с упорством своей госпожи.

- Что пользы в том, - говорила служанка, - если ты умрешь голодной смертью? Если заживо похоронишь себя? Если самовольно испустишь неосужденный дух, прежде чем того потребует судьба?

"Мнишь ли, что слышат тебя усопшие тени и пепел?"

Не лучше ли будет, если ты останешься в живых? Не лучше ли отказаться от своего женского заблуждения и, пока можно, наслаждаться благами жизни? Самый вид этого недвижного тела уже должен убедить тебя остаться в живых.

Всякий охотно слушает, когда его уговаривают есть или жить. Потому вдова наша, которая, благодаря столь продолжительному воздержанию от пищи, уже сильно ослабела, позволила, наконец, сломить свое упорство и принялась за еду с такою же жадностью, как и служанка, сдавшаяся первою.

[CXII] "Ceterum, scitis quid plerumque soleat temptare humanam satietatem. Quibus blanditiis impetraverat miles ut matrona vellet vivere, iisdem etiam pudicitiam eius aggressus est. Nec deformis aut infacundus iuvenis castae videbatur, conciliante gratiam ancilla ac subinde dicente:

'Placitone etiam pugnabis amori?'

"Quid diutius moror? Jacuerunt ergo una non tantum illa nocte, qua nuptias fecerunt, sed postero etiam ac tertio die, praeclusis videlicet conditorii foribus, ut quisquis ex notis ignotisque ad monumentum venisset, putasset expirasse super corpus viri pudicissimam uxorem.

"Ceterum, delectatus miles et forma mulieris et secreto, quicquid boni per facultates poterat coemebat et, prima statim nocte, in

CXII. Вы, конечно, знаете, на что нас часто соблазняет сытость. Солдат теми же ласковыми словами, которыми убедил матрону остаться в живых, принялся атаковать и ее стыдливость. К тому же он казался этой целомудренной женщине человеком вовсе не безобразным и даже не лишенным дара слова. Да и служанка старалась расположить свою госпожу в его пользу и то и дело повторяла:

...Ужели отвергнешь любовь, что по сердцу?

Или не знаешь ты, чьи поля у тебя перед глазами?

Но что там много толковать? Женщина с этой стороны своего тела тоже потерпела полное поражение: победоносный воин и на этот раз

monumentum ferebat. Itaque unius cruciarii parentes ut viderunt laxatam custodiam, detraxere nocte pendentem supremoque mandaverunt officio. At miles circumscriptus dum desidet, ut postero die vidit unam sine cadavere crucem, veritus supplicium, mulieri quid accidisset exponit: 'nec se expectaturum iudicis sententiam, sed gladio ius dicturum ignaviae suae. Commodaret ergo illa perituro locum, et fatale conditorium familiari ac viro faceret.' Mulier non minus misericors quam pudica: 'Ne istud, inquit, dii sinant, ut eodem tempore duorum mihi carissimorum hominum duo funera spectem. Malo mortuum impendere quam vivum occidere.' Secundum hanc orationem iubet ex arca corpus mariti sui tolli atque illi, quae vacabat, cruci affigi.
"Usus est miles ingenio prudentissimae feminae, posteroque die populus miratus est qua ratione mortuus isset in crucem."

ее убедил. Они провели во взаимных объятиях не только эту ночь, в которую справили свою свадьбу; но то же самое было и на следующий, и даже на третий день. А двери в подземелье на случай, если бы к могиле пришел кто-нибудь из родственников или знакомых, разумеется, заперли, чтобы казалось, будто эта целомудреннейшая из жен умерла над телом своего мужа. Солдат же, восхищенный и красотою возлюбленной, и таинственностью приключения, покупал, насколько позволяли его средства, всякие лакомства и, как только смеркалось, немедленно относил их в подземелье. А в это время родственники одного из распятых, видя, что за ними нет почти никакого надзора, сняли ночью с креста его тело и предали погребению. Воин, который всю ночь провел в подземелье, только на следующий день заметил, что на одном из крестов недостает тела. Трепеща от страха перед наказанием, рассказал он вдове о случившемся, говоря, что не станет дожидаться приговора суда, а собственным мечом накажет себя за нерадение, и просил, чтобы она оставила его, когда он умрет, в этом подземелье и положила в одну и ту же роковую могилу возлюбленного и мужа. Она же, не менее сострадательная, чем целомудренная, отвечала:
- Неужели боги допустят до того, что мне придется почти одновременно увидеть смерть двух самых дорогих для меня людей? Нет! Я предпочитаю повесить мертвого, чем погубить живого.
Сказано - сделано: матрона велит вытащить мужа из гроба и пригвоздить его к пустому кресту. Солдат немедленно воспользовался блестящей мыслью рассудительной женщины. А на следующий день все прохожие недоумевали, каким образом мертвый взобрался на крест.

[CXIII] Risu excepere fabulam nautae, erubescente non mediocriter Tryphaena vultumque suum super cervicem Gitonis amabiliter ponente. At non Lichas risit, sed iratum commovens caput: "Si iustus, inquit, imperator fuisset, debuit patris familiae corpus in monumentum referre, mulierem affigere cruci". Non dubie redierat in animum Hedyle expilatumque libidinosa migratione navigium. Sed nec foederis verba permittebant meminisse, nec hilaritas, quae occupaverat mentes, dabat

CXIII. Громким хохотом встретили моряки этот рассказ, а Трифена любовно склонилась своим сильно зарумянившимся лицом на плечо Гитона. Один Лих не смеялся. Сердито покачав головой, он сказал:
- Если бы правитель был человеком справедливым, он непременно приказал бы тело мужа положить обратно в могилу, а жену его распять.
Без сомнения, ему вспомнилась едила и разграбление корабля во время нашего

iracundiae locum. Ceterum Tryphaena in gremio Gitonis posita modo implebat osculi pectus, interdum concinnabat spoliatum crinibus vultum. Ego maestus et impatiens foederis novi non cibum, non potionem capiebam, sed obliquis trucibusque oculis utrumque spectabam. Omnia me oscula vulnerabant, omnes blanditiae, quascunque mulier libidinosa fingebat. Nec tamen adhuc sciebam, utrum magis puero irascerer, quod amicam mihi auferret, an amicae, quod puerum corrumperet: utraque inimicissima oculis meis et captivitate praeterita tristiora. Accedebat huc, quod neque Tryphaena me alloquebatur tanquam familiarem et aliquando gratum sibi amatorem, nec Giton me aut tralaticia propinatione dignum iudicabat, aut, quod minimum est, sermone communi vocabat, credo, veritus ne inter initia coeuntis gratiae recentem cicatricem rescinderet. Inundavere pectus lacrimae dolore paratae, gemitusque suspirio tectus animam paene submovit. <. . .>

In partem voluptatis <Lychas> temptabat admitti, nec domini supercilium induebat, sed amici quaerebat obsequium. ANCILLA TRYPHAENAE AD ENCOLPIUM: "Si quid ingenui sanguinis habes, non pluris illam facies, quam scortum. Si vir fueris, non ibis ad spintriam". <. . .>

Me nihil magis pudebat, quam ne Eumolpus sensisset quidquid illud fuerat, et homo dicacissimus carminibus vindicaret. <. . .>

Iurat verbis Eumolpus conceptissimis. <. . .>

своевольного переселения. Но слова договора не дозволяли ему напоминать об этом; да и охватившее всех веселье не давало возможности затеять новую ссору. Трифена в это время сидела на коленях у Гитона и то осыпала его грудь поцелуями, то принималась поправлять его фальшивые волосы. Я печально сидел на своем месте, мучился невыносимо этим новым сближением, ничего не ел, ничего не пил и только искоса сердито поглядывал на обоих. Все поцелуи, все ласки, измышляемые похотливой женщиной, терзали мое сердце. И, однако, я до сих пор все-таки не знал, на кого я больше сержусь - на мальчика за то, что он отбивает у меня подружку, или на подружку за то, что она развращает моего мальчика. А в общем, и то, и другое было мне чрезвычайно противно и даже более тягостно, чем недавний плен. И вдобавок еще ни Трифена не заговаривала со мной, словно я не был ей человеком близким и некогда желанным любовником, ни Гитон не удостаивал меня чести хотя бы мимоходом выпить за мое здоровье или по крайней мере вовлечь меня в общий разговор. Мне кажется, он просто боялся, как бы в самом же начале наступившего согласия опять не растравить рану в сердце Трифены. От огорчения грудь моя переполнилась наконец слезами; глубокими вздохами старался я подавить в себе рыдания, которые как бы выворачивали мою душу...

[Лих] добивался, чтобы и ему досталась часть наших удовольствий, и, забыв хозяйскую спесь, лишь просил дружеской благосклонности...

...пока служанка после долгого колебания наконец не выпалила:

- Если в тебе течет хоть капля благородной крови, ты должен относиться к ней не лучше, чем к девке; если ты действительно мужчина, ты не пойдешь к этой шлюхе...

Все это наполнило душу мою сомнением и беспокойством. Досаднее всего было то, что о случившемся узнает величайший насмешник Эвмолп и примется мстить за воображаемую обиду в своими стихами...

Эвмолп в самых выразительных словах поклялся...

[CXIV] Dum haec taliaque iactamus, inhorruit mare, nubesque undique adductae obruere tenebris diem. Discurrunt nautae ad officia trepidantes, velaque tempestati subducunt. Sed

CXIV. Пока мы рассуждали об этом и тому подобных вещах, на море поднялось большое волнение, небо обложило со всех сторон тучами, и день потемнел. Матросы в страхе

nec certos fluctus ventus impulerat, nec quo destinaret cursum gubernator sciebat. Siciliam modo ventus dabat, saepissime Italici litoris aquilo possessor convertebat huc illuc obnoxiam ratem, et quod omnibus procellis periculosius erat, tam spissae repente tenebrae lucem suppresserant, ut ne proram quidem totam gubernator videret. Itaque pernicies postquam manifesta convaluit, Lichas trepidans ad me supinas porrigit manus et: "Tu, inquit, Encolpi, succurre periclitantibus, et vestem illam divinam sistrumque redde navigio. Per fidem, miserere, quemadmodum quidem soles".

Et illum quidem vociferantem in mare ventus excussit, repetitumque infesto gurgite procella circumegit atque hausit. Tryphaenam autem prope iam <immersam> fidelissimi rapuerunt servi, scaphaeque impositam cum maxima sarcinarum parte abduxere certissimae morti.

Applicitus cum clamore flevi et: "Hoc, inquam, a diis meruimus, ut nos sola morte coniungerent? Sed non crudelis fortuna concedit. Ecce iam ratem fluctus evertet, ecce iam amplexus amantium iratum dividet mare. Igitur, si vere Encolpion dilexisti, da oscula, dum licet, <et> ultimum hoc gaudium fatis properantibus rape". Haec ut ego dixi, Giton vestem deposuit, meaque tunica contectus exeruit ad osculum caput. Et ne sic cohaerentes malignior fluctus distraheret, utrumque zona circumvenienti praecinxit et: "Si nihil aliud, certe diutius, inquit, iunctos nos mare feret, vel si voluerit misericors ad idem litus expellere, aut praeteriens aliquis tralaticia humanitate lapidabit, aut quod ultimum est iratis tiam fluctibus, imprudens harena componet". Patior ego vinculum extremum, et veluti lecto funebri aptatus expecto mortem iam non molestam. Peragit interim tempestas mandata fatorum, omnesque reliquias navis expugnat. Non arbor erat relicta, non gubernacula, non funis aut remus, sed quasi rudis atque infecta materies ibat cum fluctibus. <. . .>

Procurrere piscatores parvulis expediti navigiis ad praedam rapiendam. Deinde ut aliquos viderunt, qui suas opes defenderent, mutaverunt crudelitatem in auxilium. <. . .>

бросились по своим местам и в ожидании бури убрали паруса. Но ветер гнал волны то в одну, то в другую сторону, и кормчий совершенно не знал, какого ему курса держаться. То ветер гнал нас по направлению к Сицилии, то поднимался аквилон, хозяин италийского берега, и во все стороны швырял наше покорное судно. Но что было опаснее всяких бурь, так это нависшая внезапно над нами тьма, до того непроглядная, что кормчий не мог рассмотреть как следует даже корабельного носа.

И вот, о Геркулес! Когда буря разыгралась вовсю, Лих обратился ко мне, трепеща от страха, и, протягивая с мольбою руки, воскликнул:

- Энколпий, помоги нам в опасности, возврати судну систр и священное одеяние. Заклинаю тебя, сжалься над нами, прояви присущее тебе милосердие!

Он все еще вопил, когда внезапно налетел сильный шквал и сбросил его в море. уря завертела его в своей неумолимой пучине я, выбросив еще раз на поверхность, наконец поглотила. Тут самые преданные из слуг Трифены поспешно схватили свою госпожу и, посадив ее вместе с большею частью поклажи в лодку, спасли от верной смерти...

А я, прижавшись к Гитону, громко плакал и говорил ему:

- Мы заслужили от богов, чтобы только смерть соединила нас. Но безжалостная судьба отказала нам даже в этом. Смотри - волны начинают уже опрокидывать наше судно. Смотри! Уже скоро гневное море вырвет любящих друг у друга из объятий. Итак, если ты на самом деле любил Энколпия, то подари его поцелуем, пока еще можно. ырви из рук немедлящей судьбины эту последнюю радость.

Лишь только я это сказал, Гитон разделся и, прикрывшись моей туникой, подставил мне лицо для поцелуев, а чтобы слишком яростная волна не разлучила прильнувших друг к другу, он одним поясом связал обоих, говоря:

- Так, по крайней мере подольше нас, связанных вместе, будет носить море. А может быть, оно сжалится и выбросит нас вместе на берег, и какой-нибудь прохожий из простого человеколюбия набросает на тела наши камней или же в крайнем случае яростные волны замоют их незаметно песком.

Я даю связать себя последними узами и, лежа, как на смертном одре, ожидаю кончины, которая уже не страшит меня... уря между тем заканчивала то, что ей было предписано роком, и бросилась уничтожать все остатки нашего корабля. На нем не было теперь ни мачт, ни руля, ни канатов, ни весел. Подобно неотесанному бесформенному обрубку носился он по воле волн...

Появились рыбаки, приплывшие на своих маленьких лодках в надежде награбить добычи. Но, заметив на палубе людей, готовых защищать свое имущество, забыли о жестокости и оказали помощь...

[CXV] Audimus murmur insolitum et sub diaeta magistri quasi cupientis exire beluae gemitum. Persecuti igitur sonum invenimus Eumolpum sedentem membranaeque ingenti versus ingerentem. Mirati ergo quod illi vacaret in vicinia mortis poema facere, extrahimus clamantem, iubemusque bonam habere mentem. At ille interpellatus excanduit et: "Sinite me, inquit, sententiam explere; laborat carmen in fine". Inicio ego phrenetico manum, iubeoque Gitona accedere et in terram trahere poetam mugientem.

Hoc opere tandem elaborato casam piscatoriam subimus maerentes, cibisque naufragio corruptis utcumque curati tristissimam exegimus noctem. Postero die, cum poneremus consilium, cui nos regioni crederemus, repente video corpus humanum circum actum levi vortice ad litus deferri. Substiti ergo tristis coepique umentibus oculis maris fidem inspicere et: "Hunc forsitan, proclamo, in aliqua parte terrarum secura expectat uxor, forsitan ignarus tempestatis filius, aut patrem utique reliquit aliquem, cui proficiscens osculum dedit. Haec sunt consilia mortalium, haec vota magnarum cogitationum. En homo quemadmodum natat!" Adhuc tanquam ignotum deflebam, cum inviolatum os; fluctus convertit in terram, agnovique terribilem paulo ante et implacabilem Licham pedibus meis paene subiectum. Non tenui igitur diutius lacrimas, immo percussi semel iterumque manibus pectus et: "Vbi nunc est, inquam, iracundia tua, ubi impotentia tua? Nempe piscibus beluisque eitus es, et qui paulo ante iactabas vires imperii tui, de tam magna nave ne tabulam quidem naufragus habes. Ite nunc mortales, et magnis cogitationibus pectora implete. Ite cauti, et opes fraudibus captas per mille annos disponite. Nempe hic proxima luce patrimonii sui rationes

CXV. Мы услыхали странные звуки, которые раздавались из-под каюты кормчего: точно дикий зверь рычал, желая вырваться на свободу. Пойдя на звук, мы наткнулись на Эвмолпа: он сидел и на огромном пергаменте выписывал какие-то стихи. Пораженные тем, что Эвмолп даже на краю гибели не бросает своих поэм, мы, несмотря на его крики, выволокли его наружу и велели образумиться. А он, рассердившись, что ему помешали, кричал:

- Дайте же мне возможность закончить фразу: поэма уже идет к концу.

Тут я ухватил одержимого и велел Гитону помочь мне отвезти воющего поэта на землю...

И вот, когда это было устроено, мы добрались наконец, печальные, до рыбачьей хижины и, кое-как подкрепившись испорченной во время кораблекрушения снедью, провели там невеселую ночь.

На следующий день, когда мы держали совет, в какую нам сторону направиться, я вдруг заметил, что легкая зыбь крутит и прибивает к нашему берегу человеческое тело. С печалью в сердце стоял я и увлажненным взором созерцал вероломство моря.

- Может быть, - воскликнул я, - в какой-нибудь части света ждет его спокойная супруга или сын, не знающий о буре, или отец, которого он оставил и, отправляясь в дорогу, поцеловал. Вот они, человеческие расчеты! Вот они, наши честолюбивые помыслы! Вот он, человек, которого волны носят теперь по своему произволу!

До сих пор я оплакивал его как незнакомого. Но когда волна повернула утопленника, чье лицо нисколько не изменилось, я увидел Лиха; этот не так давно грозный и

inspexit, nempe diem etiam, quo venturus esset in patriam, animo suo fixit. Dii deaeque quam longe a destinatione sua iacet! Sed non sola mortalibus maria hanc fidem praestant. Illum bellantem arma decipiunt, illum diis vota reddentem penatium suorum ruina sepelit. Ille vehiculo lapsus properantem spiritum excussit, cibus avidum strangulavit, abstinentem frugalitas. Si bene calculum ponas, ubique naufragium est. At enim fluctibus obruto non contingit sepultura: tanquam intersit, periturum corpus quae ratio consumat, ignis an fluctus an mora! Quicquid feceris, omnia haec eodem ventura sunt. Ferae tamen corpus lacerabunt: tanquam melius ignis accipiat! Immo hanc poenam gravissimam credimus, ubi servis irascimur. Quae ergo dementia est, omnia facere, ne quid de nobis relinquat sepultura?" <. . .>

Et Licham quidem rogus inimicis collatus manibus adolebat. Eumolpus autem dum epigramma mortuo facit, oculos ad arcessendos sensus longius mittit.

неумолимый человек теперь лежал чуть ли не у моих ног. Я не мог больше удерживать слез и, вновь и вновь ударяя себя в грудь, повторял:

- Где же теперь твоя ярость? Куда девалась вся твоя необузданность? Твое тело предоставлено на растерзание рыбам и морским чудовищам. Недавно ты хвастал своим могуществом, и вот, после кораблекрушения, от твоего громадного корабля ни доски не осталось. Наполняйте же, смертные, наполняйте сердца ваши гордыми помыслами. Будьте, будьте предусмотрительны - распределяйте ваши богатства, приобретенные обманом и хитростью, на тысячу лет. Ведь и этот только вчера еще придирчиво проверял счета своего имущества; ведь и он в мечтах назначил день, когда достигнет берегов своей родины. О, боги и богини! Как далеко лежит он теперь от цели! Но не одно только море так вероломно к людям. Одному в сражении изменяет оружие. Другого погребают под собой развалины дома в тот миг, когда он дает обеты богам. Иному приходится испустить непоседливый дух, вылетев из повозки. Обжору душит пища, умеренного - воздержание. Словом, если поразмыслить, то крушения ждут нас повсюду. Правда, поглощенный волнами не может рассчитывать на погребение. Но какая разница, чем истреблено будет тело, обреченное на гибель, - огнем, водой или временем? Что там ни делай, все на одно выйдет. Пусть даже могут растерзать тело дикие звери... Но разве лучше, если пожрет его пламя? Напротив, когда мы гневаемся на рабов, то наказание огнем считаем самым тяжелым. Так не безумие ли заботиться о том, чтобы малейшая частица нашего тела не оставалась без погребения?...

Тело Лиха сгорело на костре, сложенном руками его врагов. Эвмолп же, сочиняя надгробную надпись, устремил вдаль свои взоры, призывая к себе вдохновение...

[CXVI] Hoc peracto libenter officio destinatum carpimus iter, ac momento temporis in montem sudantes conscendimus, ex quo haud procul impositum arce sublimi oppidum cernimus. Nec quid esset sciebamus errantes, donec a vilico quodam Crotona esse cognovimus, urbem antiquissimam et aliquando Italiae primam. Cum deinde diligentius exploraremus qui homines

CXVI. Охотно окончив это дело, мы пустились по избранной нами дороге и, немного спустя, покрытые потом, уже взбирались на гору; с нее открывался вид на какой-то город, расположенный совсем недалеко от нас на высоком холме. Блуждая по незнакомой местности, мы не знали, что это такое, пока наконец какой-то хуторянин не сообщил нам,

inhabitarent nobile solum, quodve genus negotiationis praecipue probarent post attritas bellis frequentibus opes: "O mi, inquit, hospites, si negotiatores estis, mutate propositum aliudque vitae praesidium quaerite. Sin autem urbanioris notae homines sustinetis semper mentiri, recta ad lucrum curritis. In hac enim urbe non litterarum studia celebrantur, non eloquentia locum habet, non frugalitas sanctique mores laudibus ad fructum perveniunt, sed quoscunque homines in hac urbe videritis, scitote in duas partes esse divisos. Nam aut captantur aut captant. In hac urbe nemo liberos tollit, quia quisquis suos heredes habet, non ad cenas, non ad spectacula admittitur, sed omnibus prohibetur commodis, inter ignominiosos latitat. Qui vero nec uxores unquam duxerunt nec proximas necessitudines habent, ad summos honores perveniunt, id est soli militares, soli fortissimi atque etiam innocentes habentur. Adibitis, inquit, oppidum tanquam in pestilentia campos, in quibus nihil aliud est nisi cadavera quae lacerantur, aut corvi qui lacerant." <. . .>

что это Кротона, город древний, когда-то первый Италии... Затем, когда мы более подробно принялись расспрашивать его, что за люди населяют это знаменитое место и какого рода делами предпочитают они заниматься, после того как частые войны свели на нет их богатство, он так нам ответил:

- О чужестранцы, если вы - купцы, то советую вам отказаться от ваших намерений; постарайтесь лучше отыскать какие-нибудь другие средства к существованию; Если же вы люди более тонкие и способны все время лгать, тогда вы на верном пути к богатству. Ибо науки в этом городе не в почете, красноречию в нем нет места, а воздержание и чистотой нравов не стяжаешь ни похвал, ни наград. Знайте, что все люди, которых вы увидите в этом городе, делятся на две категории: уловляемых и уловляющих.

В Кротоне никто не заводит своих детей, потому что любого, кто имеет законных наследников, не допускают ни на торжественные обеды, ни на общественные зрелища: лишенный всех этих удовольствий, он принужден жить незаметно среди всякого сброда. А вот люди, никогда не имевшие ни жен, ни близких родственников, достигают самых высоких почестей; другими словами - только их и признают за людей, наделенных военной доблестью, великим мужеством и примерной честностью. ы увидите, - сказал он, - город, напоминающий собой пораженную чумою равнину, на которой нет ничего, кроме терзаемых трупов да терзающих воронов...

[CXVII] Prudentior Eumolpus convertit ad novitatem rei mentem genusque divitationis sibi non displicere confessus est. Iocari ego senem poetica levitate credebam, cum ille: "Vtinam quidem, <inquit>, sufficeret largior scena, id est vestis humanior, instrumentum lautius, quod praeberet mendacio fidem: non mehercules operam istam differrem, sed continuo vos ad magnas opes ducerem". Atquin promitto, quicquid exigeret, dummodo placeret vestis, rapinae comes, et quicquid Lycurgi villa grassantibus praebuisset: "nam nummos in praesentem usum deum matrem pro fide sua reddituram. — Quid ergo, inquit Eumolpus, cessamus mimum componere? Facite ergo me dominum, si negotatio placet." Nemo ausus est artem damnare nihil auferentem. Itaque ut

CXVII. Эвмолп, как человек более предусмотрительный, принялся обдумывать этот совершенно новый для нас род занятий и заявил наконец, что он ровно ничего не имеет против такого способа обогащения. Я думал сначала, что старец наш просто шутит, по своему поэтическому легкомыслию, но он с самым серьезным видом добавил:

- О, сумей я обставить эту комедия попышнее, будь платье поприличнее и вся утварь поизящнее, чтобы всякий поверил моей лжи, - поистине я не стал бы откладывать это дело, а сразу повел бы вас к большому богатству.

Я обещал Эвмолпу доставить все, что ему нужно, если только устраивает его платье, сопутствовавшее нам во всех грабежах, и разные другие предметы, которые дала нам

duraret inter omnes tutum mendacium, in verba Eumolpi sacramentum iuravimus: uri, vinciri, verberari ferroque necari, et quicquid aliud Eumolpus iussisset. Tanquam legitimi gladiatores domino corpora animasque religiosissime addicimus. Post peractum sacramentum serviliter ficti dominum consalutamus, elatumque ab Eumolpo filium pariter condiscimus, iuvenem ingentis eloquentiae et spei, ideoque de civitate sua miserrimum senem exisse, ne aut clientes sodalesque filii sui aut sepulcrum quotidie causam lacrimarum cerneret. Accessisse huic tristitiae proximum naufragium, quo amplius vicies sestertium amiserit; nec illum iactura moveri, sed destitutum ministerio non agnoscere dignitatem suam. Praeterea habere in Africa trecenties sestertium fundis nominibusque depositum; nam familiam quidem tam magnam per agros Numidiae esse sparsam, ut possit vel Carthaginem capere. Secundum hanc formulam imperamus Eumolpo, ut plurimum tussiat, ut sit modo solutioris stomachi cibosque omnes palam damnet; loquatur aurum et argentum fundosque mendaces et perpetuam terrarum sterilitatem; sedeat praeterea quotidie ad rationes tabulasque testamenti omnibus <idibus> renovet. Et ne quid scaenae deesset, quotiescunque aliquem nostrum vocare temptasset, alium pro alio vocaret, ut facile appareret dominum etiam eorum meminisse, qui praesentes non essent.

His ita ordinatis, "quod bene feliciterque eveniret " precati deos viam ingredimur. Sed neque Giton sub insolito fasce durabat, et mercennarius Corax, detractator ministerii, posita frequentius sarcina male dicebat properantibus, affirmabatque se aut proiecturum sarcinas aut cum onere fugiturum. "Quid vos, inquit? iumentum me putatis esse aut lapidariam navem? Hominis operas locavi, non caballi. Nec minus liber sum quam vos, etiam si pauperem pater me reliquit." Nec contentus maledictis tollebat subinde altius pedem, et strepitu obsceno simul atque odore viam implebat. Ridebat contumaciam Giton et singulos crepitus eius pari clamore prosequebatur. <. . .>

обобранная вилла Ликурга. А что касается денег на текущие расходы, то Матерь богов по вере нашей пошлет нам их...

В таком случае зачем откладывать нашу комедию в долгий ящик? - воскликнул Эвмолп.- Если вы действительно ничего не имеете против подобной плутни, то признайте меня своим господином.

Никто из нас не осмелился осудить эту проделку, тем более что в ней мы ничего не теряли. А для того чтобы замышляемый обман остался между нами, мы, повторяя за Эвмолпом слова обета, торжественно поклялись терпеть и огонь, и оковы, и побои, и насильственную смерть, и все, что бы ни приказал нам Эвмолп,- словом, как форменные гладиаторы, предоставили и души свои, и тела в полное распоряжение хозяина. Покончив с клятвой, мы, нарядившись рабами, склонились перед повелителем. Затем сговорились, что Эвмолп будет отцом, у которого умер сын, юноша, отличавшийся красноречием и подававший большие надежды. А чтобы не иметь больше перед глазами ни клиентов своего умершего сына, ни товарищей его, ни могилы, вид которых вызывал у него каждый день горькие слезы, - несчастный старик решил уехать из своего родного города. Горе его усугублено только что пережитым кораблекрушением, из-за которого он потерял более двух миллионов сестерциев. Но не потеря денег волнует его, а то, что, лишившись также и всех своих слуг, он не в состоянии теперь появиться ни перед кем с подобающим его достоинству блеском. Между тем в Африке у него до сих пор на тридцать миллионов сестерциев земель и денег, отданных под проценты. Кроме того, по нумидийским землям у него разбросано повсюду такое множество рабов, что с ними свободно можно было бы овладеть хотя бы Карфагеном.

Согласно этому плану, мы посоветовали Эвмолпу, во-первых, кашлять как можно больше, затем притвориться, точно он страдает желудком, а поэтому при людях отказываться от всякой еды и, наконец, говорить только о золоте и серебре, о своих вымышленных имениях и о постоянных неурожаях. Кроме того, он обязан был изо дня в день корпеть над счетами и чуть не ежечасно переделывать завещание. А для полноты картины, он должен путать имена

всякий раз, когда ему придется позвать к себе кого-нибудь из нас,- чтобы всем бросалось в глаза, будто он все еще вспоминает отсутствующих слуг.

Распределив таким образом роли, мы помолились богам, чтобы все хорошо и удачно кончилось, и отправились дальше. Но и Гитон не мог долго выносить непривычного груза, и наемный слуга, Коракс, позор своего звания, тоже частенько ставил поклажу на землю, ругал нас за то, что мы так спешим, и грозил или бросить где-нибудь свою ношу, или убежать вместе с нею.

- Что вы, - говорит, - считаете меня за вьючное животное, что ли, или за грузовое судно? Я подрядился нести человеческую службу, а не лошадиную. Я такой же свободный, как и вы, хоть отец и оставил меня бедняком.

Не довольствуясь бранью, он то и дело поднимал кверху ногу и оглашал дорогу непристойными звуками и обдавал всех отвратительной вонью. Гитон смеялся над его строптивостью и всякий раз голосом передразнивал эти звуки...

[CXVIII] EVMOLPVS. "Multos, inquit Eumolpus, o iuvenes, carmen decepit. Nam ut quisque versum pedibus instruxit sensumque teneriorem verborum ambitu intexuit, putavit se continuo in Heliconem venisse. Sic forensibus ministeriis exercitati frequenter ad carminis tranquillitatem tanquam ad portum feliciorem refugerunt, credentes facilius poema extrui posse, quam controversiam sententiolis vibrantibus pictam. Ceterum neque generosior spiritus vanitatem amat, neque concipere aut edere partum mens potest nisi intrenti flumine litterarum inundata. Refugiendum est ab omni verborum, ut ita dicam, vilitate et sumendae voces a plebe summotae, ut fiat odi profanum vulgus et arceo.

Praeterea curandum est, ne sententiae emineant extra corpus orationis expressae, sed intexto vestibus colore niteant. Homerus testis et lyrici, Romanusque Vergilius et Horatii curiosa felicitas. Ceteri enim aut non viderunt viam qua iretur ad carmen, aut visam timuerunt calcare. Ecce belli civilis ingens opus quisquis attigerit nisi plenus litteris, sub onere labetur. Non enim res gestae versibus comprehendendae sunt, quod longe melius historici faciunt, sed per ambages deorumque ministeria et fabulosum sententiarum tormentum praecipitandus est liber spiritus, ut potius furentis animi vaticinatio appareat quam

CXVIII. - Очень многих, юноши, - начал Эвмолп,- стихи вводят в заблуждение: удалось человеку втиснуть несколько слов в стопы или вложить в период сколько-нибудь тонкий смысл - он уж и воображает, что взобрался на Геликон. Так, например, после долгих занятий общественными делами люди нередко, в поисках тихой пристани, обращаются к спокойному занятию поэзией, думая, что сочинить поэму легче, чем контроверсию, уснащенную блестящими изреченьицами. Но человек благородного ума не терпит пустословия, и дух его не может ни зачать, ни породить ничего, если его не оросит живительная влага знаний. Необходимо тщательно избегать всех выражений, так сказать, подлых и выбирать слова, далекие от плебейского языка, согласно слову поэта:

Невежд гнушаюсь и ненавижу чернь...

Затем нужно стремиться к тому, чтобы содержание не торчало, не уместившись в избранной форме, а, наоборот, совершенно с ней слившись, блистало единством красоты. Об этом свидетельствует Гомер, лирики, римлянин Вергилий и удивительно удачный выбор выражений у Горация. А другие или совсем не увидали пути, который ведет к

religiosae orationis sub testibus fides. Tanquam si placet hic impetus, etiam si nondum recepit ultimam manum:

[CXIX] "Orbem iam totum victor Romanus habebat,
qua mare, qua terrae, qua sidus currit utrumque; nec satiatus erat. Gravidis freta pulsa carinis iam peragebantur; si quis sinus abditus ultra, si qua foret tellus, quae fuluum mitteret aurum, hostis erat, fatisque in tristia bella paratis quaerebantur opes. Non vulgo nota placebant gaudia, non usu plebeio trita voluptas. Aes Ephyreiacum laudabat miles in unda; quaesitus tellure nitor certaverat ostro; Hinc Numidae accusant, illinc nova vellera Seres atque Arabum populus sua despoliaverat arva. Ecce aliae clades et laesae vulnera pacis. Quaeritur in silvis auro fera, et ultimus Hammon Afrorum excutitur, ne desit belua dente ad mortes pretiosa; fame premit advena classes, tigris et aurata gradiens vectatur in aula, ut bibat humanum populo plaudente cruorem. Heu, pudet effari perituraque prodere fata, Persarum ritu male pubescentibus annis surripuere viros, exsectaque viscera ferro in venerem fregere, atque ut fuga mobilis aevi circumscripta mora properantes differat annos, quaerit se natura nec invenit. Omnibus ergo scorta placent fractique enerui corpore gressus et laxi crines et tot nova nomina vestis, quaeque virum quaerunt. Ecce Afris eruta terris citrea mensa greges servorum ostrumque renidens,
ponitur ac maculis imitatur vilius aurum quae sensum trahat. Hoc sterile ac male nobile lignum
turba sepulta mero circum venit, omniaque orbis praemia correptis miles vagus esurit armis. Ingeniosa gula est. Siculo scarus aequore mersus ad mensam vivus perducitur, atque Lucrinis eruta litoribus vendunt conchylia cenas, ut renovent per damna famem. Iam Phasidos

поэзии, или не отважились вступить на него. Вот, например, описание гражданской войны: кто бы ни взялся за этот сюжет без достаточных литературных познаний, всякий будет подавлен трудностями. Ведь дело совсем не в том, чтобы в стихах изложить события, - это историки делают куда лучше; нет, свободный дух должен устремляться в потоке сказочных вымыслов обходным путем, через рассказы о помощи богов, через муки поисков нужных выражений, чтобы песнь казалась скорее вдохновенным пророчеством исступленной души, чем достоверным показанием, подтвержденным свидетелями...

CXIX. Римлянин царь-победитель владел без раздела вселенной;
Морем, и сушей, и всем, что двое светил освещают.
Но ненасытен он был. Суда, нагруженные войском,
Рыщут по морю, и, если найдется далекая гавань
Или иная земля, хранящая желтое злато,
Значит, враждебен ей им. Среди смертоносных сражений
Ищут богатства. Никто удовольствий избитых не любит,
Благ, что затасканы всеми давно в обиходе плебейском.
Так восхваляет солдат корабельный эфирскую бронзу;
Краски из глубей земных в изяществе с пурпуром спорят.
С юга шелка нумидийцы нам шлют, а с востока серийцы.
Опустошает для нас арабский народ свои нивы.
Вот и другие невзгоды, плоды нарушения мира!
Тварей лесных покупают за злато и в землях Аммона,
Африке дальней спешат ловить острозубых чудовищ,
Ценных для цирка убийц. Чужестранец голодный, на судне
Едет к нам тигр и шагает по клетке своей золоченой,
Завтра при кликах толпы он кровью людскою упьется.
Горе мне! Стыдно вещать про позор обреченного града!
Вот, по обычаю персов, еще недозрелых годами

unda
orbata est avibus, mutoque in litore tantum solae desertis adspirant frondibus aurae. Nec minor in Campo furor est, emptique Quirites ad praedam strepitumque lucri suffragia vertunt. Venalis populus, venalis curia patrum: est favor in pretio. Senibus quoque libera virtus exciderat, sparsisque opibus conversa potestas ipsaque maiestas auro corrupta iacebat. Pellitur a populo victus Cato; tristior ille est, qui vicit, fascesque pudet rapuisse Catoni. Namque — hoc dedecoris populo morumque ruina —
non homo pulsus erat, sed in uno victa potestas Romanumque decus. Quare tam perdita Roma ipsa sui merces erat et sine vindice praeda. Praeterea gemino deprensam gurgite plebem faenoris inluvies ususque exederat aeris. Nulla est certa domus, nullum sine pignore corpus,
sed veluti tabes tacitis concepta medullis intra membra furens curis latrantibus errat. Arma placent miseris, detritaque commoda luxu vulneribus reparantur. Inops audacia tuta est. Hoc mersam caeno Romam somnoque iacentem quae poterant artes sana ratione movere, ni furor et bellum ferroque excita libido?

Мальчиков режут ножом и тело насильно меняют
Для сладострастных забав, чтоб назло годам торопливым
Истинный возраст их скрыть искусственной этой задержкой.
Ищет природа себя, но не в силах найти, и эфебы
Нравятся всем изощренной походкою, мягкостью тела,
Нравятся кудри до плеч и одежд небывалые виды, -
Все, чем прельщают мужчин. Привезенный из Африки ставят
Крапчатый стол из лимонного дерева (злата дороже
Та древесина); рабы уберут его пурпуром пышным,
Чтобы он взор восхищал. круг этих заморских диковин,
Всеми напрасно ценимых, сбираются пьяные толпы.
Жаден бродяга-солдат, развращенный войной, ненасытен:
Выдумки - радость обжор; и клювыш из волны сицилийской
Прямо живьем подается к столу; уловляют в Лукрине
И продают для пиров особого вида ракушки,
Чтоб возбуждать аппетит утомленный. На Фасисе, верно,
Больше уж птиц не осталось: одни на немом побережье
Средь опустевшей листвы ветерки свою песнь распевают.
То же безумство на Марсовом поле; подкуплены златом,
Граждане там голоса подают ради мзды и наживы.
Стал продажен народ, и отцов продажно собранье!
Любит за деньги толпа; исчезла свободная доблесть
Предков; вместе с казной разоренный лишается власти.
Рухнуло даже величье само, изъедено златом.
Плебсом отвергнут Катон побежденный; но более жалок
Тот, кто, к стыду своему, лишил его ликторских связок.
Ибо - и в этом позор для народа и смерть благонравья! -
Не человек удален, а померкло владычество

има,
Честь сокрушилась его. И им, безнадежно погибший,
Сделался сам для себя никем не отмщенной добычей.
Рост баснословный процентов и множество медной монеты -
Эти два омута бедный народ, завертев, поглотили.
Кто господин в своем доме? Заложено самое тело!
Так вот сухотка, неслышно в глубинах тела возникнув,
Яростно члены терзает и выть заставляет от боли.
 войско идут бедняки и, достаток на роскошь растратив,
Ищут богатства в крови. Для нищего наглость - спасенье.
Рим, погрузившийся в грязь и в немом отупенье лежащий,
Может ли что тебя пробудить (если здраво размыслить),
Кроме свирепой войны и страстей, возбужденных оружьем?

[CXX] "Tres tulerat Fortuna duces, quos obruit omnes
armorum strue diversa feralis Enyo.
Crassum Parthus habet, Libyco iacet aequore Magnus,
Iulius ingratam perfudit sanguine Romam,
et quasi non posset tot tellus ferre sepulcra,
divisit cineres. Hos gloria reddit honores.
Est locus exciso penitus demersus hiatu
Parthenopen inter magnaeque Dicarchidos arva,
Cocyti perfusus aqua; nam spiritus, extra
qui furit effusus, funesto spargitur aestu.
Non haec autumno tellus viret aut alit herbas
caespite laetus ager, non verno persona cantu
mollia discordi strepitu virgulta locuntur,
sed chaos et nigro squalentia pumice saxa
gaudent ferali circum tumulata cupressu.
Has inter sedes Ditis pater extulit ora
bustorum flammis et cana sparsa favilla,
ac tali volucrem Fortunam voce lacessit:
'Rerum humanarum divinarumque potestas,
Fors, cui nulla placet nimium secura potestas,
quae nova semper amas et mox possessa relinquis,
ecquid Romano sentis te pondere victam,
nec posse ulterius perituram extollere molem?
Ipsa suas vires odit Romana iuventus
et quas struxit opes, male sustinet. Aspice late

CXX. Трех послала вождей Фортуна,- и всех их жестоко
Злая, как смерть, Энио погребла под грудой оружья.
Красс у парфян погребен, на почве Ливийской - еликий,
Юлий же кровию им обагрил, благодарности чуждый.
Точно не в силах нести все три усыпальницы сразу,
Их разделила земля. оздаст же им почести слава.
Место есть, где средь скал зияет глубокая пропасть
Парфенопейской земле по пути к Дикархиде великой,
Воды Коцита шумят в глубине, и дыхание ада
Рвется наружу из недр, пропитано жаром смертельным.
Осенью там не родятся плоды; даже травы не всходят
Там на тучном лугу; никогда огласиться не может
Мягкий кустарник весеннею песней, нестройной и звучной,
Мрачный там хаос царит, и торчат ноздреватые скалы,
И кипарисы толпой погребальною их

luxuriam spoliorum et censum in damna furentem.
Aedificant auro sedesque ad sidera mittunt, expelluntur aquae saxis, mare nascitur arvis, et permutata rerum statione rebellant. En etiam mea regna petunt. Perfossa dehiscit molibus insanis tellus, iam montibus haustis antra gemunt, et dum vanos lapis invenit usus, inferni manes caelum sperare fatentur. Quare age, Fors, muta pacatum in proelia vultum,
Romanosque cie, ac nostris da funera regnis. Iam pridem nullo perfundimus ora cruore, nec mea Tisiphone sitientis perluit artus, ex quo Sullanus bibit ensis et horrida tellus extulit in lucem nutritas sanguine fruges.'

окружают.
В этих пустынных местах Плутон свою голову поднял
(Пламя пылает на ней и лежит слой пепла седого).
С речью такою отец обратился к Фортуне крылатой:
"Ты, чьей власти дела вручены бессмертных и смертных,
Ты не миришься никак ни с одной устойчивой властью,
Новое мило тебе и постыло то, что имеешь;
Разве себя признаешь ты сраженной величием има?
Ты ли не в силах столкнуть обреченной на гибель громады?
В Риме давно молодежь ненавидит могущество Рима,
Груз добытых богатств ей в тягость. Видишь сама ты
Пышность добычи и роскошь, ведущую к гибели верной.
Строят из злата дома и до звезд воздвигают строенья,
Камень воды теснит, а море приходит на нивы, -
Все затевают мятеж и порядок природы меняют.
Даже ко мне они в царство стучатся, и почва зияет,
Взрыта орудьями этих безумцев, и стонут пещеры
опустошенных горах, и прихотям служат каменья,
А сквозь отверстья на свет ускользнуть надеются души.
Вот почему, о Судьба, нахмурь свои мирные брови,
Рим к войне побуди, мой удел мертвецами наполни.
Да, уж давненько я рта своего не омачивал кровью,
И Тисифона моя не омыла несытого тела,
С той поры, как поил клинок свой безжалостный Сулла
И взрастила земля орошенные кровью колосья".

[CXXI] "Haec ubi dicta dedit, dextrae coniungere dextram
conatus, rupto tellurem soluit hiatu. Tunc Fortuna levi defudit pectore voces: 'O genitor, cui Cocyti penetralia parent, si modo vera mihi fas est impune profari,

CXXI. Вымолвив эти слова и стремясь десницу с десницей
Соединить, он разверз огромной расщелиной землю.
Тут беспечная так ему отвечала Фортуна:
"О мой родитель, кому подчиняются недра

vota tibi cedent; nec enim minor ira rebellat pectore in hoc leviorque exurit flamma medullas. Omnia, quae tribui Romanis arcibus, odi muneribusque meis irascor. Destruet istas idem, qui posuit, moles deus. Et mihi cordi quippe cremare viros et sanguine pascere luxum. Cerno equidem gemina iam stratos morte Philippos Thessaliaeque rogos et funera gentis Hiberae. Iam fragor armorum trepidantes personat aures, Et Libyae cerno tua, Nile, gementia claustra, Actiacosque sinus et Apollinis arma timentes. Pande, age, terrarum sitientia regna tuarum atque animas accerse novas. Vix navita Porthmeus sufficiet simulacra virum traducere cumba; classe opus est. Tuque ingenti satiare ruina, pallida Tisiphone, concisaque vulnera mande: ad Stygios manes laceratus ducitur orbis.'

Коцита!
Если истину мне предсказать безнаказанно можно,
Сбудется воля твоя, затем что не меньшая ярость
В сердце кипит и в крови не меньшее пламя пылает.
Как я раскаялась в том, что радела о римских твердынях!
Как я дары ненавижу свои! Пусть им стены разрушит
То божество, что построило их. Я всем сердцем желаю
В пепел мужей обратить и кровью душу насытить,
Вижу, как дважды тела под Филиппами поле устлали,
Вижу могилы иберов и пламя костров фессалийских,
Внемлет испуганный слух зловещему лязгу железа.
В Ливии - чудится мне - стенают, о Нил, твои веси
В чаянье битвы актийской, в боязни мечей Аполлона.
Так отвори же скорей свое ненасытное царство,
Новые души готовься принять. Перевозчик едва ли
Призраки павших мужей на челне переправить сумеет:
Нужен тут флот. А ты пожирай убитых без счета,
О Тисифона, и глад утоляй кровавою пищей:
Целый изрубленный мир спускается к духам Стигийским".

[CXXII] "Vixdum finierat, cum fulgure rupta corusco intremuit nubes elisosque abscidit ignes. Subsedit pater umbrarum, gremioque reducto, telluris pavitans fraternos palluit ictus. Continuo clades hominum venturaque damna auspiciis patuere deum. Namque ore cruento deformis Titan vultum caligine texit: civiles acies iam tum spirare putares. Parte alia plenos extinxit Cynthia vultus et lucem sceleri subduxit. Rupta tonabant verticibus lapsis montis iuga, nec vaga passim flumina per notas ibant morientia ripas. Armorum strepitu caelum furit et tuba Martem sideribus tremefacta ciet, iamque Aetna voratur ignibus insolitis, et in aethera fulmina mittit. Ecce inter tumulos atque ossa carentia bustis

CXXII. Еле успела сказать, как, пробита молнией яркой,
Вздрогнула туча - и вновь пресекла прорвавшийся пламень.
В страхе присел повелитель теней и заставил сомкнуться
Недра земли, трепеща от раскатов могучего брата.
Вмиг избиенье мужей и разгром грядущий раскрылись
В знаменьях вышних богов. Титана лик искаженный
Сделался алым, как кровь, и подернулся мглою туманной,
Словно дымились уже сраженья гражданские кровью.
В небе с другой стороны свой полный лик

umbrarum facies diro stridore minantur.
Fax stellis comitata novis incendia ducit,
sanguineoque recens descendit Iuppiter imbre.
Haec ostenta brevi soluit deus. Exuit omnes
quippe moras Caesar, vindictaeque actus amore
Gallica proiecit, civilia sustulit arma.
"Alpibus aeriis, ubi Graio numine pulsae
descendunt rupes et se patiuntur adiri,
est locus Herculeis aris sacer: hunc nive dura
claudit hiemps canoque ad sidera vertice tollit.
Caelum illinc cecidisse putes: non solis adulti
mansuescit radiis, non verni temporis aura,
sed glacie concreta rigent hiemisque pruinis:
totum ferre potest umeris minitantibus orbem.
Haec ubi calcavit Caesar iuga milite laeto
optavitque locum, summo de vertice montis
Hesperiae campos late prospexit, et ambas
intentans cum voce manus ad sidera dixit:
'Iuppiter omnipotens, et tu, Saturnia tellus,
armis laeta meis olimque onerata triumphis,
testor ad has acies invitum arcessere Martem,
invitas me ferre manus. Sed vulnere cogor,
pulsus ab urbe mea, dum Rhenum sanguine tingo,
dnm Gallos iterum Capitolia nostra petentes
Alpibus excludo, vincendo certior exul.
Sanguine Germano sexagintaque triumphis
esse nocens coepi. Quamquam quos gloria terret,
aut qui sunt qui bella vident? Mercedibus emptae
ac viles operae, quorum est mea Roma noverca.
At reor, haud impune, nec hanc sine vindice dextram
vinciet ignavus. Victores ite furentes,
ite mei comites, et causam dicite ferro.
Iamque omnes unum crimen vocat, omnibus una
impendet clades. Reddenda est gratia vobis,
non solus vici. Quare, quia poena tropaeis
imminet, et sordes meruit victoria nostra,
iudice Fortuna cadat alea. Sumite bellum
et temptate manus. Certe mea causa peracta est:
inter tot fortes armatus nescio vinci.'
Haec ubi personuit, de caelo Delphicus ales
omina laeta dedit pepulitque meatibus auras.
Nec non horrendi nemoris de parte sinistra
insolitae voces flamma sonuere sequenti.
Ipse nitor Phoebi vulgato laetior orbe
crevit, et aurato praecinxit fulgure vultus.

погасила
Кинфия, ибо она освещать не посмела злодейства.
С грохотом рушились вниз вершины гор и потоки,
Русла покинув свои, меж новых брегов умирали.
Звон мечей потрясает эфир, и военные трубы
В небе Марса зовут. И Этна, вскипев, изрыгнула
Пламень, досель небывалый, взметая искры до неба.
Вот среди свежих могил и тел, но почтенных сожженьем,
Призраки ликом ужасным и скрежетом злобным пугают,
В свите невиданных звезд комета сеет пожары,
Сходит Юпитер могучий кровавым дождем на равнины.
Знаменья эти спешит оправдать божество, и немедля
Цезарь, забыв колебанья и движимый жаждою мести,
Галльскую бросил войну и войну гражданскую начал.
В Альпах есть место одно, где скалы становятся ниже.
И открывают проход, раздвинуты греческим богом.
Там алтари Геркулеса стоят и горы седые,
Скованы вечной зимой, до звезд вздымают вершины.
Можно подумать, что нет над ними небес: не смягчают
Стужи ни солнца лучи, ни теплые вешние ветры.
Все там сдавлено льдом и покрыто инеем зимним.
Может вершина весь мир удержать на плечах своих грозных.
Цезарь могучий, тот кряж попирая с веселою ратью,
Это место избрал и стал на скале высочайшей,
Взглядом широким кругом есперийское поле окинул.
Обе руки простирая к небесным светилам, воскликнул:
"О всемогущий Юпитер и вы, Сатурновы земли,
Что ликовали со мной победам моим и триумфам,

Вы мне свидетели в том, что Марса зову против воли
И против воли подъемлю я меч, лишь обидою движим:
В час, когда кровью врагов обагряю я рейнские воды,
В час, когда галлам, что вновь стремились взять Капитолий,
К Альпам я путь преградил, меня изгоняют из има.
Кровь германцев-врагов, шестьдесят достославных сражений -
Вот преступленья мои! Но кого же страшит моя слава?
Кто это бредит войной? есстыдно подкупленный златом
Сброд недостойных наймитов и пасынков нашего има!
Кара их ждет! И руки, что я занес уж для мщенья,
Трусы не смогут связать! Так в путь, победные рати!
В путь, мои спутники верные! Тяжбу решите железом.
Всех нас одно преступленье зовет и одно наказанье
Нам угрожает. Но нет! Должны получить вы награду!
Я не один побеждал. Но если за ваши триумфы
Пыткой хотят нам воздать и за наши победы - позором,
Пусть наш жребий решит Судьба. Пусть усобица вспыхнет!
Силы пора испытать! Уже решена наша участь:
В сонме таких храбрецов могу ли я быть побежденным?"
Только лишь вымолвил он, как Дельфийская птица явила
Знаменье близких побед, разрезая воздух крылами.
Тут же послышался слева из чащи ужасного леса
Гул голосов необычных, и сразу блеснула зарница.
Тут и Феба лучи веселей, чем всегда, засверкали,
Вырос солнечный круг, золотым овит ореолом.

[CXXIII] "Fortior ominibus movit Mavortia signa Caesar, et insolitos gressu prior occupat ausus. Prima quidem glacies et cana vincta pruina

CXXIII. Знаменьем сим ободрен, Маворсовы двинул знамена
Цезарь и смело вступил на путь, для него

non pugnavit humus mitique horrore quievit.
Sed postquam turmae nimbos fregere ligatos
et pavidus quadrupes undarum vincula rupit,
incalvere nives. Mox flumina montibus altis
undabant modo nata, sed haec quoque — iussa putares —
stabant, et vincta fluctus stupuere ruina,
et paulo ante lues iam concidenda iacebat.
Tum vero male fida prius vestigia lusit
decepitque pedes; pariter turmaeque virique
armaque congesta strue deplorata iacebant.
Ecce etiam rigido concussae flamine nubes
exonerabantur, nec rupti turbine venti
derant, aut tumida confractum grandine caelum.
Ipsae iam nubes ruptae super arma cadebant,
et concreta gelu ponti velut unda ruebat.
Victa erat ingenti tellus nive victaque caeli
sidera, victa suis haerentia flumina ripis:
nondum Caesar erat; sed magnam nixus in hastam
horrida securis frangebat gressibus arva,
qualis Caucasea decurrens arduus arce
Amphitryoniades, aut torvo Iuppiter ore,
cum se verticibus magni demisit Olympi
et periturorum deiecit tela Gigantum.
"Dum Caesar tumidas iratus deprimit arces,
interea volucer molis conterrita pinnis
Fama volat summique petit iuga celsa Palati,
atque hoc Romano tonitru ferit omnia signa:
iam classes fluitare mari totasque per Alpes
fervere Germano perfusas sanguine turmas.
Arma, cruor, caedes, incendia totaque bella
ante oculos volitant. Ergo pulsata tumultu
pectora perque duas scinduntur territa causas.
Huic fuga per terras, illi magis unda probatur,
et patria pontus iam tutior. Est magis arma
qui temptare velit fatisque iubentibus uti.
Quantum quisque timet, tantum fugit. Ocior ipse
hos inter motus populus, miserable visu,
quo mens icta iubet, deserta ducitur urbe.
Gaudet Roma fuga, debellatique Quirites
rumoris sonitu maerentia tecta relinquunt.
Ille manu pavida natos tenet, ille penates
occultat gremio deploratumque relinquit
limen, et absentem votis interficit hostem.
Sunt qui coniugibus maerentia pectora iungant,
grandaevosque patres onerisque ignara iuventus.
Id pro quo metuit, tantum trahit. Omnia secum
hic vehit imprudens praedamque in proelia ducit:
ac velut ex alto cum magnus inhorruit auster
et pulsas evertit aquas, non arma ministris,
non regumen prodest, ligat alter pondera pinus,
alter tuta sinus tranquillaque litora quaerit:

непривычный.
Первое время и лед и земля, от мороза седого
Твердая, им не мешали идти, от ужаса немы.
Но, когда через льды переправились храбрые турмы
И под ногами коней затрещали оковы потоков,
Тут растопились снега, и, зачатые в скалах высоких,
Ринулись в долы ручьи. Но, как бы покорны приказу,
Вдруг задержались, прервав свой бег разрушительный, воды.
То, что недавно текло, уж надо рубить топорами.
Тут-то обманчивый лед изменяет впервые идущим,
Почва скользит из-под ног. перемежку и кони, и люди,
Копья, мечи, и щиты - все свалено в жалкую кучу.
Кроме того, облака, потрясенные ветром холодным,
Груз свой на землю льют, и вихри холодные дуют,
А из разверстых небес низвергается град изобильный,
Кажется, тучи с высот спустились на бедные рати,
И точно море на них замерзшие волны катило.
Скрыта под снегом земля, и скрыты за снегом светила,
Скрыты рек берега и меж них застывшие воды.
Но не повержен был Цезарь: на дрот боевой опираясь,
Шагом уверенным он рассекал эти страшные нивы.
Так же безудержно мчал с отвесной твердыни Кавказа
Пасынок Амфитриона; Юпитер с разгневанным ликом
Так же когда-то сходил с высоких вершин Олимпийских,
Чтоб осилить напор осужденных на гибель гигантов.
Но, пока Цезарь во гневе смиряет надменные Альпы,
Мчится Молва впереди и крылами испуганно машет.
Вот уж взлетела она на возвышенный верх Палатина
И, словно громом, сердца поразила римлянам

hic dat vela fugae Fortunaeque omnia credit.
Quid tam parva queror? Gemino cum consule Magnus
ille tremor Ponti saevique repertor Hydaspis
et piratarum scopulus, modo quem ter ovantem
Iuppiter horruerat, quem tracto gurgite Pontus
et veneratus erat submissa Bosporos unda,
pro pudor! imperii deserto nomine fugit,
ut Fortuna levis Magni quoque terga videret.

вестью:
 море-де вышли суда, и всюду по склонам альпийским
Сходят лавиной войска, обагренные кровью германцев.
Раны, убийства, бои, пожары и всяческий ужас
Сразу пред взором встают, и сердце бьется в смятенье.
Ум, пополам разрываясь, не знает, за что ухватиться.
Эти сушей бегут, а те доверяются морю.
Понт безопасней отчизны. Но есть среди граждан такие,
Что, покоряясь Судьбе, спасения ищут в оружье.
Тот, кто боится сильней, тот дальше бежит. Но всех раньше
Жалкая с виду чернь, средь этих усобиц и распрей,
Из опустевшего града уходит куда ни попало.
Бегством им упоен. Одной молвою квириты
Побеждены и бегут, покидая печальные кровли.
Этот дрожащей рукой детей за собою уводит,
Прячет тот на груди пенатов, в слезах покидая
Милый порог, и проклятьем врагов поражает заочно.
Третьи к сердцу, скорбя, возлюбленных жен прижимают,
На плечи старых отцов берет беззаботная юность.
То уносят с собой, за что опасаются больше.
Глупый увозит весь дом, врагу доставляя добычу.
Так же бывает, когда разбушуется ветер восточный,
 море взметая валы, - ни снасти тогда мореходам
Не помогают, ни руль. Один паруса подбирает,
Судно стремится другой направить в спокойную гавань,
Третий на всех парусах убегает, доверяет. Фортуне...
Бросим же мелких людей! от консулы, с ними еликий,
Ужас морей, проложивший пути к побережьям идаспа,
Риф, о который разбились пираты, кому в троекратной
Славе дивился Юпитер, кто Понт сломил

побежденный,
Тот, покорились кому раболепные волны осфора, -
Стыд и позор! - он бежит, оставив величие власти.
Видит впервые Судьба легкокрылая спину Помпея.

[CXXIV] "Ergo tanta lues divum quoque numina vidit consensitque fugae caeli timor. Ecce per orbem mitis turba deum terras exosa furentes deserit, atque hominum damnatum avertitur agmen. Pax prima ante alias niveos pulsata lacertos abscondit galea victum caput, atque relicto orbe fugax Ditis petit implacabile regnum. Huic comes it submissa Fides, et crine soluto Iustitia, ac maerens lacera Concordia palla. At contra, sedes Erebi qua rupta dehiscit, emergit late Ditis chorus, horrida Erinys, et Bellona minax, facibusque armata Megaera, Letumque, Insidiaeque, et lurida Mortis imago. Quas inter Furor, abruptis ceu liber habenis, sanguineum late tollit caput, oraque mille vulneribus confossa cruenta casside velat; haeret detritus laevae Mavortius umbo innumerabilibus telis gravis, atque flagranti stipite dextra minax terris incendia portat. Sentit terra deos, mutataque sidera pondus quaesivere suum; namque omnis regia caeli in partes diducta ruit. Primumque Dione Caesaris acta sui ducit, comes additur illi Pallas, et ingentem quatiens Mavortius hastam. Magnum cum Phoebo soror et Cyllenia proles excipit, ac totis similis Tirynthius actis. Intremuere tubae, ac scisso Discordia crine extulit ad superos Stygium caput. Huius in ore concretus sanguis, contusaque lumina flebant, stabant aerati scabra rubigine dentes, tabo lingua fluens, obsessa draconibus ora, atque inter torto laceratam pectore vestem sanguineam tremula quatiebat lampada dextra. Haec ut Cocyti tenebras et Tartara liquit, alta petit gradiens iuga nobilis Appennini, unde omnes terras atque omnia litora posset aspicere ac toto fluitantes orbe catervas, atque has erumpit furibundo pectore voces: 'Sumite nunc gentes accensis mentibus arma, sumite et in medias immittite lampadas urbes. Vincetur, quicumque latet; non femina cesset, non puer aut aevo iam desolata senectus; ipsa tremat tellus lacerataque tecta rebellent. Tu legem, Marcelle, tene. Tu concute plebem,

CXXIV. Эта чума наконец даже самых богов заражает:
Страх небожителей к бегству толкает. И вот отовсюду
Сонмы богов всеблагих, гнушаясь землей озверевшей,
Прочь убегают, лицо отвратив от людей обреченных.
Мир летит впереди, белоснежными машет руками,
Шлемом покрывши чело побежденное и покидая
Землю, пугливо бежит в беспощадные области Дита.
С ним же, потупившись, ерность уходит, затем Справедливость,
Косы свои распустив, и Согласье в истерзанной палле.
это же время оттуда, где царство Эреба разверзлось,
Вынырнул сонм ратоборцев Плутона: Эриния злая,
Грозная видом еллона и с факелом страшным Мегера,
Козни, Убийство и Смерть с ужасною бледной личиной.
Ярость, узду разорвав, на свободу меж ними несется;
Голову гордо она подъемлет и лик, испещренный
Тысячей ран, прикрывает своим окровавленным шлемом.
Щит боевой на левой руке висит, отягченный
Грузом вонзившихся стрел, а в правой руке она держит
Факел зловещий, по всей земле рассевая пожары.
Тут ощутила земля могущество вышних. Светила
Тщетно хотят обрести равновесие вновь. азделяет
Также всевышних вражда: во всем помогает Диона
Цезарю, милому ей, а с нею Паллада Афина
верном союзе и омул, копьем потрясающий мощным.

Curio. Tu fortem ne supprime, Lentule, Martem. Quid porro tu, dive, tuis cunctaris in armis, non frangis portas, non muris oppida solvis thesaurosque rapis? Nescis tu, Magne, tueri Romanas arces? Epidamni moenia quaere, Thessalicosque sinus humano sanguine tingue.' "Factum est in terris quicquid Discordia iussit." Cum haec Eumolpos ingenti volubilitate verborum effudisset, tandem Crotona intravimus. Vbi quidem parvo deversorio refecti, postero die amplioris fortunae domum quaerentes incidimus in turbam heredipetarum sciscitantium quod genus hominum. aut unde veniremus. Ex praescripto ergo consilii communis exaggerata verborum volubilitate, unde aut qui essemus haud dubie credentibus indicavimus. Qui statim opes suas summo cum certamine in Eumolpium congesserunt. <. . .>

Руку еликого держат с сестрою Феб, и Килленский
Отпрыск, и сходный в делах с Помпеем тиринфский воитель.
Вот загремела труба, и аздор, растрепав свои космы,
Поднял навстречу богам главу, достойную ада:
Кровь на устах запеклась, и плачут подбитые очи;
Зубы торчат изо рта, покрытые ржавчиной гнусной;
Яд течет с языка, извиваются змеи вкруг пасти
И на иссохшей груди, меж складками рваной одежды.
Правой дрожащей рукой он подъемлет кровавый светильник.
Бог сей, страшный Коцит и сумрачный Тартар покинув,
Быстро шагая, взошел на хребет Апеннин достославных.
Мог обозреть он с вершин все земли, и все побережья.
И затопившие мир, словно волны, грозные рати.
Тут из свирепой груди такую он речь испускает:
"Смело возьмите мечи, о народы, душой распалившись,
Смело возьмите - и факел пожара несите по весям:
Кто укрывается, будет разбит. Поражайте и женщин,
И слабосильных детей, и годами согбенную старость.
Пусть содрогнется земля и с треском обрушатся кровли.
Так предлагай же законы, Марцелл! Подстрекай же плебеев,
О Курион! Не удерживай, Лентул, могучего Марса!
Что же, божественный, ты, одетый доспехами, медлишь,
Не разбиваешь ворот, городских укреплений не рушишь,
Не похищаешь казны? еликий! Иль ты не умеешь
Рима твердыни хранить! Так беги же к стенам Эпидамна
И Фессалийский залив обагри человеческой кровью!"
Так и свершилося все на земле по приказу

Раздора.

Когда Эвмолп весьма бойко прочел свою поэму, мы вступили в Кротону. Отдохнув и подкрепив свои силы в небольшой гостинице, мы на следующий же день отправились поискать жилище побогаче и как раз попали в толпу охотников за наследствами; немедля принялись они нас расспрашивать, что мы за люди и откуда прибыли. Мы же, согласно выработанному особому плану, с чрезмерной даже бойкостью рассказали, кто мы и откуда, а они поверили нам, ни в чем и не усомнившись, и все тотчас принялись сносить Эвмолпу свои богатства, соревнуясь друг с другом... Все охотники за наследством стали наперебой домогаться расположения Эвмолпа подарками...

[CXXV] Dum haec magno tempore Crotone aguntur <. . .> et Eumolpus felicitate plenus prioris fortunae esset oblitus statum, adeo ut suis iactaret neminem gratiae suae ibi posse resistere impuneque suos, si quid deliquissent in ea urbe, beneficio amicorum laturos. Ceterum ego, etsi quotidie magis magisque superfluentibus bonis saginatum corpus impleveram, putabamque a custodia mei removisse vultum Fortunam, tamen saepius tam consuetudinem meam cogitabam quam causam, et: "Quid, aiebam, si callidus captator exploratorem in Africam miserit mendaciumque deprehenderit nostrum? Quid, si etiam mercennarius praesenti felicitate lassus indicium ad amicos detulerit, totamque fallaciam invidiosa proditione detexerit? Nempe rursus fugiendum erit, et tandem expugnata paupertas nova mendicitate revocanda. Dii deaeque, quam male est extra legem viventibus! quicquid meruerunt, semper expectant". <. . .>

CXXV. Уже довольно долго шли таким образом дела наши в Кротоне; и Эвмолп, упоенный удачей, до того забыл о прежнем своем положении, что начал хвастать перед своими присными, будто никто в этом городе не в силах больше устоять перед его влиянием и что, если бы они в чем-нибудь провинились, все равно это сошло бы им с рук с помощью его друзей. Хотя я, благодаря изобильному притоку всяческих благ, с каждым днем все больше отъедался и полнел и думал, что наконец-то Фортуна отвернулась и перестала меня осаждать, - однако частенько стал задумываться и над своим нынешним положением, и над его причиной.

"А что, - говорил я себе, - если тот мошенник, который похитрее, отправит в Африку разведчика и уличит нас во лжи? Что, если наемный слуга, пресытившись нынешним благоденствием, пойдет и донесет на своих друзей и своей гнусной изменой раскроет всю нашу проделку? Ведь снова придется удирать и снова впасть в только что побежденную бедность и нищенствовать. О боги и богини, как тяжко приходится живущим не по закону: они всегда ждут того, что заслужили..."

[CXXVI] CHRYSIS ANCILLA CIRCES AD POLYAENVM: "Quia nosti venerem tuam, superbiam captas vendisque amplexus, non commodas. Quo enim spectant flexae pectine comae, quo facies medicamine attrita et oculorum quoque mollis petulantia; quo incessus arte compositus et ne vestigia quidem pedum extra mensuram aberrantia, nisi quod formam prostituis ut vendas? Vides me: nec auguria novi nec mathematicorum caelum curare soleo; ex

CXXVI. [Хрисида, служанка Киркеи, Полиэну] - ...ты уверен в своей неотразимости и поэтому, загордившись, торгуешь объятиями, а не даришь их. Зачем эти тщательно расчесанные волосы? Зачем лицо покрыто румянами? К чему эта нежная игра глазами, эта искусственная походка и шаги, ровно размеренные? Разве не для того, чтобы выставлять красоту свою на продажу? згляни на меня: по птицам я не гадаю, по звездам не

vultibus tamen hominum mores colligo, et cum spatiantem vidi, quid cogites scio. Sive ergo nobis vendis quod peto, mercator paratus est, sive, quod humanius est, commodas, effice ut beneficium debeam. Nam quod servum te et humilem fateris, accendis desiderium aestuantis. Quaedam enim feminae sordibus calent, nec libidinem concitant, nisi aut servos viderint aut statores altius cinctos. Arena aliquas accendit, aut perfusus pulvere mulio, aut histrio scaenae ostentatione traductus. Ex hac nota domina est mea; usque ab orchestra quattuordecim transilit, et in extrema plebe quaerit quod diligat."

Itaque oratione blandissima plenus: "Rogo, inquam, numquid illa, quae me amat, tu es?" Multum risit ancilla post tam frigidum schema et: "Nolo, inquit, tibi tam valde placeas. Ego adhuc servo nunquam succubui, nec hoc dii sinant ut amplexus meos in crucem mittam. Viderint matronae, quae flagellorum vestigia osculantur; ego etiam si ancilla sum, nunquam tamen nisi in equestribus sedeo." Mirari equidem tam discordem libidinem coepi atque inter monstra numerare, quod ancilla haberet matronae superbiam et matrona ancillae humilitatem.

Procedentibus deinde longius iocis rogavi ut in platanona produceret dominam. Placuit puellae consilium. Itaque collegit altius tunicam flexitque se in eum daphnona, qui ambulationi haerebat. Nec diu morata dominam producit e latebris, laterique meo applicat mulierem omnibus simulacris emendatiorem. Nulla vox est quae formam eius possit comprehendere, nam quicquid dixero minus erit. Crines ingenio suo flexi per totos se umeros effuderant, frons minima et quae radices capillorum retro flexerat, supercilia usque ad malarum scripturam currentia et rursus confinio luminum paene permixta, oculi clariores stellis extra lunam fulgentibus, nares paululum inflexae et osculum quale Praxiteles habere Dianam credidit. Iam mentum, iam cervix, iam manus, iam pedum candor intra auri gracile vinculum positus: Parium marmor extinxerat. Itaque tunc primum Dorida vetus amator contempsi. <. . .>

Quid factum est, quod tu proiectis, Iuppiter,armis inter caelicolas fabula muta taces? Nunc erat a torva submittere cornua fronte, nunc pluma canos dissimulare tuos. Haec vera est Danae. Tempta modo tangere corpus,

iam tua flammifero membra calore fluent.

читаю; но умею узнавать нрав по обличью, и лишь только увидала тебя на прогулке, так сразу поняла, каков ты. Так вот, если ты продаешь то, что нам требуется, так - ваш товар, наш купец; если же - что более достойно человека - ты делишься бескорыстно, то сделай и нам одолжение. А что касается твоих слов, будто ты раб и человек низкого происхождения, - так этим ты только разжигаешь желание жаждущей. Некоторым женщинам то и подавай что погрязнее: сладострастие в них просыпается только при виде раба или вестового с подобранными полами. Других распаляет вид гладиатора, или покрытого пылью погонщика мулов, или, наконец, актера, выставляющего себя на сцене напоказ. от из такого же сорта женщин и моя госпожа: ближе чем на четырнадцать рядов к орхестре не подходит и только среди самых подонков черни отыскивает себе то, что ей по сердцу. Тут я, захваченный этой ласковой речью, говорю ей:

- Да скажи, пожалуйста, уж не ты ли та самая, что в меня влюбилась?

Служанка рассмеялась над этой неудачной догадкой и ответила:

- Прошу не мнить о себе так высоко: до сих пор я никогда еще не отдавалась рабу; надеюсь, боги и впредь не допустят, чтобы я прибивала на крест свои ласки. Я предоставляю матронам целовать рубцы от плетей; я же хоть и рабыня, а никогда не сижу дальше всаднических мест.

Я не мог не подивиться такому несоответствию страстей и отнес к числу чудес то, что служанка метит высоко, словно матрона, а у матроны вкус низкий, как у служанки.

Мы довольно долго вели этот шутливый разговор; наконец я попросил рабыню привести свою госпожу в платановую рощу. Девице этот совет понравился, и, подобрав повыше тунику, она свернула в лавровую рощицу, примыкавшую к аллее. Немного спустя она вновь показалась, ведя с собой из этого укромного уголка свою госпожу. И вот подводит она ко мне женщину, краше всех картин и статуй. Нет слов описать эту красоту: что бы я ни сказал - все будет мало. Кудри, от природы вьющиеся, распущены по плечам, лоб не высокий, хотя волосы и зачесаны назад; брови - до самых скул, и над переносицей почти срослись; глаза - ярче

звезд в безлунную ночь, крылья носа чуточку изогнуты, а ротик подобен устам Дианы, какими придумал их Пракситель. А уж подбородок, а шея, а руки, а ноги, изящно охваченные золотой перевязью сандалий! елизной они затмевали паросский мрамор. Тут я впервые презрел свою прежнюю любовь, Дориду...

Как это вышло, что ты сложил оружье, Юпитер,

Сделался сказкой немой, смолк средь небесных богов?

Вот бы когда тебе лоб украсить витыми рогами,

Дряхлую скрыть седину под лебединым пером.

Подлинно здесь пред тобою Даная, коснись ее тела -

И огнедышащий жар члены пронижет твои...

[CXXVII] Delectata illa risit tam blandum, ut videretur mihi plenum os extra nubem luna proferre. Mox digitis gubernantibus vocem: "Si non fastidis, inquit, feminam ornatam et hoc primum anno virum expertam, concilio tibi, o iuvenis, sororem. Habes tu quidem et fratrem — neque enim me piguit inquirere — sed quid prohibet et sororem adoptare? Eoden gradu venio. Tu tantum dignare et meum osculum, cum libuerit, agnoscere. — Immo, inquam, ego per formam tuam te rogo, ne fastidias hominem peregrinum inter cultores admittere. Invenies religiosum, si te adorari permiseris. Ac ne me iudices ad hoc templum Amoris gratis accedere, dono tibi fratrem meum. — Quid? tu, inquit illa, donas mihi eum, sine quo non potes vivere, ex cuius osculo pendes, quem sic tu amas, quemadmodum ego te volo?" Haec ipsa cum diceret, tanta gratia conciliabat vocem loquentis, tam dulcis sonus pertemptatum mulcebat aera, ut putares inter auras canere Sirenum concordiam. Itaque miranti, et toto mihi caelo clarius nescio quid relucente, libuit deae nomen quaerere. "Ita, inquit, non dixit tibi ancilla mea Circen me vocari? Non sum quidem Solis progenies, nec mea mater, dum placet, labentis mundi cursum detinuit. Habebo tamen quod caelo imputem, si nos fata coniunxerint. Immo iam nescio quid tacitis cogitationibus deus agit. Nec sine causa Polyaenon Circe amat: semper inter haec nomina magna fax surgit. Sume ergo amplexum, si placet. Neque est quod curiosum aliquem extimescas: longe ab hoc loco frater est." Dixit haec Circe, implicitumque me brachiis

CXXVII. Восхищенная этими стихами, она так обворожительно рассмеялась, что мне показалось, будто полная луна выглянула из-за тучи. Затем она, оттеняя слова свои жестами пальчиков, сказала мне:

- Если ты, юноша, не отвергнешь с презрением женщины изящной и лишь в этом году узнавшей, что такое мужчина, - то возьми меня себе в сестры. Я знаю, что у тебя уже есть братец, - я не постыдилась навести о тебе справки, - но что же мешает тебе завести и сестру? Я предлагаю себя на тех же началах; ты же только соблаговоли, когда тебе будет угодно, узнать сладость моих поцелуев.

- Напротив, - отвечаю я, - я умоляю тебя во имя твоей красоты, чтобы ты не погнушалась принять чужеземца в число своих поклонников. И если ты позволишь мне обожать тебя, то найдешь во мне набожного богомольца. А чтобы ты знала, что не с пустыми руками вступаю я в храм Любви, - я приношу тебе в жертву своего брата!

- Как? Ты ради меня отказываешься от того, без которого не можешь жить? Того, чьи поцелуи держат тебя в рабстве? Кого ты любишь так, как я хотела бы быть любимой тобою?

Когда она это говорила, такая сладость была в ее голосе, такие дивные звуки наполняли воздух, что казалось, будто ветерки доносят согласный хор сирен. Небо надо мной в это время сияло почему-то ярче, чем прежде, и стоял я, охваченный удивлением, пока

mollioribus pluma deduxit in terram vario gramine indutam.

Idaeo quales fudit de vertice flores Terra parens, cum se concesso iunxit amori Iuppiter et toto concepit pectore flammas: emicuere rosae violaeque et molle cyperon, albaque de viridi riserunt lilia prato: talis humus Venerem molles clamavit in herbas candidiorque dies secreto favit amori. In hoc gramine pariter compositi mille osculis lusimus quaerentes voluptatem robustam. <. . .>

наконец не захотелось мне спросить об имени богини, на что она тут же ответила:

- Значит, служанка моя не сказала тебе, что меня зовут Киркеей? Я, конечно, не дочь Солнца, и мать моя никогда не могла по своей прихоти задержать бег заходящего светила. Однако, если судьба нас соединит, то и у меня будет, за что благодарить небеса. Да, сокровенные помыслы какого-то бога руководят нами. Не без причины любит Киркея Полиэна: где ни столкнутся эти два имени, яркий пламень загорается между ними. Так возьми же, если хочешь, меня в объятья. Здесь тебе незачем бояться соглядатая: брат твой далеко отсюда.

Сказав это, Киркея обвила меня нежными, как пух, руками и увлекла за собой на землю, одетую цветами и травами.

Те же цветы расцвели, что древле взрастила на Иде
Матерь-земля в тот день, когда дозволенной страстью
Зевс упивался и грудь преисполнил огнем вожделенья:
Выросли розы вкруг нас, фиалки и кипер нежнейший,
Белые лилии нам улыбались с лужайки зеленой.
Так заманила земля енеру на мягкие травы,
И ослепительный день потворствовал тайнам любовным.

Растянувшись рядом на траве, мы играючи обменивались тысячей поцелуев, стараясь, чтобы наслаждение наше обрело силу...

[CXXVIII] CIRCE AD POLYAENVM: "Quid est? inquit; numquid te osculum meum offendit? Numquid spiritus ieiunio marcet? Numquid alarum negligens sudor? Puto, si haec non sunt, numquid Gitona times?" Perfusus ego rubore manifesto etiam si quid habueram virium, perdidi, totoque corpore velut laxato:

"Quaeso, inquam, regina, noli suggillare miserias. Veneficio contactus sum". <. . .>

CIRCE: "Dic, Chrysis, sed verum: numquid indecens sum? Numquid incompta? numquid ab aliquo naturali vitio formam meam excaeco? Noli decipere dominam tuam. Nescio quid peccavimus." Rapuit deinde tacenti speculum, et postquam omnes vultus temptavit, quos solet inter amantes risus fingere, excussit vexatam solo vestem raptimque aedem Veneris intravit. Ego contra damnatus et quasi quodam visu in horrorem perductus interrogare animum meum

CXXVIII. - Что же это? - сказала она. - Разве поцелуи мои так противны? Или мужество твое ослабло от поста? Или, может быть, от неряшливости подмышки мои пахнут потом? А если ничего этого нет, то уж не боишься ли ты Гитона?

Краска стыда залила мне лицо, и даже остатка сил я лишился; все тело у меня размякло, и я пробормотал:

- Царица моя, будь добра, не добивай несчастного: я опоен отравою...

- Хрисида, скажи мне, но только правду: неужели я так уж противна? Не причесана, что ли? Или, быть может, какой-нибудь природный изъян портит мою красоту? Только не обманывай госпожу свою. Право, не знаю, чем мы с тобой провинились.

Потом, вырвав из рук молчавшей служанки зеркало, она испытала перед ним все ужимки,

coepi, an vera voluptate fraudatus essem.

Nocte soporifera veluti cum somnia ludunt errantes oculos effossaque protulit aurum in lucem tellus: versat manus improba furtum thesaurosque rapit, sudor quoque perluit ora et mentem timor altus habet, ne forte gravatum excutiat gremium secreti conscius auri: mox ubi fugerunt elusam gaudia mentem veraque forma redit, animus, quod perdidit, optat

atque in praeterita se totus imagine versat. <. . .>

GITON AD ENCOLPION: "Itaque hoc nomine tibi gratias ago, quod me Socratica fide diligis. Non tam intactus Alcibiades in praeceptoris sui lecto iacuit".

которые обычны у любящих во время нежных забав, затем отряхнула платье, измявшееся на земле, и поспешно вошла в храм Венеры.

Я же, точно осужденный, точно перепуганный каким-то ужасным видением, принялся спрашивать себя в душе, не были ли услады, которых я только что лишился, просто плодом моего воображения.

Ночь, навевая нам сон, нередко морочит виденьем

Взор обманутый наш: разрытая почва являет

Золото нам, и рука стремится к покраже бесчестной,

Клад золотой унося. Лицо обливается потом;

Ужасом дух наш объят: а вдруг ненароком залезет

Кто-нибудь, сведав про клад, в нагруженную пазуху вора? -

Но, едва убегут от обманутых чувств сновиденья,

Явь воцаряется вновь, а дух по утерянном плачет

И погружается весь в пережитые ночью виденья...

[Гитон - Энколпию]

- В таком случае - премного благодарен: ты, значит, любишь меня на манер Сократа. Даже Алкивиад никогда не вставал таким незапятнанным с ложа своего наставника...

[Энколпий - Гитону]

[CXXIX] ENCOLPIVS AD GITONEM: "Crede mihi, frater, non intellego me virum esse, non sentio. Funerata est illa pars corporis, qua quondam Achilles eram". <. . .>

Veritus puer ne in secreto deprehensus daret sermonibus locum, proripuit se et in partem aedium interiorem fugit. <. . .>

Cubiculum autem meum Chrysis intravit, codicillosque mihi dominae suae reddidit, in quibus haec erant scripta: "CIRCE POLYAENO SALVTEM. Si libidinosa essem, quererer decepta; nunc etiam languori tuo gratias ago. In umbra voluptatis diutius lusi. Quid tamen agas quaero, et an tuis pedibus perveneris domum; negant enim medici sine nervis homines ambulare posse. Narrabo tibi, adulescens, paralysin cave. Nunquam ego aegrum tam magno periculo vidi; medius iam peristi. Quod si idem frigus genua manusque temptaverit tuas, licet ad tubicines mittas. Quid ergo est? Etiam si gravem iniuriam accepi, homini tamen misero non invideo medicinam. Si vis sanus esse, Gitonem roga. Recipies, inquam, nervos tuos, si triduo sine

CXXIX. - Поверь мне, братец: я сам не считаю, не чувствую себя мужчиной. Похоронена часть моего тела, некогда уподоблявшая меня Ахиллу...

Боясь, как бы кто-нибудь, застав его наедине со мною, не распустил по городу сплетен, мальчик мой от меня убежал и скрылся во внутренней части дома...

Ко мне в комнату вошла Хрисида и вручила мне от госпожи своей таблички с таким письмом:

"Киркея Полиэну - привет.

Будь я распутницей, я, конечно, принялась бы жаловаться на то, что была обманута; я же, наоборот, даже благодарна твоей слабости, потому что из-за нее я дольше нежилась под сенью наслаждения. Но скажи мне, пожалуйста, как твои дела и на собственных ли ты ногах добрался до дому: ведь врачи говорят, что расслабленные и ходить не могут. Говорю тебе, юноша, бойся паралича. Ни разу не встречала я столь опасно больного. Ей-богу, ты уже полумертв! И если

fratre dormieris. Nam quod ad me attinet, non timeo ne quis inveniatur cui minus placeam. Nec speculum mihi nec fama mentitur. Vale, si potes." Vt intellexit Chrysis perlegisse me totum convicium: "Solent, inquit, haec fieri, et praecipue in hac civitate, in qua mulieres etiam lunam deducunt. <. . .> Itaque huius quoque rei cura agetur. Rescribe modo blandius dominae, animumque eius candida humanitate restitue. Verum enim fatendum: ex qua hora iniuriam accepit, apud se non est". Libenter quidem parui ancillae, verbaque codicillis talia imposui:

такая же вялость охватила и колени твои, и руки - пора, значит, тебе посылать за трубачами. Но все равно: хотя ты и нанес мне тяжкое оскорбление, я не откажу страдальцу в лекарстве. Так вот, если хочешь вернуть себе здоровье, проси его у Гитона: три ночи один, и сила вернется к тебе. А что до меня, то мне нечего опасаться: у любого я буду иметь больший успех, чем у тебя. Ни зеркало, ни молва меня не обманывают. Будь здоров, если можешь".

Убедившись, что я прочел все эти издевательства, Хрисида сказала мне:

- Это может случиться со всяким, особенно в нашем городе, где женщины способны и луну с неба свести... Ведь и от этого можно вылечиться. Ответь только поласковей моей госпоже и искренностью чувства постарайся вернуть ее расположение. Ведь, по правде сказать, с той поры, как ты оскорбил ее, она вне себя.

Я, разумеется, охотно последовал совету служанки и тотчас же начертал на табличках такие слова:

[CXXX] "POLYAENOS CIRCAE SALVTEM. Fateor me, domina, saepe peccasse; nam et homo sum et adhuc iuvenis. Numquam tamen ante hunc diem usque ad mortem deliqui. Habes confitentem reum: quicquid iusseris, merui. Proditionem feci, hominem occidi, templum violavi: in haec facinora quaere supplicium. Sive occidere placet, ferro meo venio; sive verberibus contenta es, curro nudus ad dominam. Illud unum memento, non me sed instrumenta peccasse. Paratus miles arma non habui. Quis hoc turbaverit nescio. Forsitan animus antecessit corporis moram, forsitan dum omnia concupisco, voluptatem tempore consumpsi. Non invenio quod feci. Paralysin tamen cavere iubes: tanquam iam maior fieri possit, quae abstulit mihi per quod etiam te habere potui. Summa tamen excusationis meae haec est: placebo tibi, si me culpam emendare permiseris." Dimissa cum eiusmodi pollicitatione Chryside curavi diligentius noxiosissimum corpus, balneoque praeterito modica unctione usus, mox cibis validioribus pastus, id est bulbis cochlearumque sine iure cervicibus, hausi parcius merum. Hinc ante somnum levissima ambulatione compositus sine Gitone cubiculum intravi. Tanta erat placandi cura, ut timerem ne latus meum frater convelleret.

CXXX. "Полиэн Киркее - привет.

Должен сознаться, повелительница, что мне нередко приходилось грешить: ведь я - человек, и еще нестарый. Но до сих пор ни разу не провинился я настолько, чтобы заслужить казнь. Винюсь перед тобою во всем. К чему присудишь, того я и достоин. Я совершил предательство, убил человека, осквернил храм: за эти преступления и требуй возмездия. Захочешь моей смерти - я приду с собственным клинком; если удовольствуешься бичеванием - я голым прибегу к повелительнице. Не забывай только, что не я пред тобою провинился, а мое орудие. Готовый к бою, я оказался без меча. Не знаю, кто мне его испортил. Может быть, душевный порыв опередил медлительное тело. Может быть, желая слишком многого, я растратил свою страсть на проволочки. Не пойму, что со мною случилось. Вот ты велишь мне остерегаться паралича. Будто может быть паралич сильнее того, который отнял у меня возможность обладать тобою. Но оправдание мое сводится все-таки к следующему: я тебе угожу, если только позволишь мне исправить свою ошибку".

Отпустив с таким обещанием Хрисиду, я с большею тщательностью принялся за лечение виновного тела: во-первых, не пошел в баню,

а ограничился только небольшим обтиранием; затем, наевшись более здоровой пищи, именно луку и улиточьих шеек без соуса, выпил лишь немного чистого вина и, наконец, совершив перед сном очень легкую прогулку, вошел в опочивальню без Гитона. Я боялся даже того, что братец слегка прикоснется ко мне боком, - так хотелось мне помириться с Киркеей.

[CXXXI] Postero die, cum sine offensa corporis animique consurrexissem, in eundem platanona descendi, etiam si locum inauspicatum timebam, coepique inter arbores ducem itineris expectare Chrysidem. Nec diu spatiatus consederam, ubi hesterno die fueram, cum illa intervenit comitem aniculam trahens. Atque ut me consalutavit: "Quid est, inquit, fastose, ecquid bonam mentem habere coepisti?" Illa de sinu licium prolulit varii coloris filis intortum, cervicemque vinxit meam. Mox turbatum sputo pulverem medio sustulit digito, frontemque repugnantis signavit. <. . .>

Hoc peracto carmine ter me iussit expuere terque lapillos conicere in sinum, quos ipsa praecantatos purpura involuerat, admotisque manibus temptare coepit inguinum vires. Dicto citius nervi paruerunt imperio, manusque aniculae ingenti motu repleverunt. At illa gaudio exultans: "Vides, inquit, Chrysis mea, vides, quod aliis leporem excitavi?"

Mobilis aestivas platanus diffuderat umbras et bacis redimita Daphne tremulaeque cupressus et circum tonsae trepidanti vertice pinus. Has inter ludebat aquis errantibus amnis spumeus, et querulo vexabat rore lapillos. Dignus amore locus: testis silvestris aedon atque urbana Procne, quae circum gramina fusae et molles violas cantu sua rura colebant.

<. . .> Premebat illa resoluta marmoreis cervicibus aureum torum myrtoque florenti quietum <aera> verberabat. Itaque ut me vidit, paululum erubuit, hesternae scilicet iniuriae memor; deinde ut remotis omnibus secundum invitantem consedi, ramum super oculos meos posuit et quasi pariete interiecto audacior facta: "Quid est, inquit, paralytice? Ecquid hodie totus venisti? — Rogas, inquam ego, potius quam temptas?" Totoque corpore in amplexum eius immissus non praecantatis usque ad satietatem osculis fruor. <. . .>

CXXXI. Бодрый духом и телом, поднялся я на следующий день и отправился в ту же платановую рощу, хотя и побаивался этого злосчастного места. Там, под деревьями, я стал ожидать прихода моей провожатой Хрисиды. Побродив некоторое время, я уселся на том самом месте, где сидел накануне, как вдруг она появилась, ведя за собою какую-то старушку. Поздоровавшись со мной, Хрисида сказала:

- Ну-с, привередник, уж не начинаешь ли ты браться за ум?

Тут старуха вытащила из-за пазухи скрученный из разноцветных ниток шнурок и обвязала им мою шею. Затем плюнула, смешала плевок свой с пылью и, взяв получившейся грязи на средний палец, несмотря на мое сопротивление, мазнула меня по лбу...

Произнеся это заклинание, она велела мне плюнуть три раза и трижды бросить себе за пазуху камешки, которые уже были заранее у нее заворожены и завернуты в кусок пурпура; после этого она протянула руку, чтобы испытать мою мужскую силу. В одно мгновение мышцы подчинились приказанию и, с силой напрягшись, совершенно заполнили собой руки старицы, которая, не помня себя от восторга, воскликнула:

- Смотри, моя Хрисида, смотри, какого зайца я подняла на чужую корысть!..

Здесь благородный платан, бросающий летние тени,

Лавры в уборе плодов и трепетный строй кипарисов;

Сосны качают вокруг вершиной, подстриженной ровно.

А между ними журчит ручеек непоседливой струйкой,

Пенится и ворошит он камешки с жалобной песней.

Дивный приют для любви! Один соловей нам свидетель.

И, над лужайкой летя, где фиалки качаются в

травах,
Ласточка песни поет, города возлюбившая птица.

Киркея лежала раскинувшись, опираясь беломраморной шеей на спинку золотого ложа, и тихо помахивала веткою цветущего мирта. Увидев меня и, должно быть, вспомнив про вчерашнее оскорбление, она слегка покраснела. Затем, когда она удалила всех и я, повинуясь ее приглашению, сел подле нее на ложе, она приложила к глазам моим ветку и, как бы отгородившись от меня стенкой, сделалась несколько смелее.

- Ну что, паралитик? - сказала она. - Весь ли ты нынче явился ко мне?

- Ты спрашиваешь, вместо того чтобы убедиться самой?

Так ответил я и тут же всем телом устремился к ней в объятия. Она не просила пощады, и я досыта упился поцелуями...

[CXXXII] [ENCOLPIVS DE ENDYMIONE PVERO: Ipsa corporis pulchritudine me ad se vocante trahebat ad venerem. Iam pluribus osculis labra crepitabant, iam implicitae manus omne genus amoris invenerant, iam alligata mutuo ambitu corpora animarum quoque mixturam fecerant.]

Manifestis matrona contumeliis verberata tandem ad ultionem decurrit, vocatque cubicularios et me iubet cato rigari. Nec contenta mulier tam gravi iniuria mea, convocat omnes quasillarias familiaeque sordidissimam partem, ac me conspui iubet. Oppono ego manus oculis meis, nullisque effusis precibus, quia sciebam quid meruissem, verberibus sputisque extra ianuam eiectus sum. Eicitur et Proselenos, Chrysis vapulat, totaque familia tristis inter se mussat, quaeritque quis dominae hilaritatem confuderit. <. . .> Itaque pensatis vicibus animosior, verberum notas arte contexi, ne aut Eumolpus contumelia mea hilarior fieret aut tristior Giton. Quod solum igitur salvo pudore poterat contingere, languorem simulavi, conditusque lectulo totum ignem furoris in eam converti, quae mihi omnium malorum causa fuerat:

Ter corripui terribilem manu bipennem, ter languidior coliculi repene thyrso ferrum timui, quod trepido male dabat usum. Nec iam poteram, quod modo conficere libebat; namque illa metu frigidior rigente bruma confugerat in viscera mille operta rugis. Ita non potui supplicio caput aperire, sed furciferae mortifero timore lusus ad verba, magis quae poterant nocere, fugi.

CXXXII. Красота ее тела звала и влекла к наслаждению. Уже то и дело смыкались наши уста и раздавались звонкие поцелуи; уже переплелись наши руки, изобретая всевозможные ласки; уж слились в объятии наши тела, и начали понемногу соединяться и души...

Потрясенная явным оскорблением, матрона решила отомстить и, кликнув спальников, приказала им бичевать меня. Потом, не довольствуясь столь тяжким наказанием, она созвала прях и всякую сволочь из домашней прислуги и велела им еще и оплевать меня. Я только заслонял руками глаза без единого слова мольбы, ибо сознавал, что терплю по заслугам. Наконец, оплеванного и избитого, меня вытолкали за двери. Вышвырнули и Проселену; Хрисиду высекли. Весь дом опечалился; все начали перешептываться, спрашивать потихоньку друг друга, кто бы это мог нарушить веселое настроение их госпожи...

Ободренный такой наградой за мои злоключения, я всеми способами постарался скрыть на себе следы побоев, чтобы не развеселить Эвмолпа и не огорчить Гитона. Чтобы не позориться, я ничего не мог придумать, кроме как прикинуться больным; так я и сделал и, улегшись в кровать, всю силу своего негодования обратил против единственной причины всех моих несчастий:

Я трижды потряс грозную сталь, свой нож двуострый.

Erectus igitur in cubitum hac fere oratione contumacem vexavi: "Quid dicis, inquam, omnium hominum deorumque pudor? Nam ne nominare quidem te inter res serias fas est. Hoc de te merui, ut me in caelo positum ad inferos traheres? ut traduceres annos primo florentes vigore, senectaeque ultimae mihi lassitudinem imponere? Rogo te, mihi apodixin defunctoriam redde." Haec ut iratus effudi, Illa solo fixos oculos aversa tenebat, nec magis incepto vultum sermone movetur quam lentae salices lassove papavera collo. Nec minus ego tam foeda obiurgatione finita paenitentiam agere sermonis mei coepi secretoque rubore perfundi, quod oblitus verecundiae meae cum ea parte corporis verba contulerim, quam ne ad cognitionem quidem admittere severioris notae homines solerent. Mox perfricata diutius fronte: "Quid autem ego, inquam, mali feci, si dolorem meum naturali convicio exoneravi? Aut quid est quod in corpore humano ventri male dicere solemus aut gulae capitique etiam, cum saepius dolet? Quid? Non et Vlixes cum corde litigat suo, et quidam tragici oculos suos tanquam audientes castigant? Podagrici pedibus suis male dicunt, chiragrici manibus, lippi oculis, et qui offenderunt saepe digitos, quicquid doloris habent, in pedes deferunt:
Quid me constricta spectatis fronte Catone, damnatisque novae simplicitatis opus? Sermonis puri non tristis gratia ridet, quodque facit populus, candida lingua refert. Nam quis concubitus, Veneris quis gaudia nescit? Quia vetat in tepido membra calere toro? Ipse pater veri doctus Epicurus in arte iussit, et hoc vitam dixit habere *telos*.
Nihil est hominum inepta persuasione falsius nec ficta severitate ineptius".

Но... трижды ослаб, гибкий, как прут, мой стебель вялый:
Нож страшен мне был, в робкой руке служил он плохо.
Так мне не пришлось осуществить желанной казни.
Трус сей, трепеща, стал холодней зимы суровой,
Сам сморщился весь и убежал чуть ли не в чрево,
Ну, просто никак не поднимал главы опальной:
Так был посрамлен выжигой я, удравшим в страхе,
Ввел ругань я в бой, бьющую в цель больней оружья.
Приподнявшись на локоть, я в таких, приблизительно, выражениях стал поносить упрямца:
- Ну, что скажешь, позорище перед людьми и богами? Грешно даже причислить тебя к вещам мало-мальски почтенным! Неужели я заслужил, чтобы ты меня, вознесенного на небо, низринул в преисподнюю? Неужели я заслужил, чтобы ты, отняв у меня цветущие весеннею свежестью годы, навязал мне бессилие глубокой старости? Лучше уж прямо выдай мне удостоверение о смерти.
Пока я, таким образом, изливал свое негодование,
Он на меня не глядел и уставился в землю, потупясь,
И оставался, пока говорил я, совсем недвижимым.
Стеблю склоненного мака иль иве плакучей подобен.
Покончив со столь недостойной бранью, я тут же стал горячо раскаиваться в своих словах и втайне покраснел от того, что, забыв всякий стыд, вступил в разговор с частью тела, о которой люди построже обыкновенно даже и мысли не допускают. Долго я тер себе лоб, пока наконец не воскликнул:
- Да что тут такого, если я во вполне естественных упреках излил свое горе? Что в том, если мы иной раз браним какую-нибудь часть человеческого тела, желудок, например, или горло, или даже голову, когда она слишком часто болит? азве сам Улисс не спорит со своим сердцем? А трагики - так те даже глаза свои ругают, точно глаза могут что-нибудь услышать. Подагрики клянут свои ноги, хирагрики - руки, а близорукие - глаза,

а кто часто ушибает себе пальцы на ноге, тот винит за всю эту боль собственные ноги.

Что вы, наморщивши лбы, на меня глядите, Катоны?
Но по душе вам пришлась книга моей простоты?
В чистых наших речах веселая прелесть смеется.
Нравы народа поет мой беспорочный язык.
Кто же не знает любви и не знает восторгов енеры?
Кто воспретит согревать в теплой постели тела?
Правды отец, Эпикур, и сам повелел нам, премудрый,
Вечно любить, говоря: цель этой жизни - любовь...

Нет ничего нелепее глупых человеческих предрассудков и пошлее лицемерной строгости...

[CXXXIII] Hac declamatione finita Gitona voco et: "Narra mihi, inquam, frater, sed tua fide: ea nocte, qua te mihi Ascyltos subduxit, usque in iniuriam vigilavit, an contentus fuit vidua pudicaque nocte?" Tetigit puer oculos suos, conceptissimisque iuravit verbis sibi ab Ascylto nullam vim factam.

<. . .> positoque in limine genu sic deprecatus sum numen aversum:

Nympharum Bacchique comes, quem pulcra Dione
divitibus silvis numen dedit, inclita paret
cui Lesbos viridisque Thasos, quem Lydus adorat
septifluus, templumque tuis imponit Hypaepis:
huc aedes et Bacchi tutor Dryadumque voluptas, et timidas admitte preces. Non sanguine tristi perfusus venio, non templis impius hostis admovi dextram, sed inops et rebus egenis attritus facinus non toto corpore feci. Quisquis peccat inops, minor est reus. Hac prece, quaeso,
exonera mentem culpaeque ignosce minori, et quandoque mihi fortunae arriserit hora, non sine honore tuum patiar decus. Ibit ad aras, Sancte, tuas hircus, pecoris pater; ibit ad aras corniger et querulae fetus suis, hostia lactens. Spumabit pateris hornus liquor, et ter ovantem circa delubrum gressum feret ebria pubes."

Dum haec ago curaque sollerti deposito meo caveo, intravit delubrum anus laceratis crinibus nigraque veste deformis, extraque vestibulum me iniecta manu duxit. <. . .>

CXXXIII. Окончив эту декламацию, я позвал Гитона и говорю ему:

- Расскажи мне, братец, но только по чистой совести, как вел себя Аскилт в ту ночь, когда он тебя у меня выкрал: правда, что он не спал до тех пор, пока наконец тебя не обесчестил? Или же он в самом деле довольствовался тем, что провел всю ночь одиноко и целомудренно?

Мальчик приложил руки к глазам и торжественно поклялся, что со стороны Аскилта ему не было причинено никакого насилия...

С такою молитвой опустился на одно колено в преддверии храма:

Спутник акха и нимф! О ты, что веленьем Дионы
Стал божеством над лесами, кому достославный подвластен
Лесбос и Фасос зеленый, кого в семиречном Лидийском
Чтят краю, где твой храм в твоих воздвигнут ипепах,
Славного акха пестун, услада дриад, помоги мне!
Робкой молитве внемли! Ничьей не запятнанный кровью,
Я прибегаю к тебе. Святынь не сквернил я враждебной
И нечестивой рукой, но, нищий, под гнетом тяжелой
Бедности, я согрешил, и то ведь не всем своим телом.

Тот, кто грешит от нужды, не так уж виновен. Молю я:
Душу мою облегчи, прости мне грех невеликий.
Если ж когда-нибудь вновь мне час улыбнется счастливый,
Я без почета тебя не оставлю: падет на алтарь твой
Стад патриарх, рогоносный козел, и падет на алтарь твой
Жертва святыне твоей, сосунок опечаленной свинки.
чашах запенится сок молодой. Троекратно ликуя,
Вкруг алтаря обойдет хоровод хмельной молодежи.
В то время как я произносил эту молитву, в заботе о моем покойнике, в храм вдруг вошла старуха с растрепанными волосами, одетая в безобразное черное платье. Вцепившись в меня рукою, она вывела меня из преддверия храма...

[CXXXIV] PROSELENOS ANVS AD ENCOLPIVM: "Quae striges comederunt nervos tuos, aut quod purgamentum nocte calcasti trivio aut cadaver? Nec a puero quidem te vindicasti, sed mollis, debilis, lassus, tanquam caballus in clivo et operam et sudorem perdidisti. Nec contentus ipse peccare, mihi deos iratos excitasti".

Ac me iterum in cellam sacerdotis nihil recusantem perduxit impulitque super lectum, et harundinem ab ostio rapuit iterumque nihil respondentem mulcavit. Ac nisi primo ictu harundo quassata impetum verberantis minuisset, forsitan etiam brachia mea caputque fregisset. Ingemui ego utique propter mascarpionem, lacrimisque ubertim manantibus obscuratum dextra caput super pulvinum inclinavi. Nec minus illa fletu confusa altera parte lectuli sedit aetatisque longae moram tremulis vocibus coepit accusare, donec intervenit sacerdos: "Quid vos, inquit, in cellam meam tanquam ante recens bustum venistis? Vtique die feriarum, quo etiam lugentes rident." PROSELENOS AD OENOTHEAN SACERDOTEM PRIAPI: "O, inquit, Oenothea, hunc adulescentem quem vides, malo astro natus est; nam neque puero neque puellae bona sua vendere potest. Nunquam tu hominem tam infelicem vidisti: lorum in aqua, non inguina habet. Ad summam, qualem putas esse, qui de Circes toro sine voluptate surrexit?" His auditis Oenothea inter utrumque consedit, motoque

CXXXIV. - Какие это ведьмы высосали из тебя твои силы? Уж не наступил ли ты ночью, на перекрестке, на нечистоты или на труп? Даже в деле с мальчиком ты не сумел постоять за себя, но, вялый, хилый и расслабленный, точно кляча на крутом подъеме, ты попусту потратил и труд и пот. Но мало того, что ты сам нагрешил, - ты и на меня навлек гнев богов...

Я снова покорно пошел за ней, а она потащила меня обратно в храм, в келью жрицы, толкнула на ложе и, схватив стоявшую около дверей трость, принялась меня ею дубасить. Но и тут я не проронил ни слова.

Если бы палка не разлетелась после первого же удара в куски, что сильно охладило старухин пыл, она бы, верно, и руки мне раздробила, и голову размозжила. Только после ее непристойных прикосновений я застонал и, залившись обильными слезами, склонился на подушку и закрыл голову правой рукой. Расстроенная моими слезами, старуха присела на другой конец кровати и дрожащим голосом стала жаловаться на судьбу, что так долго не посылает ей смерти; и до тех пор она причитала, пока не появилась жрица и не сказала:

- Зачем это вы забрались в мою комнату и сидите, точно над свежей могилой? И это в праздничный день, когда даже носящие траур

diutius capite: "Istum, inquit, morbum sola sum quae emendare scio. Et ne putetis perplexe agere, rogo ut adulescentulus tuus mecum nocte dormiat, nisi illud tam rigidum reddidero quam cornu:

Quicquid in orbe vides, paret mihi. Florida tellus, cum volo, spissatis arescit languida sucis, cum volo, fundit opes, scopulique atque horrida saxa

Niliacas iaculantur aquas. Mihi pontus inertes submittit fluctus, zephyrique tacentia ponunt ante meos sua flabra pedes. Mihi flumina parent Hyrcanaeque tigres et iussi stare dracones. Quid leviora loquor? Lunae descendit imago carminibus deducta meis, trepidusque furentes flectere Phoebus equos revoluto cogitur orbe. Tantum dicta valent. Taurorum flamma quiescit virgineis extincta sacris, Phoebeia Circe carminibus magicis socios mutavit Vlixis, Proteus esse solet quicquid libet. Hic ego callens artibus Idaeos frutices in gurgite sistam, et rursus fluvios in summo vertice ponam."

смеются?

- О Энотея! - ответила ей старуха. - Юноша, которого ты видишь, родился под несчастной звездой: ни мальчику, ни девушке не может он продать своего товара. Тебе никогда еще не приходилось видеть столь несчастного человека. Мокрый ремень у него вместо... Короче говоря, что ты скажешь о человеке, который с ложа Киркеи встал, не насладившись?

Услышав это, Энотея уселась между нами и долго качала головой.

- Только я одна и знаю, - сказала она, - как излечить эту болезнь. А чтобы вы не думали, что я только языком чешу, - пусть молодчик поспит со мной одну ночь, и я сделаю ему это самое твердым, как рог.

Все мне покорно, что видишь ты в мире. Тучная почва,
Лишь захочу я, умрет, без живительных соков засохнув,
Лишь захочу - принесет урожай. Из кремнистых утесов
Нилу подобный поток устремится. езропотно волны
Мне покоряются все; порывы Зефира, умолкнув,
Падают к нашим ногам. Мне подвластны речные теченья;
Тигра гирканского бег и дракона полет удержу я.
Что толковать о безделках? Могу я своим заклинаньем
Месяца образ на землю свести и покорного Феба
Бурных коней повернуть назад по небесному кругу:
Вот она, власть волшебства! ыков огнедышащих пламя
Стихло от девичьих чар, и дочь Аполлона Киркея
Спутников верных Улисса заклятьем в свиней обратила.
Образ любой принимает Протей. И с таким же искусством
С Иды леса я могу низвести в пучину морскую
Или течение рек направить к горным вершинам.

[CXXXV] Inhorrui ego tam fabulosa pollicitatione conterritus, anumque inspicere diligentius coepi. "Ergo, exclamat Oenothea, imperio parete!" detersisque curiose manibus inclinavit se in lectulum ac me semel iterumque basiavit. <. . .>

CXXXV. Перепуганный столь баснословною похвальбою, я содрогнулся и стал во все глаза глядеть на старуху...

- Ну, - вскричала Энотея, - повинуйтесь же моей власти! Сказав это и тщательно вытерев

Oenothea mensam veterem posuit in medio altari, quam vivis implevit carbonibus, et camellam etiam vetustate ruptam pice temperata refecit. Tum clavum, qui detrahentem secutus cum camella lignea fuerat, fumoso parieti reddidit. Mox incincta quadrato pallio cucumam ingentem foco apposuit, simulque pannum de carnario detulit furca, in quo faba erat ad usum reposita et sincipitis vetustissima particula mille plagis dolata. Vt soluit ergo licio pannum, partem leguminis super mensam effudit iussitque me diligenter purgare. Servio ego imperio, granaque sordidissimis putaminibus vestita curiosa manu segrego. At illa inertiam meam accusans improba tollit, dentibusque folliculos pariter spoliat, atque in terram veluti muscarum imagines despuit.

Mirabar equidem paupertatis ingenium singularumque rerum quasdam artes:

Non Indum fulgebat ebur, quod inhaeserat auro, nec iam calcato radiabat marmore terra muneribus delusa suis, sed crate saligna impositum Cereris vacuae nemus et nova terrae pocula, quae facili vilis rota finxerat actu. Hinc molli stillae lacus et de caudice lento vimineae lances maculataque testa Lyaeo. At paries circa palea satiatus inani fortuitoque luto clavos numerabat agrestis, et viridi iunco gracilis pendebat harundo. Praeterea quae fumoso suspensa tigillo conservabat opes humilis casa, mitia sorba inter odoratas pendebat texta coronas et thymbrae veteres et passis uva racemis: qualis in Actaea quondam fuit hospita terra, digna sacris Hecales, quam Musa loquentibus annis

Baccineas veteres mirando tradidit aevo.

себе руки, она склонилась над ложем и два раза подряд меня поцеловала...

Затем Энотея поставила посреди алтаря старый жертвенник, насыпала на него доверху горячих углей и, починив с помощью нагретой смолы развалившуюся от времени деревянную чашку, вбила в покрытую копотью стену на прежнее место железный гвоздь, который перед тем, снимая чашу, нечаянно выдернула. Потом она опоясала себя четырехугольным фартуком и, поставив к огню огромный горшок, сняла рогаткой висевший на крюке узел, в котором хранились служившие ей пищей бобы и совершенно иссеченный, старый-престарый кусок какой-то головы. Развязав шнурок, которым затянут был узел, Энотея высыпала часть бобов на стол и велела мне их хорошенько очистить. Повинуясь ее приказанию, я первым долгом принялся весьма тщательно отгребать в сторонку те из зерен, на которых кожица была до невозможности загрязнена. Но она, обвиняя меня в медлительности, подхватила всю эту дрянь и прямо зубами так проворно и ловко начала ее обдирать, выплевывая шелуху на пол, что передо мной точно мухи замелькали.

Я изумлялся изобретательности бедноты и тому, какой ловкости можно достигнуть во всяком искусстве:

Там не белела индийская кость, обрамленная златом,

Пол очей не пленял лощеного мрамора блеском, -

Дар земли ее не скрывал. На плетенке из ивы

Ворох соломы лежал, да стояли кубки из глины,

Что без труда немудрящий гончарный станок обработал.

Каплет из кадки вода; из гнутых прутьев корзины

Тут же лежат; в кувшинах следы Лиэевой влаги.

Всюду кругом по стенам, где заткнута в щели солома

Или случайная грязь, понабиты толстые гвозди.

А с переборки свисают тростинок зеленые стебли.

Но еще много богатств убогая хата скрывала:

На закопченных стропилах там связки размякшей рябины

Между пахучих венков из высохших листьев

[CXXXVI] Dum illa carnis etiam paululum delibat et dum coaequale natalium suorum sinciput in carnarium furca reponit, fracta est putris sella, quae staturae altitudinem adiecerat, anumque pondere suo deiectam super foculum mittit. Frangitur ergo cervix cucumulae ignemque modo convalescentem restinguit. Vexat cubitum ipsa stipite ardenti faciemque totam excitato cinere pertundit. Consurrexi equidem turbatus anumque non sine meo risu erexi; statimque, ne res aliqua sacrificium moraretur, ad reficiendum ignem in viciniam cucurrit. Itaque ad casae ostiolum processi cum ecce tres anseres sacri qui, ut puto, medio die solebant ab anu diaria exigere, impetum in me faciunt foedoque ac veluti rabioso stridore circumsistunt trepidantem. Atque alius tunicam meam lacerat, alius vincula calcumentorum resoluit ac trahit; unus etiam, dux ac magister saevitiae, non dubitavit crus meum serrato vexare morsu. Oblitus itaque nugarum, pedem mensulae extorsi coepique pugnacissimum animal armata elidere manu. Nec satiatus defunctorio ictu, morte me anseris vindicavi:

Tales Herculea Stymphalidas arte coactas ad coelum fugisse reor, peneque fluentes Harpyias, cum Phineo maduere veneno fallaces epulae. Tremuit perterritus aether planctibus insolitis, confusaque regia coeli <. . .>

Iam reliqui revolutam passimque per totum effusam pavimentum collegerant fabam, orbatique, ut existimo, duce redierant in templum, cum ego praeda simul atque vindicta gaudens post lectum occisum anserem mitto, vulnusque cruris haud altum aceto diluo. Deinde convicium verens, abeundi formavi consilium, collectoque cultu meo ire extra casam coepi. Necdum liberaveram cellulae limen, cum animadverto Oenotheam cum testo ignis pleno venientem. Reduxi igitur gradum proiectaque veste, tanquam expectarem morantem, in aditu steti. Collocavit illa ignem cassis harundinibus collectum, ingestisque super pluribus lignis excusare coepit moram, quod amica se non dimisisset tribus nisi potionibus e lege siccatis."

висели,
Там же сушеный чабрец красовался и гроздья изюма.
Так же выглядел кров екалы гостеприимной
Аттике. Славу ее, поклоненья достойной старушки,
Долгим векам завещала хранить аттиадова муза.

CXXXVI. Отделив от головы, которая но меньшей мере была ее ровесницей, немножечко мяса, старуха с помощью той же рогатки принялась подвешивать ее обратно на крюк; но тут гнилой стул, на который она взобралась, чтобы стать повыше, вдруг подломился, и она всей своей тяжестью рухнула прямо на очаг. Верхушка стоявшего на нем горшка разбилась, и огонь, который только что стал было разгораться, потух. При этом Энотея обожгла себе о горящую головню локоть и, подняв кверху целое облако пепла, засыпала им себе все лицо.

Я вскочил испуганный, но потом, рассмеявшись, помог старухе встать... А она, боясь, как бы еще что-нибудь не помешало предстоящему жертвоприношению, немедленно побежала к соседям взять огня...

Едва лишь я ступил на порог... как на меня тотчас же напали три священных гуся, которые, как видно, обыкновенно в полдень требовали у старухи ежедневного рациона; я прямо затрясся, когда они с отвратительным шипением окружили меня со всех сторон, точно бешеные. Один начал рвать мою тунику, другой развязал ремень у моих сандалий и теребил его, а третий, по-видимому вождь и учитель свирепой ватаги, не постеснялся мертвою хваткой вцепиться мне в икру. Отложив шутки в сторону, я вывернул у столика ножку и вооруженной рукой принялся отражать воинственное животное: не довольствуясь шуточными ударами, я отомстил за себя смертью гуся.

Так же, я думаю, встарь, Стимфалид Геркулесова хитрость
Взмыть заставила вверх; так, Финея обманные яства
Ядом своим осквернив, улетали арпии, смрадом
Все обдавая вокруг. Устрашенный эфир содрогнулся
От небывалого крика. Небесный чертог потрясенный...

Два других гуся, лишившись теперь своего, по

Quid porro tu, inquit, me absente fecisti, aut ubi est faba?" Ego, qui putaveram me rem laude etiam dignam fecisse, ordine illi totum proelium eui, et ne diutius tristis esset, iacturae pensionem anserem obtuli. Quem anus ut vidit, tam magnum aeque clamorem sustulit, ut putares iterum anseres limen intrasse. Confusus itaque et novitate facinoris attonitus, quaerebam quid excanduisset, aut quare anseris potius quam mei misereretur.

моему мнению, главаря, стали подбирать бобы, которые упали и рассыпались по всему полу, и вернулись в храм, а я, радуясь добыче и мести, швырнул убитого гуся за кровать и немедленно смочил уксусом не особенно глубокую рану на ноге. Затем, опасаясь, как бы старуха не стала меня ругать, решил удалиться и, собрав свою одежду, уже направился к выходу. Но не успел я переступить порог, как увидел Энотею, которая шла мне навстречу с горшком, наполненным до верху пылающими углями. Итак, пришлось повернуть вспять: сбросив с себя плащ, я стал в дверях, будто ожидал замешкавшуюся старуху.

Высыпав угли на кучу сухого тростника и положив сверху изрядное количество дров, она стала оправдываться, говоря, будто так долго замешкалась потому, что ее приятельница не хотела ее отпустить, не осушив вместе с ней трех положенных чарок.

- Ну, а ты что тут делал, пока меня не было? - вдруг спросила она. - А где же бобы?

Полагая, что мой поступок достоин даже всяческого одобрения, я немедленно рассказал ей по порядку обо всем сражении, а чтобы она не очень уж печалилась, за потерянного гуся предложил ей заплатить. Но, увидев его, старуха подняла такой невероятный крик, что можно было подумать, будто в комнату снова забрались гуси.

Удивленный непонятностью своего преступления, я растерялся и стал спрашивать, почему она так горячится и почему жалеет гуся больше, чем меня.

[CXXXVII] At illa complosis manibus: "Scelerate, inquit, etiam loqueris? Nescis quam magnum flagitium admiseris: occidisti Priapi delicias, anserem omnibus matronis acceptissimum. Itaque ne te putes nihil egisse; si magistratus hoc scierint, ibis in crucem. Polluisti sanguine domicilium meum ante hunc diem inviolatum, fecistique ut me, quisquis voluerit inimicus, sacerdotio pellat.

— Rogo, inquam, noli clamare: ego tibi pro ansere struthocamelum reddam." Dum haec me stupente in lectulo sedet anserisque fatum complorat, interim Proselenos cum impensa sacrificii venit, visoque ansere occiso sciscitata causam tristitiae, et ipsa flere vehementius coepit meique misereri, tanquam patrem meum, non publicum anserem, occidissem. Itaque taedio fatigatus: "Rogo, inquam, expiare manus

CXXXVII. На это она, всплеснув руками, воскликнула: - И ты, злодей, еще осмеливаешься рассуждать?.. Ты даже не подозреваешь, какое огромное преступление совершил: ведь ты убил Приапова любимца, всем матронам наиприятнейшего. Нет, и не думай, что проступок твой не такой уж тяжелый: если только узнает о нем магистрат, быть тебе на кресте. Ты осквернил кровью мое жилище, до сих пор незапятнанное, и любому из недругов моих дал возможность устранить меня от жречества...

- Пожалуйста, не кричи, - говорю я ей, - я тебе за гуся страуса дам...

Энотея села на кровать и, к вящему моему удивлению, продолжала оплакивать несчастную участь гуся, пока наконец не пришла Проселена с деньгами за

pretio licet? <. . .>si vos provocassem, etiam si homicidium fecissem. Ecce duos aureos pono, unde possitis et deos et anseres emere.". Quos ut vidit Oenothea: "Ignosce, inquit, adulescens, sollicita sum tua causa. Amoris est hoc argumentum, non malignitatis. Itaque dabimus operam, ne quis sciat. Tu modo deos roga, ut illi facto tuo ignoscant."

Quisquis habet nummos, secura naviget aura fortunamque suo temperet arbitrio. Vxorem ducat Danaen ipsumque licebit Acrisium iubeat credere quod Danaen. Carmina componat, declamet, concrepet omnes et peragat causas sitque Catone prior. Iurisconsultus 'parret, non parret' habeto, atque esto quicquid Servius et Labeo. Multa loquor: quod vis, nummis praesentibus opta,
et veniet. Clausum possidet arca Iovem.

<. . .> Infra manus meas camellam vini posuit et cum digitos pariter extensos porris apioque lustrasset, avellanas nuces cum precatione mersit in vinum. Et sive in summum redierant, sive subsderant, ex hoc coniecturam ducebat. Nec me fallebat inanes scilicet ac sine medulla ventosas nuces in summo umore consistere, graves autem et plenas integro fructu ad ima deferri. Recluso pectore extraxit fortissimum iecur et inde mihi futura praedixit. Immo, ne quod vestigium sceleris superesset, totum anserem laceratum verubus confixit, epulasque etiam lautas paulo ante, ut ipsa dicebat, perituro paravit. Volabant inter haec potiones meracae.

жертвоприношение.

Увидев убитого и расспросив жрицу о причине ее горя, она принялась рыдать еще горше и причитать надо мной, точно я отца родного убил, а не общественного гуся.

Мне стало наконец нестерпимо скучно, и я воскликнул:

- В конце концов, можно загладить дело моих рук деньгами? Пусть я вас под суд подвел; пусть я даже человека убил! Вот вам два золотых, можете накупить себе сколько угодно гусей и богов.

- Прости меня, юноша,- заговорила Энотея, лишь только увидела мое золото, - ведь я так беспокоилась исключительно ради тебя. Это было лишь доказательством моего к тебе расположения, а вовсе не враждебности. Постараемся же, чтобы никто об этом не узнал. А ты помолись богам, чтобы они отпустили тебе прегрешение.

Тех, кто с деньгами, всегда подгоняет ветер попутный,
Даже Фортуной они правят по воле своей.
Стоит им захотеть, - и в супруги возьмут хоть Данаю,
Даже Акрисий-отец дочку доверит таким.
Пусть богач слагает стихи, выступает с речами,
Пусть он тяжбы ведет - будет Катона славней.
Пусть, как законов знаток, свое выносит решенье -
Будет он выше, чем встарь Сервий иль сам Лабеон.
Что толковать? Пожелай чего хочешь: с деньгой да со взяткой
Все ты получишь. мошне нынче Юпитер сидит...

Она поставила под руки мне чашу с вином, заставила меня растопырить пальцы и для очищения потерла их пореем и сельдереем, а потом опустила в вино, читая какую-то молитву, несколько лесных орехов. Судя по тому, всплывали они на поверхность или же падали на дно, она и делала свои предсказания. Но меня нельзя было поддеть на эту удочку: я знал, что орехи пустые, без сердцевины, наполненные только воздухом, всегда плавают на поверхности, а тяжелые, с крепким ядром, непременно должны опуститься на дно...

Она вскрыла грудь гуся и, вынув здоровенную печень, предсказала по ней мое будущее. Наконец, чтобы уничтожить все следы моего

преступления, разрубила гуся на части, насадила их на несколько вертелов и принялась готовить из убитого, который, по ее словам, предназначен был ею для этого еще раньше, великолепное блюдо... А стаканчики чистого вина между тем все опрокидывались да опрокидывались...

[CXXXVIII] Profert Oenothea scorteum fascinum, quod ut oleo et minuto pipere atque urticae trito circumdedit semine, paulatim coepit inserere ano meo. Hoc crudelissima anus spargit subinde umore femina mea. Nasturcii sucum cum habrotono miscet, perfusisque inguinibus meis, viridis urticae fascem comprehendit, omniaque infra umbilicum coepit lenta manu caedere. <. . .>

Aniculae quamvis solutae mero ac libidine essent, eandem viam tentant et per aliquot vicos secutae fugientem "Prende furem!" clamant. Evasi tamen omnibus digitis inter praecipitem decursum cruentatis. <. . .>

"Chrysis, quae priorem fortunam tuam oderat, hanc vel cum periculo capitis persequi destinat". <. . .>

"Quid huic formae aut Ariadne habuit aut Leda simile? Quid contra hanc Helene, quid Venus posset? Ipse Paris, dearum libidinantium iudex, si hanc in comparatione vidisset tam petulantibus oculis, et Helenen huic donasset et deas. Saltem si permitteretur osculum capere, si illud caeleste ac divinum pectus amplecti, forsitan rediret hoc corpus ad vires et resipiscerent partes veneficio, credo, sopitae. Nec me contumeliae lassant: quod verberatus sum, nescio; quod eiectus sum, lusum puto. Modo redire in gratiam liceat".

CXXXVIII. ...Она достала кожаный фаллос и, обмакнув в смешанное с толченым перцем и растертым в порошок крапивным семенем масло, начала потихоньку вводить мне его в зад. Затем, смазав этой же самою специей мои ляжки, свирепая старушонка сделала смесь из соков кресса и божьего дерева, смочила мне ею пах и, схватив в руку пучок зеленой крапивы, принялась медленно хлестать им меня по животу пониже пупа...

Размякшие от вина и похоти, старушонки все же пустились следом и из переулка в переулок гнались за мною, крича:

- Держи вора!

Однако я улизнул, хоть и раскровянил все пальцы на ногах, когда убегал очертя голову...

- Хрисида, которая в прежнем твоем положении даже слышать о тебе не хотела, теперь готова разделить твою судьбу, даже рискуя жизнью...

- Разве Ариадна или Леда могли сравниться с такою красотой? Что по сравнению с ней и Елена? что - Венера? Если бы Парис, судья одержимых страстью богинь, увидел тогда рядом с ними ее лучистые глаза, он отдал бы за нее и Елену и богинь в придачу. Если бы только мне было позволено поцеловать ее, прижать к себе ее небесную божественную грудь, то, быть может, вернулись бы силы и воспрянули бы части моего тела, и впрямь, пожалуй, усыпленные каким-то ядом. Оскорбления меня не удручают. Я не помню, что был избит; что меня вышвырнули, считаю за шутку. Лишь бы только снова войти в милость...

[CXXXIX] Torum frequenti tractatione vexavi, amoris mei quasi quandam imaginem <. . .>

Non solum me numen et implacabile fatum persequitur. Prius Inachia Tirynthius ira exagitatus onus caeli tulit, ante profanam Iunonem Pelias sensit, tulit inscius arma Laomedon, gemini satiavit numinis iram Telephus, et regnum Neptuni pavit Vlixes. Me quoque per terras, per cani Nereos aequor Hellespontiaci sequitur gravis ira Priapi.

CXXXIX. Я все время тискал под собою тюфяк, словно держа в объятиях призрак моей возлюбленной...

Рок беспощадный и боги не мне одному лишь враждебны.

Древле Тиринфский герой, изгнанник из царства Инаха,

Должен был груз небосвода поднять, и кончиной своею

Лаомедонт утолил двух богов вредоносную

<. . .> Quaerere a Gitone meo coepi, num aliquis me quaesisset. "Nemo, inquit, hodie. Sed hesterno die mulier quaedam haud inculta ianuam intravit, cumque diu mecum esset locuta et me accersito sermone lassasset, ultimo coepit dicere, te noxam meruisse daturumque serviles poenas, si laesus in querela perseverasset." <. . .>

Nondum querelam finieram, cum Chrysis intervenit amplexuque effusissimo me invasit et: "Teneo te, inquit, qualem speraveram: tu desiderium meum, tu voluptas mea, nunquam finies hunc ignem, nisi sanguine extinxeris." <. . .>

Vnus ex noviciis <Eumolpi> servulis subito accurrit et mihi dominum iratissimum esse affirmavit, quod biduo iam officio defuissem. Recte ergo me facturum, si excusationem aliquam idoneam praeparassem: vix enim posse fieri, ut rabies irascentis sine verbere consideret. <. . .>

ярость;
Пелий гнев Юнонин узнал; в неведенье поднял
Меч свой Телеф, а Улисс настрадался в Нептуновом царстве.
Ну, а меня по земле и по глади седого Нерея
Всюду преследует гнев геллеспонтского бога Приапа...

Я осведомился у моего Гитона, не спрашивал ли меня кто-нибудь.

- Сегодня, - говорит, - никто, а вчера приходила какая-то неплохо одетая женщина; она долго со мной разговаривала и порядком надоела мне своими жеманными речами; а под конец заявила, что ты провинился, и если только оскорбленное лицо будет настаивать на своей жалобе, то ты понесешь рабское наказание...

Не успел я еще закончить своих жалоб, как появилась Хрисида; она бросилась мне на шею и, горячо меня обнимая, воскликнула:

- Вот и ты! Таким ты мне нужен. Ты - мой желанный, ты - моя услада! Никогда не потушить тебе этого пламени! азве что кровью моею зальешь его...

Внезапно прибежал один из новых слуг Эвмолпа и заявил, что господин наш, за то что я целых два дня уклонялся от службы, сильно на меня рассердился и что я хорошо сделаю, если заблаговременно придумаю какое-нибудь приличное оправдание, так как вряд ли можно надеяться, чтобы бешеный гнев его утих без побоев...

[CXL] Matrona inter primas honesta, Philomela nomine, quae multas saepe hereditates officio aetatis extorserat, tum anus et floris extincti, filium filiamque ingerebat orbis senibus, et, per hanc successionem artem suam perseverabat extendere. Ea ergo ad Eumolpum venit et commendare liberos suos eius prudentiae bonitatique <. . .>credere se et vota sua. Illum esse solum in toto orbe terrarum, qui praeceptis etiam salubribus instruere iuvenes quotidie posset. Ad summam, relinquere se pueros in domo Eumolpi, ut illum loquentem audirent: quae sola posset hereditas iuvenibus dari. Nec aliter fecit ac dixerat, filiamque speciosissimam cum fratre ephebo in cubiculo reliquit, simulavitque se in templum ire ad vota nuncupanda. Eumolpus, qui tam frugi erat ut illi etiam ego puer viderer, non dislulit puellam invitare ad pygesiaca sacra. Sed et podagricum se esse lumborumque solutorum omnibus

СХХХХ. Матрона, одна из первых в городе, по имени Филомела, в молодые годы успела уже урвать не малое количество наследств, а когда цвет юности поблек и она обратилась в старуху, стала навязывать бездетным богатым старикам своего сына и дочку - и так, с помощью своего потомства, продолжала заниматься прежним ремеслом.

Так вот, теперь она пришла к Эвмолпу с тем, чтобы поручить его опыту и доброте самое заветное - детей своих... Кроме него, никто во всей вселенной не может ежедневно давать молодежи душеполезные наставления. Словом, она заявила, что оставляет детей своих в доме Эвмолпа для того, чтобы они наслушались его речей: а другого наследства молодым людям и нельзя оставить.

Сказано - сделано. Притворившись, будто уходит в храм принести богам обеты, она прелестнейшую дочку и юного сына оставила

dixerat, et si non servasset integram simulationem, periclitabatur totam paene tragoediam evertere. Itaque ut constaret mendacio fides, puellam quidem exoravit ut sederet super commendatam bonitatem, Coraci autem imperavit ut lectum, in quo ipse iacebat, subiret positisque in pavimento manibus dominum lumbis suis commoveret. Ille lente parebat imperio, puellaeque artificium pari motu remunerabat. Cum ergo res ad effectum spectaret, clara Eumolpus voce exhortabatur Coraca, ut spissaret officium. Sic inter mercennarium amicamque positus senex veluti oscillatione ludebat. Hoc semel iterumque ingenti risu, etiam suo, Eumolpus fecerat. Itaque ego quoque, ne desidia consuetudinem perderem, dum frater sororis suae automata per clostellum miratur, accessi temptaturus an pateretur iniuriam. Nec se reiciebat a blanditiis doctissimus puer, sed me numen inimicum ibi quoque invenit. <. . .>

"Dii maiores sunt, qui me restituerunt in integrum. Mercurius enim, qui animas ducere et reducere solet, suis beneficiis reddidit mihi quod manus irata praeciderat, ut scias me gratiosiorem esse quam Protesilaum aut quemquam alium antiquorum." Haec locutus sustuli tunicam, Eumolpoque me totum approbavi. At ille primo exhorruit, deinde ut plurimum crederet, utraque manu deorum beneficia tractat. <. . .>

<Eumolpus>: "Socrates, deorum hominumque <b(ltistow>, gloriari solebat, quod nunquam neque in tabernam conspexerat nec ullius turbae frequentioris concilio oculos crediderat. Adeo nihil est commodius quam semper cum sapientia loqui. — Omnia, inquam, ista vera sunt; nec ulli enim celerius homines incidere debent in malam fortunam, quam qui alienum concupiscunt. Vnde plani autem, unde levatores viverent, nisi aut locellos aut sonantes aere sacellos pro hamis in turbam mitterent? Sicut muta animalia cibo inescantur, sic homines non caperentur nisi spe aliquid morderent." <. . .>

в опочивальне.

Эвмолп, который на этот счет был до того падок, что даже я ему казался мальчиком, разумеется, немедленно же предложил девице посвятить ее в некие таинства. Но он всем говорил, что у него и подагра, и поясница расслаблена; так что, не выдержи он роли до конца, рисковал бы испортить нам всю игру. Поэтому, чтобы не подорвать веры в нашу ложь, он попросил девицу сесть верхом на его столь хорошо рекомендованную ей добродетель, а Кораксу велел забраться под кровать, на которой лежал, и, упершись руками в пол, покачивать его снизу взмахами чресел.

Услышав спокойное приказание господина начинать, Коракс немедленно приступил к делу и стал отвечать в такт на искусные движения девицы.

Как только Эвмолп почувствовал, что дело уже подходит к концу, он принялся поощрять слугу громким голосом, прося его ускорить работу.

Так забавлялся наш старец, точно в качелях раскачиваясь между слугой и подружкой.

Два раза подряд проделал это Эвмолп под всеобщий и собственный хохот. Я же, дабы от бездействия не потерять навыка, подошел к дверям, через скважину коих братец следил за покачиванием сестрицы, желая испытать, не согласится ли и он претерпеть кое-что.

Мальчик, который уже давно успел постичь всю эту науку, и не думал уклоняться от моих ласк, но и на этот раз враждебное божество встало мне поперек дороги...

- Великие боги, восстановившие все мои силы! Да, Меркурий, который сопровождает в Аид и выводит оттуда души людей, по милости своей возвратил мне то, что было отнято у меня гневной рукой. Теперь ты легко можешь убедиться, что я взыскан щедрее Протесилая и любого из героев древности.

С этими словами я задрал кверху тупику и показал себя Эвмолпу во всеоружии.

Сначала он даже ужаснулся, а потом, желая окончательно убедиться, обеими руками ощупал дар благодати...

- Сократ, который и у богов и у людей... гордился тем, что ни разу не заглянул в кабак и не позволял своим глазам засматриваться ни на одно многолюдное сборище. Да, нет ничего лучше, как говорить подумавши.

- Все это истинная правда, - сказал я. - Никто

так не рискует попасть в беду, как тот, кто зарится на чужое добро. Но на какие средства стали бы жить плуты и мошенники всякого рода, если бы они не швыряли хоть изредка в толпу в виде приманки кошельков или мешков, звенящих монетами? Как корм служит приманкой для бессловесной скотины, так же точно людей не словишь на одну только надежду, пока они не клюнут на что-нибудь посущественнее...

[CXLI] <Encolpus?>: "Ex Africa navis, ut promiseras, cum pecunia tua et familia non venit. Captatores iam exhausti liberalitatem imminuerunt. Itaque aut fallor, aut fortuna communis coepit redire ad paenitentiam suam." <. . .> <Eumolpus>: "Omnes, qui in testamento meo legata habent, praeter libertos meos hac condicione percipient quae dedi, si corpus meum in partes conciderint et astante populo comederint. Apud quasdam gentes scimus adhuc legem servari, ut a propinquis suis consumantur defuncti, adeo quidem ut obiurgentur aegri frequenter, quod carnem suam faciant peiorem. His admoneo amicos meos, ne recusent quae iubeo, sed quibus animis devoverint spiritum meum, eisdem etiam corpus consumant." <. . .> Excaecabat pecuniae ingens fama oculos animosque miserorum. Gorgias paratus erat exsequi.

"De stomachi tui recusatione non habeo quod timeam. Sequetur imperium, si promiseris illi pro unius horae fastidio multorum bonorum pensationem. Operi modo oculos, et finge te non humana viscera, sed centies sestertium comesse. Accedit huc, quod aliqua inveniemus blandimenta, quibus saporem mutemus. Neque enim ulla caro per se placet, sed arte quadam corrumpitur, et stomacho conciliatur averso. Quod si exemplis vis quoque probari consilium, Saguntini oppressi ab Hannibale humanas edere carnes, nec hereditatem expectabant. Petelini idem fecerunt in ultima fame, nec quicquam aliud in hac epulatione captabant, nisi tantum ne esurirent. Cum esset Numantia a Scipione capta, inventae sunt matres, quae liberorum suorum tenerent semesa in sinu corpora."

CETERA DESVNT.

CXXXXI. - Но ведь обещанный тобою корабль с деньгами и челядью из Африки не пришел, и ловцы наследства, уже истощенные, урезали свою щедрость. Словом, если я не ошибаюсь, Фортуна и в самом деле начинает уже раскаиваться...

- За исключением моих вольноотпущенников, все остальные наследники, о которых говорится в этом завещании, могут вступить во владение того, что каждому из них мною назначено, только при соблюдении одного условия, именно - если они, разрубив мое тело на части, съедят его при народе...

У некоторых народов, как нам известно, до сих пор еще в силе закон, по которому тело покойника должно быть съедено его родственниками, причем нередко они ругательски ругают умирающего за то, что он слишком долго хворает и портит свое мясо. Пусть это убедит друзей моих безотказно исполнить мою волю и поможет им съесть мое тело с таким же усердием, с каким они препоручат богам мою душу...

Громкая слава о богатствах ослепляла глаза и души этих несчастных...

Горгий готов был исполнить...

- Мне нечего опасаться противодействия твоего чрева: стоит тебе только пообещать за этот единственный час отвращения вознаградить его впоследствии многими прекрасными вещами, - и оно тотчас же подчинится любому приказу. Закрой только глаза и постарайся представить себе, что ты ешь не человеческие внутренности, а миллион сестерциев. Кроме того, мы, конечно, придумаем еще и приправу какую-нибудь, с которой мясо мое станет вкуснее. Да и нет такого мяса, которое само по себе могло бы понравиться; но искусное приготовление лишает его природного вкуса и примиряет с ним противодействующий желудок. Если тебе угодно будет, чтобы я доказал это примером, то вот он:

человеческим мясом питались сагунтинцы, когда аннибал держал их в осаде, и при этом никакого наследства не ожидали. С петелийцами во время крайнего голода было то же самое: и, поедая такую трапезу, они не гнались ни за чем, кроме насыщения. После взятия Сципионом Нумантии в ней нашли несколько матерей, которые держали у себя на груди полуобглоданные трупы собственных детей...